394376

Аморальные байки с плохими словами. - 1

Unknown

SHOUT
SHARE
IT

-
- Валдис Йодли
- Аморальные байки с плохими словами.
- Красное Вино
- Витька и туфли из кожи страуса
- Ночная оргия и зеленый агломерат
- Витька, шуба и трофейные рога
- Девятое Ава и Великая скорбь
- Витька, гопники и третий уровень мастерства
- Искусство выживания в Одессе
- Секрет уникального клева
- Титановые шурупы
- Горы, баня и суровая старость Розалии Карловны
- Средневековый демотиватор
- Дом, который купил Патефон
- Спасатели
- Витька, пчелы и гранитные русалки
- Передача данных
- Подлокотник
- Дубовые двери, Ван Гог и фиолетовый Михалыч
- Подводная охота на угря
- Запасной вариант

Валдис Йодли

Аморальные байки с плохими словами.

Красное Вино – юмористическая проза, 05.04.2012 10:12

Витька и туфли из кожи страуса – юмористическая проза, 05.04.2012 18:54

Ночная оргия и зеленый агломерат – юмористическая проза, 05.04.2012 17:07

Витька, шуба и трофейные рога – юмористическая проза, 12.04.2012 22:04

Девятое Ава и Великая скорбь – юмористическая проза, 05.04.2012 09:34

Витька, гопники и третий уровень мастерства – юмористическая проза, 04.04.2012 20:44

Искусство выживания в Одессе – юмористическая проза, 04.04.2012 22:48

Секрет уникального клева – юмористическая проза, 04.04.2012 22:44

Титановые шурупы – юмористическая проза, 04.04.2012 22:39

Горы, баня и суровая старость Розалии Карловны – юмористическая проза, 04.04.2012 22:22

Средневековый демотиватор – юмористическая проза, 10.04.2012 10:23

Дом, который купил Патефон – ироническая проза, 04.04.2012 22:18

Спасатели – юмористическая проза, 04.04.2012 22:06

Витька, пчелы и гранитные русалки – юмористическая проза, 04.04.2012 20:56

Передача данных – юмористическая проза, 15.05.2012 11:42

Подлокотник – ироническая проза, 06.04.2012 16:29

Дубовые двери, Ван Гог и фиолетовый Михалыч. – юмористическая проза, 06.04.2012 17:25

Подводная охота на угря – юмористическая проза, 21.05.2012 11:36

Запасной вариант – юмористическая проза, 04.04.2012 20:16

Красное Вино

Пролог.

Мукачево – сердце Европы,…. ну, если не сердце, то левый желудочек это точно..

Столица закарпатского бомонда, воспетая в поэмах, эпосах и анекдотах.

Город-вавилон, где цыгане говорят на венгерском, венгры на русском, русские на украинском и только русины говорят на всех языках одновременно.

Родина художника Мункачи, певицы Лолиты и мультимиллионера Ру… впрочем, не будем называть его фамилию.

Отчизна самого чрезвычайного министра из всех министров и предвыборная площадка третьего президента Украины.

Крыша криминального мира, взрастившая такие таланты, при упоминании которых бьются в ознобе сицилийские кланы и токийские якудза извлекают вакидзаси для харакири.

Мегадеревня, в которой на одном гектаре делают австрийские лыжи, собирают испанские стулья, шьют литовские трусы и пьют финскую водку. Резервация , где есть свои индейцы и шериф, залежи нефти на автозаправках и копи золота в ювелирных магазинах. Где утвержден генплан развития до 2017 года и даже обещают скоростной интернет. Часть суши, где недвижимость дороже чем в Нью-Йорке, но дешевле чем в Одессе. Свободная экономическая зона, где солнце светит безвозмездно, снег ложится только на газоны, сосульки толще и длинней чем у соседей, а сакуры цветут красивей чем в Киото. Территория, где по субботам милиционеры сами платят за себя в парикмахерских и не ездят под красный светофор. Купол мирового духовенства под которым костел упирается в синагогу, а церковь Живого Бога глядит на православный храм. Средоточие всех религий и конфессий, винегрет культур и апофеоз куллинарно-алкогольного искусства.

– А еще у нас есть Драмтеатр, фонтан и кружок бисероплетения, – доносится резкий голос экскурсовода. Она держит высоко над головой красный зонтик и решительно шагает к винным бочкам на центральной площади. За ней по мостовой стучит каблуками толпа шальных туристов из Крыжополя и обнищавший олигарх с протянутой рукой.

Вся площадь перед ратушей усеяна бездыханными телами – лежат прямо на клумбах, а бродячие собаки нюхают им ноги и лижут алый снег. Мясо на кострах шипит, огонь искрит повсюду, сизый дым столбом – в разгаре фестиваль «Красное Вино». Народу – тьма тьмущая, ряженые поют колядки, цыгане заглядывают в глаза, дети привязаны к воздушным шарам, не протолкнуться: руки, плечи, головы в шапках колышутся, воротники каракулевые сменяются ослепительными декольте, … йолки зеленые, глаза разбегаются… Стою под стенами ратуши, созерцаю все это телодвижение со стороны, вдруг кто то под руки мою персону подхватил и за стол дубовый усадил. Я, вообще то, не большой ценитель красного вина, но … уже налито…

Выпил стаканчик – зрение наладилось, гляжу, напротив здоровяк в волчьей шубе сидит и пальцем по столу стучит:

– Не верно, Валдис, не может такого быть, -ко мне обращается,- нельзя рисовые зерна в вино сыпать, не правильно это..

– Да я сам сыпал, Егорыч, -отбиваюсь, – прекрасное шампанское получается, получше любого французского.

– Не может быть,- напирает волчья шуба и для большей убедительности сморкается в сторону винной бочки. Зеленая слизь не долетает до земли совсем чуть-чуть и предательски повисает на большом пальце, – быть такого не может, – уже не так напористо молвит Глеб Егорыч, ища обо что обтереть палец. Использовать в качестве салфетки сидящюю сзади тетку довольно рисковано, поэтому он довольствуется чьей то собакой.

– Да я и не спорю, прокуратура, – смягчаюсь, – …Иди с богом, – вкладываю в руку нищего кусок шашлыка,- но ведь сыпал…

Рядом мельтешит какой то хлыщ, смесь адвоката с безродным маклером, бегает, стаканчики с вином подносит. Егорыч, транспортный прокурор и бывший афганец, принципиальный мужик – все пытается вложить ему в руку хрустящюю купюру с портретом Григория Сковороды. Адвокат ловко изворачивается и бежит за порцией жаркого. За столиком напротив сидит шумная компания свекольного цвета дядек и ведет дискуссию о тонкостях алкогольной инженерии – один левой рукой изображает виноградную гроздь и, держа вилку в правой, пытается отсечь себе мизинец, как непривившийся. Его оппонент возмущенно икает. Сбоку стоит дикий хохот, изредка переходящий в визг и слышатся обрывки слов «….астрация», «….титуция», едкий дым щиплет глаза и мерзнут ноги.

На пятом стаканчике звук теряется и мы переходим на международный язык жестов: Глеб Егорыч энергично машет головой из стороны в сторону, рискуя разбить огромный нос о деревянную стойку, я изредка киваю, причем, с каждым кивком тощий маклер прибегает с очередным стаканчиком божоле.

После порции Черного Доктора к прокурору возвращается человеческая речь:

– Мне бы твоя помощь нужна, дизайнер, – Глеб Егорыч вдруг потерял интерес к рисовым зернам.- Надо бы в Киев сьездить, коллегам помочь. Они там в министерстве снова какой то марафет затеяли, а работать некому – Рождество как никак. Если не поможешь, завалят сдачу объекта. Так что бери своих бойцов и дуй в столицу. Все расходы – за мой счет. Заодно красного вина с собой прихвати. Мол, презент из Мукачева.

– Придется «полтора брата» с собой брать, – стряхиваю капли Доктора на язык, – да и инструменты какие то…

– Что за «полтора брата»?, – Егорыч указательный палец в вино опустил, греет,- Одного помню, Йончия-плиткореза…, а второй кто?

– А второй…,- стучу пластмассовым ножом по лбу, – недоумок слегка, Витькой кличут, в эволюционном развитии застрял где то возле палеолита. Но в качестве подсобника прокатит.

– Это не тот, что свадьбы по субботам возит?,- Егорыч смеется, -говорят, когда у него бензин на переезде кончился, невеста фаетон через рельсы толкала?

– Он самый,… прошлой осенью умудрился маму жениха на вираже потерять – передняя дверка в машине отвалилась.. ..не подсобник, а росвиговское чудо…тьфу, дьявол!,- я ногу отдернул и снизу завизжала собака, похоже прищемил что то ей, – изумительный дебил. Словом, бриллиант в навозе… или навоз в брильянте… хер поймешь…Да, так вот насчет этого Витька-подсобника… Он первый раз передо мной вынырнул еще в две тыщи третьем году. Собственно, началось с того, что я одному доктору дизайн интерьера делал. Тот, Эрик-зубник, сам из Австрии, прикатил к нам на Закарпатье стоматологическую отрасль развивать, ну, я ему дом привел в божеский вид, осталось только ступени мраморные поставить. И главное, заклинило его,

дятла, на этих ступеньках, типа, всю жизнь о них мечтал. Я ему поясняю:

– Эрик, мраморизированый известняк хрупкий, млять, как вафельное печенье, не каждый мастер справится, жалко если мой Йонас испоганит материал, да и ты со мной за прежнюю работу не рассчитался.

– Понимаешь, -говорит этот зубник, – потерпи, я недавно взял новый муфель с цифровым табло, все деньги на него кинул, хочешь, бартером рассчитаемся, могу тебе зубы бесплатно вырвать.

– Спасибо, -отвечаю,- но я как то привык уже с зубами жить, был бы ты гинеколог, то это самое оно – у меня жена вот-вот родить должна, а так – гони бабосы!

– Да хрен, тебе, -говорит,- когда подкинешь мне мастера на ступени, тогда и рассчитаюсь, мендисабаль недоделаный…

Ладно, сижу дома, грызу сухари с белым чаем, думаю, как правильно впасть в отчаяние. Тут звоночек:

– Здравствуйте, мне Вас рекомендовали как хорошего дизайнера, меня зовут Михаил, хочу дома мозаику в кухне иметь. Нужна Ваша помощь.

– С удовольствием, -отвечаю,- я как раз тот, кто Вам нужен, завтра ждите в гости с мастеровыми.

Короче, взял я Йончи-плиточника и направился к этому Михаилу на край города работу принимать. По пути мне Йончик про своего младшего брата Витю все уши намозолил, мол, лентяй и тупица, бабки в игровых автоматах просирает, работать, тварь, не желает, словом, пропадет зазря если не пристроить куда то.

– Давай, шеф, я его подсобником возьму клей колотить…

– Да мне похер, Йончи, кто там будет тебе ведерко подносить, Только если он совсем олигофрен, то я его на правах импрессарио дисквалифицирую. Смотри, что бы дело не завалил, а то чувствую, придется самому роды у жены принимать: наши доктора-педрилы без таньги в роддом на порог не пустят.

– Не-е-е, -отвечает Йонас,- веник и лопату ему доверить можно. Я ему звякну, пусть запрыгнет на объект, познакомитесь.

Виляли по закоулкам целый день, перемазались как свиньи, но нашли этого Михаила. Он мясник какой то, с виду не бедный – на шее цепь толщиной в палец, зубы все золотые, на руке котлы под штуцер зелени, сам маленький такой, рыжий, бегает по двору свое хозяйство показывает:

– Тут у меня курятник, тут коптилка, тут мангал, а там, за домом сливы растут. Ну, вы, ребята, осмотритесь пока, а я кофейку пойду заварю.

Я огляделся – вокруг звиздец полнейший, двор завален какими то костями, снег кровью забрызган, мусор везде, шерсть вперемешку с гавном, на кривом заборе шкуры овечьи сохнут и под ногами какая то псина малахольная путается.

– Видишь, Йонас, люди на помойке живут, а все равно к прекрасному тянутся.

– Да ну нахер, шеф, валим отсюда, пока сальмонеллу какую не цапанули.

– Не сцы, Йони, ща с пациентом побакланим, на крайняк кофе на шару хлебнем.

– Манать тот кофе, смотри какая собака стремная, – показывает на псину. Я присмотрелся, в натуре, псина – отрыв башки: голова маленькая, а туловище огромное, раздутое на тоненьких ножках, из жопы кусок целлофана торчит и бинта грязного метра полтора. Ходит это чудовище, ноги нюхает, падла, а я не двигаюсь – боюсь на сникерс наступить, их она по всему двору накидала, тварь.

– Ты, Йончелло, тему не всосал, это собака выживальщика, на случай катастрофы, типа, консерва живая. Она у мясника на черный день припасена!

Стоим, значит, на крыльце, пьем кофе, а мясник свою мысль пытается изложить:

– Хочу, -говорит, -на Инессу впечатление произвести. Она недавно из Испании каталог плитки Sicis привезла, – достает замызганный журнал, – Так вот, хочу на кухне такую же мозаику замутить, – тычет пальцем в каталог, – но заказывать в Испании муторно, пока привезут, то да се… да и по любому нужен плиточник ее поставить, так что, сможете?

– Да запросто, – отвечаю, – че, Йончик, закалампоцкаем сюрприз Инессе?

Йонас, глянул, аж скукожился, там жеж, млять, пять тыщь кусочков, это ж надо неделю корячиться с плиткорезом.

– Не тупикуй, Йончик, – пытаюсь его в русло направить, – Ты ведь мастерюга матерый, к тому же брателло в помощь будет, да и я подмогну, не дрейфь. Мясник за работу триста зеленых портретов дает, как раз по сотке в клюв, хули думать, Йончик…

Только ударили по рукам, гляжу, подкатывает к калитке

тачка совсем безпородная и вылазит из нее какой-то педрило в черных очках, во фраке и штиблетах лакированных с загнутыми носками.

– Это че за Пиноккио? – спрашиваю.

– Так это ж Витька, братуха мой, на свадьбу собрался свидетелем.

– Фу-у-у, бля, Йончик, напугал… я думал Эрик за мной киллера прислал, фашист…

Подгребает этот клоун:

– Хелло, папы карлы, че, бля, без меня пукнуть не можете? Ладно, я вам дело на рельсы поставлю, показывайте рабочее место.

– Рабочее место у тебя вон, у мусорного ведерка, -говорю,- там же и инструменты возьмешь – веник и лопату совковую.

– Цена вопроса? На какую цифру разбогатеем? – спрашивает – я ж пацан серьезный, за пряник корячиться не буду.

– Каждому по франклину, говорю, если справимся.

– Вот это зашибон, сразу видно, Йончи, шеф у тебя правильный, не то что ты, лошарик доверчивый, за бублики потеешь… Ой, бля!!! Эт че за собака баскервилей, вы че, пацаны, новую породу вывели?

– А, это наша Линда, – мясник Михаил отозвался. – Она, видать, колбасы копченой в кожуре обожралась и че то у нее в кишках заклинило, ходит, бедная уже две недели посрать не может.

– Так хули делов то, – говорит Витя,- щас я ее вылечу, – и становится, подлец, своим штиблетом лаковым ей на бинт, из жопы свисающий. Тут псина че то шуганулась, видать очко у нее чувствительное, шкребет, падла, когтями по льду, визжит ужасно, а Витя, юннат хренов, ногу только сильнее прижимает.

И, то ли эта Линда когтями до почвы дошкребла, херзна, я че то этот момент с трудом потом восстановил, целлофан из попы у нее резко так выскочил и бинт с дерьмом, чвякс! – прямо на Витьку.

Я рядом стоял, но меня практически пронесло – только в рот кусочек дерьма собачьего залетел, видать я хотел что то умное сказать, не помню, и что обидно, нет шоб выплюнуть, я его сглотнул, рефлекс, бля, мне еще Эрик когда зубы шпаклевал, говорил, что у меня рефлексы сильные – я ему тогда чуть палец не откусил, нах… Короче, вырвалась эта торпеда вонючая и чешет с диким воем прямо в поле к сливовому дереву сдуваясь по ходу,

только из выхлопной красно-коричневая смесь брызжет. Я гляжу и думаю: "добежит-не-добежит". Нет, сука, не добежала, топлива буквально, на пару метров не хватило! А Витя спокойно так бинт с себя стряхнул, взял бюстгалтер какой то с веревки, фрак вытирает и говорит:

– Ладно, пацаны, вы тут развлекайтесь, а мне некогда фигней заниматься, меня там молодожены ждут, – и пошел к своему фаэтону.

" Ну, -думаю,- дерзкий типок, старт хороший взял, интересно как до финиша дойдем?"

*

Целую неделю Йончик над плиткорезом онанировал, но мозаику нарезал. Крутанули мы эти кубики в бетономешалке с песочком, типа галтовочный барабан, хули вы думаете – испанцы остались глубоко позади, собрали все в мешок и прикатили к мяснику его хибару глиняную в дворец превращать. Я на компе распечаточку шаблона сделал, осталось только все на клей постелить. Сидим жопой кверху на кухне у мясника, складываем эту мозаику Sicis, а из подвала только удары топоры доносятся – Михаил очередную жертву на колбасу шинкует.

– Интересно, а Линду он тоже на сервелат пустил?, – Витек спрашивает – Или похоронил по чесному?

– А тебе не один хрен? – Йончик молвит в ответ – Угробил животное, садист.

– Это я садист? Брателло, приди в себя, я поступил гуманно, спас псину от мучений, вообще, бля, ты нихера не шаришь в медицине, это щас на Западе модно за бабки пациента на тот свет отправлять, забыл как называется.

– Киллер, что ли?

– Дурак ты, Йончи, там научно как то…

– Эвтаназия это называется,- говорю,- но ты ж, Витюша, собачку на тот свет без анестезии отпустил,

– Во-во, я бы эвтанавтом был, или эвтанологом, один хрен…, скажи, шеф, получился бы из меня медик?

– Запросто, -говорю,- я тебя, как увидел сразу понял что у тебя большое будущее. У тебя Витя, форма черепа как у Джорджа Буша-младшего, так что можешь рассчитывать на мой голос на выборах.

– Понял, Йончи, что шеф вещает? Поэтому не лезь в научную беседу, сиди собирай пазлы, дурачок, нюхай свой навоз

мышиный, бля, в детстве в кубики не наигрался теперь доигрывай. Вот, шеф, что за брат у меня, хер проссышь, горбатится всю жизнь, конек-горбунок ебучий, а результат нулевой – до сих пор на велике ездит. Пипец просто, родовое проклятие, а не брат! Я вообще думаю, что его в роддоме подменили, не могла мать такого оленя на свет произвести – рога на выходе застряли бы!

Так мило беседуя, к часу ночи сложили мозаику на полу, в натуре, красота получилась опупенная, лучше чем в журнале, сидим в гостиной кофе пьем, а в подвале только топор стукает.

– Ну, завтра с утреца швы затрем беленьким, -говорит Йонас,- и можно Инессу впечатлять.

– Насрать на Инессу, Йончи, надо бабки брать, – отвечает Витя, – и валить на хрен отсель, а то чето мне стремно здесь, никак не пойму откуда этот мясник столько мяса берет, может они, млять, клофилинщики какие, сука, херячит топором целый день, уже стадо свиней переебашил, маньяк.

– Ну, ты можешь уже валить,- говорю, – только мусор замети за Йонасом и свободен.

– Не, шеф, я без капусты отсюда ни шагу, мне бабки нужны позарез, я фаэтон свой тюнингую, готовлю к продаже.

– Да хер ты его продашь, -говорит Йончик,- его даже подарить нереально, оптимист наивный.

– Дурак, ты Йончи. Тебе если жопу с головой местами поменять никто и не заметит, просто завидуешь моей удаче, да ладно, хули тебя просвещать, пойду еще кофе накапаю.

И пошел на кухню.

– Ну видишь, Йонас, мозаика сложилась зашибись, а ты очковал и брателло у тебя вполне управляемый, зря ты на него гнал. Только трындит много, просто радио ходячее какое то, башка от него пухнет к вечеру.

– А я к нему привык уже, шеф, он с детства гундит чето невнятное, и пока языком чешет, то ситуация под контролем, но если затих – все, кранты, значит щас чето йопнет.

Я кофий допил и вдруг мне йокнуло в голове: Витюшки не слыхать, затих, падла, а ну иду гляну что он делает, дьявол. Захожу на кухню тихонечко, а он скрючился над мозаикой и чето там вилкой в ней ковыряет и так увлеченно, аж слюна со рта капает. Я подкрался сзади:

– Витюша, ты чего тут делаешь, сволочь?!

– Да, я тут шел на кухню, че то об этой суке Линде задумался, типа, мучалась она перед смертью или не мучалась и случайно

наступил левой ногой на ваши пазлы ебучие, раздавил их малость.

– Ну Витя, про Линду не скажу, но ты, вредитель, точно теперь помучишься, Щас я Йончика позову он тебе левую ногу тупой пилой в области колена отпилит под корень, а я перед этим ржавыми плоскогубцами пальцы поотламываю!

– Да шеф, не кипишуй, все будет джуки-пуки, я в телике видел реставраторов, так они вообще из дерьма мозаику складывали, хули делов то?

– Ладно, реставратор, как бы тебя самого не пришлось из дерьма складывать, короче, пошел я венок с лентами покупать, а ты иди ямку рой: под сливой рядом с Линдой будешь лежать, с братухой сам разбирайся. Удачи.

Утром прихожу к мяснику, на крыльце Йончик сидит, злой шопипец, а Витек по двору бродит, хобот в кофе опустил и фингал под глазом сияет. Мясник счастливый мечется промеж них, мол, молодцы мужики, мозаика удалась, вот-вот должна Инесса подъехать, она к сестре в Сату-Маре ездила, что то там лечить по женской части. Я тем временем пошел на кухню, гляжу – фантастика – моя мозаика, как новая, фу-у-ух, аж от души отлегло!

Приехала эта Инесса, бля…, атас полный, зрелище похуже малахольной собаки: огромная такая бабища на голову меня выше и весит наверно, как мы все вместе взятые. Я сзади посмотрел, вроде бинт из жопы не волочится, хотя, может тоже целлофан в кишках застрял. Показали ей мозаику, она просто задрожала от восторга, мол, сбылась мечта ее жизни и какие мы, мальчики молодцы, и как она нас может отблагодарить. – Лучше деньгами, говорю, остальные варианты оставьте для мужа.

– И сколько ж такая радость стоит? – спрашивает эта Инесса.

– Всего триста американских долларов, – отвечает Михаил.

Она так на него посмотрела сверху вниз, я еще подумал, интересно, как они сексом занимаются, она ж его приспать может во сне, и говорит:

– Мишенька, это шутка такая? Или ты серьезно? – хлопает белыми ресницами эта свиноматка, – да я за триста баксов себе коленку просверлю, муженек ты мой недоношенный. Эта вся хрень мозаичная, яйца выеденного не стоит, вот дай мальчикам двести долларов и проводи их к машине.

Тем временем Йончи свои болгарки и шпателя в драндулет

пакует, а Витя стоит рядом с лопатой в руке, следит за нашей беседой и, судя по глазам, пытается в башке двести на три поделить… Ну, я малость пришизел от такого маневра и говорю:

– Мадам, Вы просто фея-волшебница: за секунду испарили сто долларов в свою пользу. Думаю, Вам стоит аргументировать такую цифру, либо оплатите работу полностью.

– А что тут аргументировать, -говорит эта шкафина в юбке, - дорого берете, мальчики. И, вообще, работа совсем не идеальная, вон там у вас шов кривовато пошел…

– Так хули делов-то! Щас мы его поправим, – это Витя говорит, берет свою совковую лопату и ме-е-е-едленно так, слой за слоем счищает испанскую мозаику Sicis в украинское мусорное ведро. Видать, не поделилось двести на три. А Йончик, тем временем инструмент в фаетон запаковал и сидит в салоне, нас ждет с баблом. У него там тоже какие то планы были, чего то там за садик заплатить, за газ, за воду, за телефон, ну, чето скушное.

Короче, стою я на этой мясницкой кухне и думаю: " Вот жеж, бля, приснится такая херня под утро, все, пипец, больше перед сном пирожков с маком не кушаю, от них одни кошмары. Ниче, щас себя ущипну, проснусь и пойду к Михаилу за деньгами". Сунул руку в карман, щипаю себя за член – какое там, не сон ни хера – абсолютная реальность. Все персонажи на местах, Витек с лопатой сопит, Инесса глаза выпучила, пузыри ртом надувает, типа кричит что то, но как то беззвучно, видать, в голове какой то проводок оторвался и звук пропал. Миша зацепенел в фартуке у дверей с топором в руках, как эпоксидкой залитый. Бля, попали в западню, думаю. Миша, гад, внимательно так смотрит, уже в голове расчленил всех на части. Инесса жабрами двигает. Надо уешлепывать поскорей, пока звук в эту биомассу не вернулся. Тут Витя берет меня нежно под локоток и со словами: – Пойдем ка, шеф, нам в этом доме не рады, – боком-боком ведет меня к калиточке.

Едем домой в Витькиной тарантайке, я думаю: бля, финиш получше старта получился, звиздец – сюжет для пьесы, нах… Хотя, если разобраться, мужик ведь хотел чтобы мы на жену впечатление произвели, ну, мы и произвели, как смогли… Йончик спит сзади, а Витек что то насвистывает такое веселое. Я говорю:

– Мужики, вы роды когда нибудь принимали?

– А че? – Витя спрашивает,- кто забеременел, шеф?

– Я забеременел, Витя, щас ежа через жопу рожу от счастья!

– Да не сцы, шеф,- говорит,- я без пяти минут медик. Роды это фигня, там главно тужься и все будет сандокан. Вот, тюнинг мой

накрылся, тужься не тужься – отсос полный.

– Как это накрылся?!- встрепенулся сквозь сон Йончик.

– Отдыхай, Йонас, -говорю, -щас я выйду из машины и Витюша тебе все в подробностях расскажет.

На следующий день сижу дома на террасе, размышляю о сути бытия, озоновых дырах и глобальном потеплении, никого не трогаю, вдруг приходит ко мне Витя, сволочь, довольный, рот до ушей и двух зубов спереди не хватает.

– Я, -говорит,- вчера с братом поговорил по душам, так он мне намекнул что пора поумнеть. Все. Конец разгильдяйству, буду делом заниматься. Готов на все чтобы доказать свою профпригодность. К тому же надо братухе сотку зелени вернуть, я у него на старте выпросил на тюнинг, так что, шеф, выручай, иначе трындец, в натуре, придется ямку копать.

– Да с удовольствием, Витек, я тебя уже заждался. Ты когда то с мраморизированым известняком сталкивался?

– Шо за дрянь? – спрашивает.

– Не важно… короче, есть у меня один клиент для тебя, доктор-стоматолог, хочет ступени мрамором покрыть, капусты имеет немеряно, только занудный слегка, типа твоего братца.

– Херня, -говорит, -перевоспитаем, хули делов-то, все будет джуки-пуки.

– Вот и славненько, Витюша, щас я ему позвоню, будете знакомиться. Заодно и о медицине побеседуете.

Звоню этому зубнику хренову: – Эрик, дружище, здравствуй! сбылась мечта идиота, нашел я тебе мастера по мрамору. Виктором зовут. Завтра будет у тебя, только он страшно не любит когда ему в работе мешают, лучше его на пару дней, вообще, оставить одного. Но вечером должок мне закинь, обещал ведь…

Вот тебе, фашист, самонаводящаяся мина замедленного действия.

Чего там дальше было, я подробностей не знаю… Люди говорят, Эрик просто исчез, видать, не понравилось ему у нас на Закарпатье, и Витек пропал на пару лет, похоже, забрали его куда то, то ли в армию, то ли в дурку. Но не в тюрьму это точно – туда таких не пускают.

© Yodli

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204050556

Витька и туфли из кожи страуса

Красное вино. глава II.

Бродячий пес, нашедший в подворотне остатки вареной курицы, не радовался так, как ликовал я. Три веских обстоятельства были тому причиной. Еще бы: во первых, Глеб Егорыч не только подкинул нам новую работу, но и готов был оплачивать все транспортные расходы. Во-вторых… не важно. И в третьих: отхватить строительный заказ в Министерстве Транспорта – такая возможность выпадает не часто и не каждому провинциальному архитектору. Отличный повод зарекомендовать себя профессионально, оставить потомкам, так сказать, неизгладимый след…

– Какой такой след? – переспросил Витька.

– Неизгладимый. Это только ты, болван, оставляешь вонючие коричневые следы. – Я удобно устроился на нижней полке купе и собрался просвещать Витьку. – Все великие люди, в отличие от тебя, навозного червя, оставляют после себя многовековые творения. Взять, к примеру, Алекандра Македонского… хотя нет, лучше Петра Великого – взял, да и построил город на болотах…

– Хули там город, -отозвался Витя, -Вот у меня сосед, тоже Петром зовут, он такой след оставил… Неизгладимый. Вся деревня до сих пор крестится. Прикинь, шеф, поехал в клуб на

комбайне. На ночную дискотеку. Доехал до середины заледенелого озера…

– Ты достал со своим дядей Петей, дурачок…-Я извлек из сумки сверкающее рубинами вино и передал Вите. – Тебе о высоких материях вещают… Взять, например, семь чудес света: Великие Пирамиды, Александрийский Маяк, Висячие сады Семирамиды… слышал, нет?

– Не, про висячую семирамиду не слышал. – Витя откупорил бутылочку. – А вот пирамиды – да. Страшная вешь. У меня мамка в та-а-акую финансовую пирамиду влезла! Лохотрон еще тот – все бабки на ветер. Чуть без квартиры не остались…

– У тебя, Витя, только бабки в голове. И бесшумный вентилятор на присосках. А вот древний зодчий Сострат Книдский о будущих поколениях думал. По приказу царя Птолемея соорудил на острове Фарос невероятного величия маяк. Сто сорок метров высотой. Светил Александрийский маяк морским судам на сотню километров и не было ему подобного в мире. И решил Сострат оставить по себе память, но не мог: царь Птолемей велел нанести на маяк свое имя, царское…

– Да болт на царя, – возмутился подсобник, – где демократия, йолкин дрын?! Че то, шеф, твой Кастрат тупанул не по детски…

– Сострат.

– Ну, пусть будет Сатрап… или как там?

– Сострат…

– Баран твой Сострат! Надо было рвать капусту и валить на хрен. За кордон… Петлять огородами! Насрать на царское имя…

– Ты слушай, болван огородный!.. Так вот. Этот древний Кастрат, тьху ты!.. Сострат, прежде чем штукатурить каменные стены маяка, нанес на него свое имя: «Сострат, син Декстифона», а затем покрыл слоем штукатурки. На свежую штукатурку нанес имя царя Птолемея. Царь был в восхищении. Он же не знал, что под штукатуркой скрывается имя зодчего…

– От собака…

– Имя зодчего открылось после того, как выветрилась штукатурка. Через шестьдесят лет.- я взял из витькиных рук стаканчик ароматного вина, – Царь уже умер, а каменные стены донесли до нас истинное имя великого архитектора. И седьмое чудо света – Александрийский маяк.

Так, за познавательной беседой о неизгладимых следах, висячих садах и прочих масонских тайнах каменотесов докатились мы до славного города Свалявы.

В Сваляве проводница принесла в подстаканниках горячий чай. Витка чай выпил и подстаканник в руках вертит:

– От жеж, обнищала железка. Совсем опустилась… раньше подстаканник стырить было не стыдно, а теперь один срам – в руки противно взять. У меня дома целая коллекция – самые кудрявые со всего Союза собраны…, а это, бля, не подстаканник, а позор нации какой то…

– Ты если че то не сопрешь, сразу заболеешь, -Йончи смеется, – пора твою клептоманию лечить.

– Это че такое?!- Испугался Витя.- Шо за клептомания, шеф?

– Страшное заболевание, Виктор, – говорю ему с умным лицом.- Пульсирующая копрофилия мозга. Лекарств еще не придумали. Сопровождается сильной душевной болью.

– Не хер ее лечить, – Витька успокоился и ступни ног к оконному стеклу приложил, – она у меня не болит.

– А что у тебя болит?- спрашиваю участливо.

У меня член болит без любви.Третий день без Нинки… эх!- Витя на нижней полке растянулся и зашлепал голыми ступнями по окошку веселый ритм:

Мой дружок красноголовый
Побывал уже везде.
Чтоб он не примерз к коленке
я держу его в …

– В узде?- удивился Йончик.

– В мазде. -брякнул Витя. – Йолкин-дрын, пацаны, могло бы неземное тело приземлиться, лет двадцати пяти и с четвертым номером сисек. И, желательно, без лишних предрассудков.

– Хрен тебе обломится, брателло,- хмыкнул Йонас- такие овцы без пастуха не передвигаются.

– Нам овцевод ни к чему, и так хорошо едем, – высказываю свою мысль, – скорее всего, никого не подселят: все нормальные люди дома рождество празднуют…

От Свалявы оттолкнулись, катимся по рельсам и о преимуществах клептомании рассуждаем, вдруг, в купе какой то хряк с голосом сифилитика вваливается:

– А что это вы алкоголь в общественном месте распиваете? – сипит и портфель из черной кожи на полку закидывает, – Вам что, ваши права зачитать?!

– Дядя, проходи мимо, – Витя от окошка пятки отлепил, – не мешай преодолевать сложные расстояния.

– Ну ка, подвинься, ушастый, – мужик на матрас всем весом рухнул, Витьке чуть голову не раздавил, -у меня верхняя полка, но я снизу останусь. Не те годы по верхам скакать.

Я присмотрелся к пассажиру: откормленный здоровяк в полтора центнера, шея отсутствует, руки как у меня ноги, весь в черном, даже тесемки плетеные на черной вышиванке. И на костяшках «КОЛЯ» наколото.

– А что, Николай, – протягиваю ему стаканчик мадеры, – по работе передвигаетесь или на отдых после тяжких трудов?

– Брат у меня в Тернополе, – стакан вина залпом сглотнул, – еду на праздники проведать. Гостинцы везу, – по черному пакету похлопал.

– Чем занимаетесь, Коля? – еще стакан наливаю новому другу, – вы не спортсмен часом?..

– Баловал железом по молодости,… пауерлифтинг,- опять в себя опрокинул, – сейчас другие виды спорта осваиваю.

– Вы, наверно, медицинский работник, – еще стакан мадеры ему наливаю, – у Вас внешность интеллигента…

– Почти угадал, – губы вытирает после четвертого, – есть такая профессия – людей от жадности лечить…Судебный исполнитель я.

– А-а-а, ну тогда, Ваше здоровье, – пятый стакан из бутылки сцеживаю, – желаю не повредиться на работе, продуцировать без производственных травм, так сказать… Кстати, вот вам моя визиточка, я – молодой, но талантливый дизайнер,… может, надумаете интерьеры в исправительной колонии улучшить, – даю ему визитку Славика, – милости просим в Мукачево.

– И вам не хворать, -стакашек опрокинул, рукавом занюхивает, – слышь, красноухий, – Витюхе головой кивнул, – давай катапультируйся наверх, папе отдохнуть надо…

Николай туфли из черной страусиной кожи снял, завязки на черной вышиванке ослабил и, прямо в черном пиджаке, на полосатый матрас пузом кверху улегся. Колышется в такт поезда и храпит дико. За окном елки снежные мелькают, белые склоны и тоннели, а Витька сверху ноет:

– Мужики, сделайте что то с этим бодибилдингом, уснуть просто нереально, храпит беспощадно, бычара…

– Я слышал, что если храпящему над ухом посвистеть тихонько, то он на бок повернется и храпеть не будет… только я свистеть не умею, – говорю.

– Щас посвистим, – Йончи свесился вниз, – я известный виртуоз художественного свиста.

Наклонился над штангистом, свистит легонько марш мендельсона, и в натуре, через две минуты Николай че то матюкнулся сквозь сон и рылом к стенке повернулся.

– Видите, пацаны, -радуюсь,- действует безотказно. Можете спать.

– Хер тут уснешь, патрон, – Витька опять скулит сверху, -он теперь пердит чесноком, хряк противный… Йончи, хватит свистеть, пусть лучше храпит…

Йонас на полку залез, свистеть перестал, а судебный пристав снова на спину лег и шумит громче компрессорной станции, аж зеркало в двери дрожит.

– Да мать его за ногу! – Витька наверху мечется, -Йончи, брателло, свистни опять, а то барабанные перепонки лопаются и кровь с носа идет..

Йончи-перфоратор соскочил, «белые розы» высвистывает, а Коля опять, хлоп, и на бок – бздит чесноком, животное.

– Смахивает на копченую колбасу с тмином, – Йончи принюхивается между куплетами, – хотя, немного и корицей отдает. Наверно, салями была.

– Нет, не салями, однозначно, – резюмирую, – немного кислым несет, скорее всего, пироги с капустой.

– Тогда это сигидинский, – шмыгает носом Йонас, но ритм держит, – там и капуста, и мясо, и специи…

– Бля…да вы задрали, свистуны!, – Витек с полки свесился, глаза красные и слезы текут, чуть не плачет, – не паровоз, а газовая камера на рельсах…ну вас в пень, эксперты хреновы, … иду свежего воздуха глотну чуток…

Тут поезд как раз в Воловце остановился, пассажиров подбирает. Витя ботинки обул, спичку промеж зубов сунул и на перрон вышел, звездным небом любуется. Легкие вентилирует.

Йончи тоже дверь в купе приоткрыл, проветривает …тут поезд дернуло слегка и воловецкий перрон медленно за окном поплыл. «Как бы Витек от состава не отделился, -переживаю,- Он, дурак, может»… Неожиданно дверь распахивается и Витя в купе залетает, глаза квадратные, бывшего спортсмена за плечи трясет что есть сил, орет как резаный:

– Николай!!! Вставай скорей! Там твой Тернополь уезжает, нах…!!! Проспал братуху, служивый…хватай портфель – к выходу беги!

Судебный пристав резко так вскочил на матрасе, портфель к груди прижал, глаза выпучил и ни хера не понимает:

– Шо!? Где!? Как проспал, бля…?!?

– Дуй на выход, Коля, Тернополь тебя ждет!,- Витька ему туфли в руки сует.

Тот, с просонья, в одних носках в тамбур ломанулся, только занавески следом падают, портфель в руках держит, а туфли

подмышки сунул. Двери распахнул и успел таки соскочить.

– По моему, Витька, снаружи Воловец, -я в окошко наблюдаю как Николай пытается на снегу обувь напялить, – до Тернополя еще целую ночь трястись по графику.

– Вот и пусть трясется, волк тряпичный, только на другом трамвае, – Витек окно пробует опустить, – здесь благородные доны собрались, а они вечер драмматического свиста устроили. Свистуны, йопта…

– Пацаны, похоже он тут свои страусячьи туфли забыл, – поднимаю боты за шнурки, а Йончины топанки где?…

Короче, вышла такая клизма, что йончины потертые ботинки прижились у судебного исполнителя на ногах, а нашему перфоратору страусиные шузы ручного пошива достались.

– Четыреста баксов минимум, – туфлю на руке подкидываю, – а ну примерь на ногу, Йонас, будешь у нас самым гламурным плиточником на Закарпатье.

Туфли чуть великоваты оказались, но на вязаный носок в самый раз – блестят пупырышками – можно Йончия женить не глядя. Кстати, кулек целофановый тоже неплохим трофеем оказался, Витька его зубами вскрыл, а там колбасы копченой немеряно и шмат свинного окорока. Не пропадать же добру – пришлось скушать под сухое вино.

– Ты что, шеф, ему Славкину визитку сунул? – Витя колбасу жует, – он жеж, вроде, перевоспитался уже… на Дне Города.

– Да фиг там перевоспитался, – шинкую окорок на газетке, – Славика каждый сезон надо на средневековый демотиватор отправлять. Перевоспитываться. Тогда может, станет человекоподобным существом.

– Ох, найдет его Николай – убьет нахрен…

– Не найдет. -говорю. – Если его Жорик, полковник разведки, до сих пор не нашел, то судебный пристав и подавно не найдет. Славик – непревзойденный мастер мимикрии и виртуоз по заметанию следов… Вон, за ним уже сколько человек бегает: авторитетный Патефон, Жорик-разведка, туркменские ассасины и теперь Николай…

– Что за туркменские ассасины? – спросил Йончик.-Не слышал про таких.

– Неужели не слышал про ассасина Ханджара?- удивленно глянул я на Йонаса. – Легендарный Ханджар – наемный убийца неверных. Тюркский следопыт и кровавый кинжал в черных песках Кызылкума.

– Че за хер с бугра?, – заинтересовался Витя, – Давай,

рассказывай, шеф. Все равно стучим по рельсам… Ночь длинная.

– Ну, можно и рассказать…- я достал из сумки вторую бутылку красного вина, – Помнишь, Йонас, тех туркменов, которые траву курили у Жорика в гостях? Ну, когда Витя помог ему сухое дерево на пасеке спилить?.. а, ну ты самое интересное пропустил: в доме ковырялся, швы на камине затирал…

– Да помню, как не помнить. Пока вы там с пчелами игрались, я возле этих туркменов сладким дымом так обкумарился – башка раскалывалась на части.

– Так вот, Йончик, еще до того, как Витя познакомился с пчелами, Жорик со мной за работу расчитался и принялся своим азиатским гостям интерьеры демонстрировать: водит их по дому, показывает и камин с русалками, и стены в травертине, и комоды резные… А один туркмен прилип ко мне как банный лист, мол, какой красивый дом я Георгию сотворил. Бродит по хате, восхищается, пальцами стены щупает:

– Ай-яй-яй… какой красивый стена! Какой хороший комната, ай-яй-яй…! Какой красивый русалка!

– Это все Валдиса творение, – Жорик на меня кивает. -Талант!

– Слушай, дорогой, – говорит этот аксакал Георгию, – дай мне свой талант не надолго: хочу ему свой дом показать… Пусть посоветует мне что то хорошее. Мы туда и обратно.

– Да хоть насовсем забирай. – махнул рукой Жорик, – мне он больше не нужен.

Запрыгнул я к этим чебурекам в джип. Присмотрелся – сразу видно, что серьезные мужики. Тачила внутри вся в шагрень затянута, торпеда от лампочек и фольги сияет как новогодняя елка, в салоне мобильная мини-АТС с «тарелкой» вмонтирована. И окна шелковыми занавесочками затянуты.

– Это мой младший брат – Ханджар. – Аксакал перстнем на водителя показывает. – Очень добрый человек. Внимательный. А это – мои племянники. Италмаз и Порсы. Хорошие люди. Они о тебе позаботятся.

Я в это время разместился на заднем сидении автомобиля. С двух сторон меня плотно зажали заботливые племянники. Ханджар завел двигатель и медленно направился по Собранецкой, в сторону аэропорта.

– В хорошем месте у Вас дом, – говорю, – совсем рядом. Возле кордона… Так что Вам подсказать нужно?

– Понимаешь, дорогой, – отвечает туркмен, – дом себе строю. Фундамент уже есть – архитектор один, вроде тебя, заложил… Да пропал. Совсем пропал.

– Заболел, что ли?

– Да, дорогой, заболел. Ханджар его в арык бросил. – Аксакал

глянул на водителя, – Ты зачем москвича в арыке утопил, брат?

Ханджар угрюмо молчал.

– В арык, это в канал, наверное? -спрашиваю осторожно.

– Это у Вас канал, дорогой, – смеется бай, – у нас, в Барсагельмес, – арык.

– Так мы что, в Барсагельмес едем? – поразился я, – в Туркменистан?!?!

– Не едем, дорогой, летим. Самолетом летим. Вот, аэропорт уже видно. -старик показал пальцем на сетчатый забор ужгородского аэропорта. – Через три дня будешь домой ехать – богатый и здоровый. Так говорю, Ханджар?

" Ни хера себе, – у меня от неожиданности аж пенис внутрь живота втянулся. – то что я буду богатый -это возможно. А вот насчет «здоровый»… – я глянул на каменное лицо доброго Ханджара, – это очень сомнительно… Бля, еще эти племянники по бокам прижались, как их там… Медный Таз и Посцы… нет уж, пожалуй, я лучше бедным останусь."

– Ах ты ж йадрена-матрена! – я быстро сделал расстроенное лицо, – Как же у меня из головы вылетело! Ведь моя супруга в роддоме лежит… должна родить вечером. Это же надо, про беременную жену забыть! Простите, братья-азиаты, не могу сейчас лететь… давайте завтра. Или еще лучше – я Вам своего коллегу дам – Славика. Он, можно сказать, мой наставник в сфере дизайна. В Будапеште учился. Европейское светило. Гений. Я рядом с ним – тьху!.. вошь на гребешке.

Туркмены переглянулись.

– И чего? – спросил Витя, – поехал Славик?

– Полетел! – я глотнул немного вина из стаканчика, – На самолете полетел… Как услышал, что из за моей сломанной ноги в Дубаи крупный заказ пропадает, сорвался стремглав. Ну, про Туркмению я решил не уточнять. Да какая разница: нефтяные шейхи из Персидского Залива или газовые туркменбаши из Барсагельмес. Что одни, что другие – в белых халатах до земли и пальцы в алмазах. И тоже мусульмане, между прочим.

– И как, разбогател Славик? – поинтересовался Йончи.

– Не успел. – я принялся поправлять белье на полке, – Вмешались обстоятельства непреодолимой силы, а именно – славина глупость. Ведь говорил я дураку, книги читай, в институт ходи, ан нет – пару клавиш выучил в компьютере и решил, что Бога за бороду ухватил… Аксакал этот оказался самым главным баем в ауле и к тому же сказочно богат. И решил на соплеменников произвести впечатление: на песке построить дом европейского образца, да еще с бассейном на крыше и с пальмами вокруг. Прямо висячие сады Семирамиды затеял… Ну, Славик рад

стараться – быстренько ему в 3d Maxe проектик состряпал, картинки гламурные продемонстрировал. Утвердили. Начали строить. На фундамент, тот что от московского архитектора остался, стены из плинфы поставили. Правда, настоящей плинфы не нашли, поэтому Славик тротуарной плиткой ее заменил. Дорого, конечно, но красиво. А сверху, на крыше, бассейн соорудили. Только арматуру забыли поставить и сейсмопояса не отлили… И вот, дом уже почти готов: осталось бассейн водой наполнить. И тогда внимательный Ханджар сомнение высказал насчет надежности постройки, мол, если Славик уверен в несущей способности перекрытия, то пусть под бассейном стоит, пока его наполнять водой будут… Не знаю, то ли Славик не был уверен расчетах, а может просто решил ночью по пустыне прогуляться, но на следующее утро, в день испытаний, он исчез из аула бесследно. Решили бассейн без Славика испытывать… Эх, советовал я Славику иногда в руки «Сопромат» брать и «Строительную механику» почитывать, да где там: лопнул бассейн как старый презерватив и рухнул карточный домик с грохотом и шумом… хули говорить, пацаны… Селевым потоком смыло половину саманных хижин в поселке. Барсагельмес был разрушен… Аксакал пребывал в ярости и велел Ханджару изловить ужгородского Славика, привязать его к двум верблюдам и разорвать пополам. Останки дизайнерского тела бросить бродячим шакалам. Но Славика и след простыл: он, почуяв беду, умудрился исчезнуть бесследно. Причем, так ловко запутал следы, что верный Ханджар не знал в какой стороне его искать… Так и рыщет теперь по черным пескам кровавый ассасин с кинжалом возмездия под плащом. Желает вернуть долг чести самому легендарному дизайнеру всех времен и народов – Славику.

© Yodli

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204051470

Ночная оргия и зеленый агломерат

Красное Вино, глава III.

– Мужики, план простой: прикатываем в Киев, кроем мрамором все, что можем покрыть, рвем капусту и резко чешем домой. Только без фокусов и провокаций,- я сурово глянул на Витьку, нанизывающего вагонные шторки на тесемки из бязи.

– Не хер делать, шеф, -отозвался деловито Витек, – можем покрыть и мрамором, и гранитом, потом сорвать и еще раз покрыть… кто финансирует все телодвижения?

– Не твоя забота, подсобник… Заказчик – серьезный кекс. Минтранс.

– Это та контора, что паровозы гоняет?

– Она.

– Так хули ты шорохаешься, патрон?! Работа будет в лучшем виде. – Витя сидел у окна и наматывал на руку медную проволочку от железнодорожной шторы, – За дополнительную плату мы им итальянскую плитку и в вагонах поставим…Все будет джуки-пуки.

*

Здание Минтранса представляло собой гигантский фалос из зеленого стекла, торчащий посреди Киева, как кочерыжка у матроса дальнего плавания, символизируя своим силуетом пофигистическое отношение ко всем возможным средствам

передвижения, будь то самолеты, пароходы, лифты и поезда. А также полную аппатию к находящимся в них пассажирам. Ибо пассажир – это ненадолго, а Минтранс – уже навсегда.

«Да, другой бы так не смог, – размышлял я по дороге в министерство, – они, крысы кабинетные, Егорыча на пенсию спровадили, а он им с ремонтом помогает. Золотой человек, хоть и транспортный прокурор, йолы- палы… Душевный мужик.»

В министерстве нас встретили радостно. Видимо страусиные туфли в Киеве являлись чем то наподобие визитной карточки, потому что прямо у входа к Йончику подбежал оживленный толстячок и, схватив руку, принялся ее энергично трясти:

– Иван Семеныч, завхоз. А мы Вас уже заждались, товарищ архитектор,- залопотал колобок детским голосом, - Испереживались… сроки жмут, не успеваем катастрофически. Через неделю объект сдавать, а тут завал… еще грузчики подвели – зеленый агломерат вдребезги раскрошили. Пришлось списать по акту… Спасайте, ребята, – жалостно обвел нас глазами толстяк.

«Так уж и разбили? – поймал я скользкий взгляд завхоза, – Небось себе на дачу уволок? Решил жену порадовать?! Колись, гад кругломордый!»

" Ну почему сразу на дачу? – подумал робко в ответ Иван Семеныч и попробовал отвести взгляд, – К Галине Рудольфовне отправили. Строится она… к тому же – начальник отдела кадров. Нужный человек в аппарате."

«Ага, а нам теперь ваше дерьмо разгребать, ворюги аппаратные, – я цепко держал зрачками мокрые глаза завхоза, – И еще неясно: сможем ли разгрести».

– Сможете, друзья, сможете! – завхоз наконец-то выдернул горячую ладошку из моей руки. – Отблагодарю чем смогу… Денег дам… Любое желание выполню, только спасите! А завтра еще должна ревизионная комиссия нагрянуть… Приедут, а у нас конь не валялся… Надо бы до утра что то скоренько придумать.

– Ну-у… в плане скоростной работы – это к нам. Мы чемпионы мира по установке плитки в экстремальных условиях, – успокоил Витька толстяка, – Ради денег… пардон, ради дела к утру Вам таких коней наваляем… Если беремся за ремонт – результат будет потрясный. Долго нас будете помнить.

«А к некоторым, Витя, ты еще прийдешь в ночных кошмарах», -думаю.

– Кстати, Вам Глеб Егорыч презент передал, – протягиваю завхозу две баклаги красного вина, – трехлетний урожай лозы. Кадарка и траминер. Только их смешивать не желательно: Кадарка, она сразу по ногам рубит. Мысли хорошо проясняются, а вот ноги не слушаются совсем. Парализует. Траминер – наоборот, в голову смертельно шибает. Башку отрывает напрочь, зато руки-ноги подвижные становятся. Короче, разберетесь сами…

Пошли будущее место для подвига осматривать. Место оказалось весьма несложным: огромный фойе-холл с большим количеством ступеней и подоконников. И эти бетонные ступени по великому замыслу столичного проектанта должны были одеться в итальянский камень… Теперь перед нами стояла задача простая и невыполнимая одновременно. Простая, ибо покрыть агломератом несколько квадратов бетона – для Йонаса плевое дело. Невыполнимая, потому что зеленый агломерат прижился в доме начальницы отдела кадров и скорой замены ему не предвиделось.

– Надо спасать ситуацию, Йонас, – я принялся уговаривать Йончика, – иначе нам вечный позор, а министру – пояснительные отчеты в прокуратуре. Толстяку, вообще, участь постоянного клиента на бирже труда. Нам ведь не впервой из дерьма конфету лепить…

– Оно то не впервой, – Йончи затылок чешет шпателем, – только лепить не из чего. Итальянское дерьмо стырили, разве что дедовским способом попробовать…

– Да хоть бабушкиным, Йончик, – дергаю мастера за рукав, – Смекалку прояви, как в армии… Вот у меня случай был: нужно было срочно ленинскую комнату оформить. Также, комиссию генералов ждали, а ленинка в ужасном состоянии – стены облуплены, в штукатурке дыры такие, что руку можно просунуть. До утра никак не перештукатурить. Западня…

– Ну и че?- заинтересовался Витька, -как выкрутился, патрон?

– Да вот так и выкрутился… Вспомнил я экскурсию по Петергофу. Архитектор Растрелли, кстати…

– Вот зверье! – сплюнул Витя.

Заткнись…- я пнул подсобника ногой, – Так вот, студентом успел в Ленинград съездить. И запомнилась мне Китайская комната в шелк затянутая… Я к замполиту в кабинет побежал, мол, спасу Ваш пролетарский зад, если мне ткань найдете хорошую. Ткани шелковой квадратов тридцать надо… И на его шторы бежевые глазами показываю… Хули делать, сняли в штабе занавески, в ленинской комнате рейки деревянные на стены

наколотили и шторы мелкими гвоздиками внатяжку прицепили. Красота получилась неописуемая: стены бежевым шелком переливаются, лакированые карнизы и плинтуса блестят, а по центру – дедушка Ленин в красную скатерть задрапированый. Генералы были в коммунистическом экстазе. Первое место по КЗакВО взяли. Замполит на повышение пошел. Благодарил потом. И все за одну ночь, пацаны…

– Да уж, – отозвался Витя, – за ночь можно столько наколбасить умеючи… Вот помню Нинка меня…

– Витя, умолкни, – резко сказал Йонас, – сейчас твои воспоминания ни к месту. Надо ситуацию выруливать… И, похоже, я знаю выход. Тащи цемент, Семеныч! И шлифмашина нужна. С алмазным диском. Еще надо бы мраморной крошки мелкой фракции и, желательно, с зеленым оттенком… Будем ксилолит делать. Хлопотно, конечно, грязно, но красиво.

Семеныч резко оживился. Побежал куда то звонить. Через час в фойе было сложено несколько мешков качественного цемента, стояли ящики с мраморной крошкой и Йончик подключал бетономешалку к сети. Крошку Семеныч выпросил в Комбинате Благоустройства, они ей клумбы в Кабмине посыпают для гармоничного развития министров.

– Теперь нам только не мешайте, – похлопал я завхоза по плечу, – Исходные материалы есть, вода есть, опалубка есть – будут Вам к утру и ступени из итальянского агломерата, и зеленые подоконники, и довольные ревизоры. Но придется Вашему министру через задний проход пару дней походить. Главный вход мы перекроем…

– Уж лучше два дня через задний проход походить, чем полгода во внутренних органах просидеть, – завхоз вдруг выдал поразительно убедительную сентенцию.

– Это верно… – я отложил его мысль в свободную извилину, – А вот! Самое главное, Семеныч, надо бы еще красителя зеленого. Совсем из головы вылетело.

Семеныч бросился за красителем. Тем временем Йончик выставил опалубку и готовил первую смесь. Витька пристроился на подоконнике и молоточком плющил медную проволоку из под штор.

– Витя, тварь подколодная! – я озверел, – ты, имбецил росвиговский, сюда приехал проводками играться?!?! Бери раствор, шакалюга, будешь опалубку наполнять. Только аккуратно – уровень не сбей!

– Хули ты пузыришься, шеф? – невозмутимо ответил Витька,

пряча в карман проволку, – Все будет сандокан. А уровень мне нахер не нужен. У меня глазомер знаешь какой? Все твои нивелиры спрячутся.

С этими словами подсобник принялся наполнять ведро зеленой суспензией. Йончик вошел в ритм и работа закипела.

*

Мы усердно пахали, а в уютном подвале министерства назревала предновогодняя оргия работников транспортного хозяйства. Иван Семеныч наконец то получил шанс совратить ту самую Галину Рудольфовну, у которой теперь была кухня из итальянского агломерата. К ним решили присоединиться начальник охраны Рамир и новенькая секретарша министра – Сонечка. Причин для массового совокупления у аморальных чиновников было достаточно: Иван Семеныч давно мечтал о роскошных губах начальницы отдела кадров. В свою очередь Галина Рудольфовна была обязана отблагодарить завхоза за зеленую полированую плитку и, так как после четвертого развода она благодарила всех мужчин одинаково страстно, исход вечеринки был ясен обоим. Красавец Рамир просто искал половых развлечений и секретарша Сонечка была для этого подходящей кандидатурой: тонкий стан и упругие бедра – что еще нужно горячему мужчине с длинными чувствительными пальцами. Сама же Сонечка давно мечтала попробовать настоящего красного вина, а не той крашеной порошковой бодяги, что продают в магазинах. О том, что в полночь ее будет драть изнурительный Рамир она не предполагала.

Теперь же знойный Рамир расставлял на столике бокалы и цитрусовые плоды. Кругленький завхоз Семеныч, мысленно лаская шею Галины Рудольфовны и позабыв о толстой супруге Татьяне, откупоривал бутыль розового траминера. Галина в предвкушении корпоративного оргазма удобно устроилась на единственном диванчике в котельной и шаловливо покачивала свежевыбритой ножкой. Остальные разместились в креслах. Помещение котельной выбрали неспроста: здесь было тихо и безопасно, к тому же осквернять государственные кабинеты запахом алкоголя и развратного секса противоречило должностной инструкции служащего персонала.

– Божественно! – начальница отдела кадров поднесла к ноздрям благоухающий нектар. – Вы, Иван Семенович, мой кумир и волшебник. Какой аромат! Какие краски!

– И правда, изумительный вкус! – Рамир Эльбрусович

чокнулся с Сонечкой, – За Вас, Сонечка! И за Ваши обаятельные глаза, покрытые сизой дымкой пламенеющего сердца.

Тост секретарше понравился и она смело опустошила бокал до дна.

– А Вы почему не пьете? – удивилась Сонечка, – вкусное вино, Иван Семеныч.

– Я хочу кадарку попробовать, – лысый колобок принялся вскрывать второй сосуд, – а смешивать не желаю. Виноделы не советуют смешивать…

– Да ладно Вам, – игриво засмеялась Галина Рудольфовна и протянула пустой бокал завхозу. – Наливай, зайчик, будем пробовать все.

– А я к виноделам прислушаюсь, – Рамир постучал по бутылю изящным пальцем, – Вот пригубил траминер – его и буду дальше пить. А то еще глупостей наделаю. Правда, Сонечка?

– Ой, да какие могут быть глупости, – захмелевшая Соня чмокнула губами воздух в сторону Рамира, – Мы же культурные люди с высшим образованием. И не может быть никаких глупостей… короче, наливай, Семеныч.

Семеныч украдкой глянул на Рамира, тот мигнул одним глазом и Семеныч налил. Кадарка переливалась кровавым шелком, струилась атласной лентой и жила в тонком стекле своей жизнью. В котельной витал тонкий аромат виноградной лозы и начинала кружиться голова.

– За безрассудную любовь! – Детский голос завхоза выдал удивительно емкий по содержанию тост.

Этот тост опять понравился, все звонко чокнулись и поцеловались. Причем от поцелуя Рамира завхоз Семеныч неожиданно получил массу удовольствия. Он бы, возможно и сопротивлялся, но кадарка медленно делала свое дело: ноги у завхоза отказали и язык уже слегка заплетался. Белоснежная шея Галины Рудольфовны вдруг смазалась и уплыла в сторону водонапорных вентилей. На душе стало легко и грустно, как бывает ранней осенью в городском парке. Внутри чиновника сладко защемило от тоски. Прозрачная меланхолия властно заключила Семеныча в свои обьятия и глаза у него увлажнились. Вдруг он увидел себя, маленького мальчика в коротких штанишках, идущего с мамой в цирк. Вокруг много людей и в руке он держит сахарного петушка на деревянной палочке. Они заходят в цирк, садятся в первом ряду у манежа и хлопают дрессированому медведю Рамиру, а тот кланяется, кланяется, кланяется… Но вдруг сахарный петушок падает из детской руки прямо в грязные опилки и сосать его становится невозможно.

Маленький мальчик горько плачет, заливается слезами, пускает носом пузыри и успокаивается лишь получив теплую материнскую грудь…

В то время, пока заведующий хозяйственной частью Иван Семеныч стремительно проваливался в детство, секретарша Соня вдруг почувствовала коварное действие смешения вин: с виду безобидный купаж произвел в ее неокрепшем организме резкие изменения. В животе, покрытом сексуальным загаром, у Сонечки звонко заурчало и через нижний проход, да-да, секретарши тоже какают, наружу попросился свекольный борщ. Добраться до туалета абсолютно не представлялось возможным – красивые смуглые ноги парализовало напрочь. Соня из последних сил заелозила в кресле и попробовала прикрывать нижнее отверстие ладошкой, но процесс дефекации был необратим как вращение светил во вселенной. Поняв, что с девичьим достоинством придется распрощаться, секретарша попробовала хотя бы сохранить самое дорогое: стала снимать с себя бельгийские трусы из кружевного шелка, которые недавно ей презентовал министр здравоохранения. Таких трусов у нас, на Украине, днем с огнем не сыщешь…

Опытный Рамир сразу уловил сигнал к действию и бросился ей на помощь. Его красивые пальцы, при виде которых у всех работниц Минтранса твердели соски, ловко сдернули кружевной шелк. Следует отметить, что начальник охраны являлся тайным любимцем женской половины транспортного министерства и в сдергивании женского белья был весьма проворен. К тому же он не смешивал вина и пил только траминер. Тот самый розовый траминер, который отшибает мозги напрочь. А если мозги не больше чем у страуса, то и вина много не надо… Вначале мир охранника наполнился цветными пятнами и яркими красками, в голове зазвенел веселый колокольчик. В сознании закрутился пестрый калейдоскоп дерзких поступков и баловства. Хотелось безудержного веселья и глупых проказ. Сняв с секретарши импортные трусы он подхватил ее на руки и понес в свой кабинет. Сопротивляться Сонечка не имела сил и только шептала какие то слова, прижимая к заднице ладошку. Рамир прислушался.

– Какать, какать хочу, – лопотала нетрезвая нимфа, – сейчас укакаюсь… Обосрусь сейчас…

Вступление в половую связь с обкаканой девицей вдруг показалось Рамиру веселой забавой, но мозг, размером с куриное яйцо вовремя подал сигнал тревоги и кровь отхлынула из

пещеристого тела. Отмывать кабинет от женского навоза Рамир Эльбрусович не желал и потому быстро посеменил к туалетам. Открыв дверь он еще успел пристроить Сонечку на унитаз и вовремя убрал руки: из под секретарши хлынул мощный напор вчерашнего борща. Веселый Рамир вложил ей в руки рулон туалетных полотенец, хихикнул и отправился вниз, в котельную. Ему было радостно, хорошо и хотелось дурачиться. В голове шумела кровь и вспыхивали гирлянды. Перед глазами плыли бронзовые буквы, поручни, ступени, разноцветные вентили и блестящие трубы. Красные краны легко крутились, желтые рычаги плавно поворачивались и гудели насосы. Страстно тянуло петь и танцевать…

Обнаружив в котельной неподвижные тела Семеныча и Галины Рудольфовны, начальник охраны посчитал их позы довольно унылыми и лишенными озорства. Тогда он взвалил на плечо кадровичку и, насвистывая веселый мотив, отнес ее в кабинет завхоза. Там он посадил ее на диван из зеленой кожи и надел на голову железнодорожную каску. Ее подарили Семенычу в честь открытия новой ветки Жмеринка-Урюпинск. Затем Рамир Эльбрусович принес снизу плачущего завхоза и уложил его на колени Галины Рудольфовны. Композиция была монументальна, однако лишена логического смысла. Тогда охранник обнажил роскошную белую грудь начальницы отдела кадров и бережно вложил горячий сосок в мокрый рот завхоза. Семеныч сладко зачмокал губами, слезы высохли и упавший в опилки сахарный петушок сменился другими, более приятными образами. Картина обрела глубочайший смысл и наполнилась величием. Вечная тема самоотверженного материнства и беззаботного детства была раскрыта полностью и окончательно. Сидевшая в каске Галина Рудольфовна блаженно улыбалась и видела чудный сон: ей снился первый муж-красавец и грезилось, что она беременна от него, и что родила маленького мальчика и груди ее полны молока. И вот, она кормит этого желанного ребенка сладким молоком, а он урчит, сосет ее грудь и царапается коготками словно котенок.

Удовлетворенный своим творчеством Рамир резко развернулся на одном каблуке в сторону двери и встретился вдруг лицом к лицу с Татьяной, любимой женой Семеныча. Она была нема от гнева и, открыв багровый рот, указывала пальцем на свежесозданную композицию из двух тел. Какое то время она пыталась воспроизвести некий звук, но безуспешно: внутри клокотало и в гортани шипел воздух. Рамир поднес к лицу

разгневаной женщины бокал красного вина, зажатый в изящных пальцах. Пунцовая Татьяна Олеговна залпом выпила содержимое, облизала губы и случайно взглянула на руки Рамира.

«Боже, какие великолепные пальцы! – у Татьяны Олеговны впервые за последние тридцать лет напухли соски и стало влажно внизу живота, – И какие ловкие!»

«Интересно, а зубы у нее настоящие или протезы? – промелькнула шальная мысль у начальника охраны. – Минет с деснами – это так забавно и необычно! К тому же эта бородавка под ухом наверняка в молодости была симпатичной родинкой…»

– У меня в кабинете, – загадочно шепнул Рамир в ухо разомлевшей женщины, – большая коллекция огнестрельного оружия. И, если хотите, я Вам продемонстрирую свой любимый пистолет. Вы таких пистолетов, мадам, в руках еще не держали. Огромный пистолет.

– А почему бы и нет! – выдохнула опьяневшая Татьяна и пала в руки галантного кавалера…

*

Ревизионная комиссия, нагрянувшая поутру с проверкой была несколько удивлена: во первых ремонтные работы, вопреки ожиданиям начались и шли полным ходом. Во вторых – ревизоров никто не встречал. Ни начальника охраны, ни завхоза не было на месте. Лишь три перепачканных гастарбайтера ползали со шлифмашинкой по мокрым ступеням фойе. Причем, на одном из них были туфли за четыреста долларов… Беспрепятственно проникнув через задний проход в министерство, комиссия сразу же направилась в кабинет завхоза. Там, за закрытой дверью их ждала не менее грандиозная картина: на диване из зеленой кожи спала красивая женщина с обнаженной пышной грудью. Ее голова, согласно технике безопасности, находилась в пластмассовой каске и приоткрытый рот растянут в улыбке. При этом на руках ее возлежал завхоз Иван Семеныч и блаженно сосал роскошную грудь. Штаны его были мокры, а в правой ноздре в такт дыханию надувался и лопался зеленый пузырек. Слегка охреневшие ревизоры бросились вызывать охрану, но сцена, представшая перед их взором в кабинете начальника охраны, отняла остатки разума даже у председателя комиссии.

Шеф охраны, Рамир Эльбрусович, сидел в резном кресле закрыв глаза и с расстегнутыми брюками. В одной руке он держал вороной пистолет, а в другой – вставную челюсть. Хозяйка вставной челюсти, пожилая и некрасивая толстуха, крепко спала, положив голову на колени Рамира Эльбрусовича и причмокивала во сне беззубым ртом. Главному ревизору сделалось дурно и он,

зажав рот, ринулся в мужской туалет. Распахнув дверь кабинки он обнаружил довольно симпатичную девушку, сидящюю на унитазе. Секретарша Соня откинула голову на сливной бачок и что то бормотала во сне про французское белье и спортивные автомобили. В руке она крепко сжимала кружевные трусики, а волосы ее разметались… От неожиданности ревизор забыл что его тошнит. Он взял в руки девичьи трусики, зачем то их понюхал и хищно улыбнулся. Потом быстро сунул их в карман серого пиджака, где уже находились губная помада и тушь для ресниц. Затем глава комиссии умылся холодной водой, причесался у зеркала и пошел писать отчет об удачном освоении выделенных на ремонт министерства денег.

Тем временем мы успешно залили подоконники и ступени. Благодаря специальному пластификатору ксилолит быстро набрал прочность и уже к вечеру мы приступили к его шлифовке. Витя азартно елозил машинкой по ступеням, когда я заметил что на одной ступени вдруг отчетливо проступают медные буквы. Приглядевшись, я прочитал текст: "… ИГОВО". Не веря своим глазам, я пощупал мокрые буквы рукой. Буквы были холодными. Мне поплохело…

– Витька, сын гниды и червя!!! – взревел я так, что дрогнули стекла на тридцатом этаже министерства. – Что это за буквы, падла случайнорожденная !?!?!

– Ну как же, патрон, – подсобник глянул на меня бирюзовыми глазами, – Нетленный след. Память потомкам… Ты же сам пример приводил про древнего Состратa и маяк. А мы чем хуже?

– Бля… мне нехорошо…- я взялся за сердце. – И что тут написано, дебил? Надеюсь, что без мата? Что это за "… ИГОВО"?

– «СДЕЛАНО ФИГОВО» – высказал свою версию подошедший Йончик.

– Это ты сделан фигово, брателло, – обиделся Витя,- тут написано: " ВИТЯ ИЗ РОСВИГОВО". А там, – подсобник махнул на соседнюю ступеньку, – мой номер телефона. Целый вечер проволочки гнул…

– Слушай ты, древний Кастрат, – я овладел собой, – надеюсь ты мой телефон не выгнул в проволочках?

– Ты че, шеф, – успокоил меня Витя, – как я мог забыть? Конечно выгнул. Мы ж команда! Тебя я в подоконник забетонировал. А Йончика телефон – на верхней ступеньке…

Мне вдруг захотелось много крови, много слез и просто кого то убить. Я глянул на Витю, но вспомнил, что убийство в нашем государстве не поощряется. Особенно таких редких экземпляров.

– Значит так, Виктор, – я принял спасительное решение,-

места с надписями не шлифовать! Не трогай их, понял? Пусть сами вышлифовываются. Пока проступят наши имена мы будем уже далеко от царя Птолемея. Или царь поменяется… Так и быть, поддержим древние традиции каменотесов. Сострат хренов, руки бы тебе отломать…

*

Однако, если Вы считаете, что этим все дело и кончилось, то я Вас уверяю – нет, Вы ошибаетесь. Не закончилось. Оказалось, что охмелевший Рамир Эльбрусович в порыве ночного озорства открыл в котельной запорные краны и слил из системы отопления всю воду. Слил со всего небоскреба воду прямо в подвал. И мало того, что в министерстве под Новый Год полопались все трубы от мороза, так еще озеро, образовавшееся в подвале, подмыло фундаменты и башня министерства немного накренилась. А рождественские морозы усугубили ситуацию… Поезжайте в Киев и гляньте на Минтранс со стороны Воздухофлотского моста – башня заметно наклонилась к Цирку, стоящему на площади Победы… Видно даже невооруженным глазом. Без уровня и нивелира. Не верите? Спросите у Витюхи – у него глазомер хороший. Кстати, там же, на второй ступеньке снизу, можете себе записать и номер витиного телефона. Авось пригодится.

©Yodli

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204051282

Витька, шуба и трофейные рога

Также, как приговоренный злодей ступает на эшафот, так и я возвращался в родной город Мукачево. Ехать домой не хотелось. И были тому веские причины: подсобник-Витя своими зашифрованными письменами похерил всю нашу министерскую работу и, заодно, авторитет Егорыча. Да и эта ночная пьянка… Но Глеб Егорыч встретил нас на удивление дружественно:

– Да выбрось ты их из головы, архитектор, – успокаивал меня бывший прокурор, потирая руки, -Так им и надо, клопам бумажным! Будут знать, как со мной шутить… Кстати, у меня к тебе срочное дело есть. Нужно одному моему коллеге толковый камин состряпать. И какие то запорные шлюзы впридачу… Он имеет охотничий домик на озере. В Соленых Млаках. Душевный мужик… Твои бойцы ему понравятся. Он начальником пенитенциарной службы работает. Завтра же приступай.

У меня просто камень с души свалился. С утра я взял "полтора брата" и отправился по указанному адресу принимать заказ.

"Все таки хороший мужик, этот Егорыч, -размышлял я следуя с мастеровыми по коридорам исправительного заведения, – и смекалистый. Как он этих тузов министерских проучил! Это надо же додуматься было до такой комбинации…" Мы поднялись на второй этаж и остановились у двери, обтянутой синим дермантином. На ней красовалась желтая табличка.

– Вот жеж, бля, разгильдяи, -Витя поправил висящую на двери бронзовую пластину, – С виду контора серьезная, а такой бардак развели!

На блестящей табличке красовалась надпись:

каб.№ 23

Микола Гнатович

Попердюк

начальник відділу виконання покарань

Ступив на порог кабинета я хотел было открыть рот для приветствия, однако тучный человек, сидящий в контражуре окна, меня опередил:

– Ну вот и свиделись, дизайнер, – донесся до меня удивительно знакомый сиплый голос владельца,- И ты заходи, красноухий, не стесняйся.

Стоявший сзади милиционер втолкнул пузом Витьку в кабинет. Напротив большого человека с голосом сифилитика, прямо в центре комнаты сидел второй – оборваный, сутулый и босой. Он сидел на табурете, привинченном к полу и за спиной держал побелевшие руки, замкнутые в наручники. При нашем появлении он вздрогнул и робко оглянулся на дверь. В бледном субъекте со струйкой крови, засохшей под носом, я распознал того самого дизайнера Славика, за которым охотится черный ассасин Ханджар. Большой человек в кресле завязал тесемки на черной вышиванке и положил на стол красные руки. На костяшках пальцев я отчетливо прочитал слово "Коля". В животе у меня похолодело и застрекотали кузнечики…

– О! Здравствуйте, Николай! – я радостно распахнул объятия, – Что же Вы так рано нас оставили?! Даже познакомится не успели…

– Успеем, -просипел судебный исполнитель и глаза его налились кровью. Он глянул на ноги Йонаса в страусиных туфлях. Йончик осторожно переступил с ноги на ногу. Тогда мы все, и Славик в том числе, перевели взгляд на обувь Йончика. Туфли были заметно потерты, в одном месте разорваны и местами образовались белые от извести пятна. Возле правого ботинка на паркете неизвестно откуда появилась небольшая лужица светлой жидкости. Мой мозг лихорадочно пытался родить на свет какую либо вразумительную сентенцию, типа "способность хранить самообладание – отличает мужчину от женщины"… или, "гнев – не лучший советчик". Однако, подумал я, это не помешает Николаю убить нас спокойно и по мужски

рассудительно. Тогда я решил применить прием реверсивной психологии и взять всю вину на себя, предварительно максимально ее усугубив, но Витька очнулся первым:

– Кожа страуса, – Витя ковырнул спичкой в носу , – самая крепкая в мире. В шесть раз крепче телячьей. И не промокает, да Йончик?

– Угу, – Йонас мотнул головой.

– Из нее не только туфли, но и пояса хорошие шьют. Крепкие пояса. Вот у нас в армии смешной случай был: захотел повар-узбек повеситься. Фатхуллой звали. Такой же откормленный как и… -Витя кивнул головой на Николая, – То ли по своему аулу заскучал, то ли Гюльчатай ему изменила… не важно, но дождался он пока ужин в столовке кончится и пошел в рыбный цех. Взобрался на ванну с селедкой… А нас в армейке тухлой селедкой все время кормили. Вонючая, просто пипец… Так вот, снял этот Фатхулла со штанов ремешок брезентовый и на светильник забросил. Тыкву свою дурную в петельку сунул и коленки поджал…

Николай проникновенно слушал.

– Поджал он коленки, – Витька вытаращил глаза и для убедительности слегка присел, – да болт вам в рот: бестолочи эти узбеки и болваны! Все у них через жопу, даже сдохнуть не могут красиво – тряпичный ремешок оборвался и Фатхулла рухнул прямо в ванну с гнилой рыбой. Забрызгал селедкой всю кухню. Целым взводом его вынимали, перепачкались в гнилье как свиньи, потом неделю воняли. Воинская часть осталась без витамина Е, а он, придурок, себе ключицу сломал и месяц в госпитале провалялся. Замполита разжаловали, а узбека через трибунал в дисбат отправили … Исключительный ишак, что тут скажешь… А вот был бы у него крепкий пояс из кожи страуса – никаких проблем. И Фатхулла, и Гюльчатай, и замполит – все бы были в шоколаде… Так что, Николай, для комплекта Вам обязательно нужно такой пояс присмотреть…

– Ты себе место на кладбище присмотри, – Николай грузно поднялся во весь рост и в комнате наступили сумерки, – Мне эти туфли брат в Тернополе купил. В подарок.

Перед моим взором вдруг предстала картина с окровавленными частями витиного тела, разбросанными по всему кабинету. Во избежание непоправимой трагедии требовалось срочное вмешательство профессионала.

– Да не слушайте Вы его, Коля, – я незаметно придавил

каблуком витькину ногу, – он же слабоумный, разве не видно? А еще с утра надел новые носки с тугой резинкой. Они ему теперь жмут – кровяные сосуды на ногах передавлены и кровь в голову не поступает. Мозжечок без кислорода аттрофировался… Говорил я тебе, Витенька, не ходи в носках?!?! А туфли мы отработаем… Вот, Йонас, профессиональный плиточник и каменотес. Такой камин Вам в охотничьем домике забабахает – соседи обзавидуются! И Витька ему в подмогу будет… Правда, пацаны?

– Хули там бакланить, шеф, мы работе всегда рады. – Витя вставил в зубы спичку. – Не сцы, Колян, запузырим твою избушку на полную катушку. Все будет джуки-пуки, даю левое яйцо Йончика на отсечение… Без балды, служивый…

– Смотрите мне, свистуны японские! -просипел судебный исполнитель,- Испортите камин – жилы вытяну и костяными иглами кривые руки к туловищу попришиваю! В навоз закопаю с бревном в гортани . Вниз головой и без носков – чтобы кровь в башку поступала!!!

К выходу нас сопроводила охрана.

– Понял, шеф? – Витя сплюнул пожеваную спичку в цветочный горшок, – С людьми главное общаться, разговаривать. Умеючи, можно и с орангутангом добазариться… Вербальные технологии, йоптеть…

С этими словами он поправил бронзовую пластину, вылезшую из под рубахи. Мой глаз успел выхватить первые буквы текста: "каб№23… Мико… Поперд…".

Так мы приняли новый заказ. Впрочем, правильнее было бы сказать иначе: так мы попали в рабство к новому заказчику. Рабовладельцем оказался, понятное дело, Николай. Только вместо сахарных плантаций он владел форелевыми питомниками в Соленых Млаках. Кто там бывал, помнит удивительные озера, лежащие в синих ущельях карпатских гор. Да, не удивляйтесь, раньше в Соленых Млаках были прекрасные форелевые озера. Именно "были", потому что после приезда подсобника Вити… ну, обо всем по порядку.

*

Совсем неподалеку от Мукачева, в направлении Визницы, некогда существовало сказочное место. Находилось оно в предгориях украинских Карпат и такие дивные красоты, признаюсь честно, я ранее видел лишь в атласе "Легенды о Синих Озерах"… Отлогие склоны снежных вершин сахарно сияли в зеркальной глади идеального мира и каскадом спускались к

форелевым рыбникам. И вот, среди них, было одно – самое большое озеро, которое блестело как осколок льдинки под голубыми небесами и было так прозрачно, что его девственности могла позавидовать даже непорочная Мария….Посреди водоема, словно во сне, парил бревенчатый охотничий домик. Он был надежно укреплен на дубовых сваях, вбитых в песчаное дно. С берегом звероловную избушку соединял узенький деревянный мостик, укрепленный на таких же столбах. Посреди мостика, между домиком и берегом, была устроена крытая терраса с мангалом и навесом. На берегу, у самой кромки воды, стоял домик смотрителя рыбника. Рядом был деревянный туалет в виде японской пагоды. В охотничьем домике, в силу технических сложностей, туалет отсутствовал…

Все строения, по задумке жены Николая – Попердюк Жанны Андреевны – были выдержаны в индокитайском стиле, чем создавали атмосферу философической печали и сдержанной меланхолии… Вода в озеро поступала из форелевых питомников, расположенных выше, которые, в свою очередь, питались горными потоками хрустальных ключей. Негласным владельцем форелевого хозяйства являлся судебный пристав Николай. В его отсутствие за рыбным питомником присматривал долговязый мадьяр Шандор. Регулярное употребление забродившего виноградного сока и долгое созерцание китайских беседок сделало сторожа человеком самодостаточным и глубоко погруженным в себя.

– Рыбу не кормить. -безучастно повторял смотритель. – Камни в воду не бросать. Пугается она, рыба.

Как он затем поведал, здесь любили уединиться довольно влиятельные особы. И теперь, по прошествии рождественских святок, их было четверо: первый – Савелий Васильевич – магистр международного права и, после стакана водки, принципиальный идиот. Второй – Константин Стебелек – депутат областного совета, глава депкомиссии по земельным ресурсам, а по жизни – трепач и спившийся лентяй. С ними приехал наш общий друг Глеб Егорыч, он же линейный прокурор в отставке и единственный правильный мужик. Ну и, конечно же, сам судебный пристав Николай Гнатович – владелец этого высокопоставленного притона, а также рьяный охотник за трофеями.

С ними была прекрасная дама – вышеупомянутая Жанна Попердюк, супруга Николая, а в недавнем прошлом – слушательница вечерних курсов по фэн-шую. Имея плотный

жизненный график, Жанна интенсивно занималась внутренним саморазвитием: составляла икебаны, складывала хокку и активно томилась в ожидании животворящего потока из космических недр. В присутствии мужа она же являлась и Музой, и Химерой, и Дианой в зависимости от сложившейся ситуации… От Коли она не ступала ни на шаг: после прошлогодней охоты, когда Коленька вместо обещанной косули привез домой легкое венерическое недомогание, жена решила самолично сопровождать его к месту звериного лова.

В этом году была спланирована обвальная охота на дикого оленя. Сам олень был уже заботливо приготовлен к охоте: накормлен, вычесан и помыт. Оленя звали Боря. Причиной предстоящей бориной гибели служили его прекрасные оленьи рога, и, знай Боря заранее о таких печальных последствиях, никогда бы не стал выращивать их на своей беззаботной голове. Но грациозные рога успели неосмотрительно созреть и их место было уже предопределено в китайском домике над будущим камином. Теперь глупый Боря беззаботно кушал мерзлые яблоки и не знал, что был обречен.

*

– Всю ночь их потрошили, Савелий! – подвыпивший депутат Стебелек показывал собеседникам заскорузлые пальцы, – Руки в кровь стерли. Всю ночь! Сорок шесть уток добыли…

В китайском домике посреди озера шли серьезные приготовления к завтрашней охоте: обстоятельно распивалась домашняя водка и травились удивительные байки. Бывалые охотники обсели круглый очаг, сложенный по фэн-шую согласно задумке Жанны Андреевны, в центре комнаты. По ее словам в этом месте максимально была сконценрирована жизненная энергия. Очаг слабо грел и отчаянно дымил, чем создавал обстановку, приближенную к полевой.

– Это как же Вы их добыли? – недоверчиво уточнял магистр международного права, покашливая от дыма, – они что у Вас, привязанные к камышам были?

– Привязанные…, – депутат обиделся и сделал вид, что хочет покинуть компанию, -линька у них была! На перо стать не могли, вот собака их и таскала с камышей.

– Чудеса…

– Брехня…

– Истинная правда! А потом в Пистрялово двадцать пять зайцев положили!

– Зайцы тоже на крыло не стали? -изумился Савелий. – Или линька была?

– Дели на восемь, Савва, – отозвался Глеб Егорыч. Он хоть и выпил, но мысль его была разумна. Он знал, что депутат Стебелек умел приврать. – И тех двадцать пять пистряловских зайцев , тоже на восемь дели.

Савелий попробовал делить сорок шесть на восемь и получилось ровно пять уток плюс одна с оторванными лапами. Это было похоже на правду и принципиальный магистр обрел временный покой. Однако двадцать пять зайцев назойливо сверлили мозг Савелия и он, подняв глаза к потолку, пытался побороть эту сложную задачу. Настала умопомрачительная пауза. Сложная арифметика вступила в конфликт с выпитой водкой и дала сбой. В этот момент на пороге домика появились мы: Витька, я и Йончик – их временные рабы. Еще с нами был школьный друг Витьки -немецкий повар Роланд. Он сам напросился на форелевые озера с тем, чтобы удивить всех своим изысканным куллинарным мастерством, а именно – форелью, запеченной на углях.

– Ага, явились, свистуны японские, – отвлекся от высшей математики Николай.

– Куда инструмент складывать, Николай Гнатович? – спросил Йонас и поставил на пол сумку со шпателями и плиткорез.

– А-а-а-а …вон там кинь, – Николай кивнул головой в сторону бревенчатой стенки у которой и должен был появиться камин, сложенный Йончиком . По стене в сторону окна бежало облезлое чучело лисицы и щерился высохший волк. На месте будущих трофейных рогов была временно растянута шкурка невинно убиенной дикой кошки. У противоположной стены в круглом аквариуме плавали зубастые рыбы. Помимо прочего, в комнате находилась грубая мебель, сложенная из ветвей и плетеные циновки из бамбука. Вход, согласно китайским канонам, глядел на восток, а окна – на север, что, опять же, по замыслу супруги Николая, должно было порождать бодрость мысли и ясность взора. Полы были из тесаного дуба. На деревяных топчанах лежали белые козлиные шкуры, а под окном стоял невысокий крепкий стол. На столе замерли японские чашки из ангоба, черной керамики, но ими давно не пользовались: следуя наставлению Жанны Андреевны, японские чашки необходимо было вдумчиво созерцать во время захода солнца…

Сама же Жанна Андреевна теперь возилась наверху, в мансарде, перестилая синие простыни на белые. Спать на синих простынях категорически отказался магистр Савелий. В

ближайшем будущем он должен был получить долгожданную судейскую мантию, уже сложил присягу и синие простыни считал в данном случае абсолютно нетерпимыми. Жанна зло стучала каблуками по потолку и шуршала накрохмаленой тканью. Депутат Константин Стебелек ловко вскрыл вторую бутылку прозрачного напитка и звякнул стеклом. Компания оживилась. Ролик взял из под лавки корзину с сухими дровами и направился на улицу, к мангалу, жечь уголь для печеной форели. Йончик сбросил инструменты и с Витькой отправился по мостику на берег – за шамотным порошком и глиной. Я тоже ступил за ними, как вдруг сверху донесся разъяренный визг супруги Николая:

– М-мразь! М-мерзавец! С-своло-о-очь! – кричала выпускница вечерних курсов по фэн-шую. – Вот какие тут косули ходят! Шлюхи парнокопытные!!!

С этими словами обманутая супруга сбежала вниз. Каблуки звонко стучали по деревянным ступеням, из под макияжа дико блестели глаза и пухлые губы скривились от гнева. Ее маникюр пытался порвать невесть откуда взятый ярко-красный бюстгалтер огромных размеров. Шелковая ткань скользила, не рвалась и резала пальцы. Тогда взбешенная Жанна Андреевна завязала скользкий кружевной лифчик в тугой узел и, выбежав на мосток, бросила его в в заледенелую воду. Сквозь тонкий лед было видно, как к яркой детали женского туалета бросилась стая голодной форели.

– Рыбу не пугать. – Лениво произнес на берегу Шони. -Камни не бросать.

– Ну Жаннуля, это было давно, – с досадой протянул Коля.

– В ноябре. – уточнил Савелий. – С шестого на седьмое…

– …и то, лишь в виде физиологического эксперимента, – добавил депутат Стебелек, наливая водку. – А это не считается.

Жанна Андреевна всхлипнула, пнула ногой дубовый поручень и, вздернув тонкий подбородок, зашагала по шатким мосткам на берег.

– Оно так и лучше, – подвел черту Глеб Егорыч и перелил сливовую водку из граненых стаканов в японские чашки. -На охоте бабам не место. Не к добру это.

На этом обсуждение семейного инцидента прекратилось и лишь затихающий стук женских каблуков отдавался в сердце Николая легким чувством вины. На берегу замычал обреченный олень Боря. В сторожке флегматичного мадьяра зажегся желтый свет. Солнце спряталось за горами и близился момент созерцания

восточной посуды. И, возможно, этот момент наступил бы, но события развернулись иначе. Роланд, этот немецкий повар-лоботряс, никак не мог разжечь в мангале огонь. Я хотел помочь, но спички тухли, сухой спирт на ветру не загорался и ужин с печеной форелью отодвигался на дальний план.

– Отойди, Роландо, – вдруг посреди мостика появился Витька. – кто ж так огонь добывает. Смотри как надо, дурень европейский.

Произнеся последнюю фразу, Витя интенсивно взялся за дело: обильно полил дрова прозрачной жидкостью из бутылки с надписью "КЕРОСИН. Для растопки печей и мангалов". Я внимательно смотрел и учился искусству добычи огня на открытом воздухе. Ролик тем временем взял в руки железную миску с чищеной рыбой и прижал ее к груди. Полупустую бутылку Витя отставил в сторону, на деревянную скамейку с дровами и чиркнул спичкой.

Последующее можно охарактеризовать крылатой фразой неизвестного гения : " Два дебила – это сила. Три дебила – феерверк". Потому что мангал, ранее безжизненный, вдруг выбросил вверх мощный столб огня и деревянный навес, покрытый по фен-шую соломой, сразу воспламенился. Одновременно с ним вспыхнула лавочка с дровами и резные поручни. Бутыль с керосином, огненно взбрызнув, упала на пол и вспыхнула. Безбровый Витя бросился к берегу. Роланд бежал за ним. Каким образом на берегу оказался я – убейте, не помню…

Слегка охреневший, я очнулся у сторожки и в моем мозгу рисовалась живописная картина умерщвления Витьки озверевшим Николаем. В руках у меня почему то оказалась миска с потрошенной форелью. Роланд уже сидел в кабине катафалка. Рядом олень Боря безучастно жрал яблоки из рук смотрителя Шандора. Беседка пылала.

– Рыбу не кормить. – флегматично сказал Шони оленю. Человеческой речью олень не владел, поэтому дискуссия не состоялась.

Из сторожки выбежала заплаканная Жанна Андреевна. Посреди сумеречного озера торжествовал факел огня. Языки пламени бросали на ледяную корку танцующие блики. В тающей воде сновали спины испуганой форели. На пороге китайского домика, сквозь дым, показались перекошенные силуеты

охотников. Мост был сожжен.

– Ты че, жена, совсем сдурела?!?! Убить нас надумала?!?! - заорал Николай через озеро и метнул в нас японскую чашку. Не долетев пару метров до цели, керамическая чашка упала в снег . Подошедший Боря попробовал ее на вкус: она оказалась горячей и с запахом сливовой водки. Снег вокруг чашки расстаял. Олень фыркнул и принялся вдумчиво созерцать восточную посуду из ангоба.

– Так Вам и надо, кобелям, – злорадно всхлипнула Жанна. – И, вообще, это не я… Это Витя нам показывал, как огонь надо правильно зажигать.

Из домика донесся звериный рык и щелчок заряжаемого карабина. Блеснул глазок оптического прицела. Затем послышались испуганные возгласы, возня и стуки металла о дерево. В плавучей избушке раздался густой бас Егорыча и взволнованый голос депутата по земельным вопросам. Скрипнули доски, внутри что то упало и разбилось. Спустя минуту на дымящуюся террасу вышел взъерошенный Николай. Он попробовал ступить ногой на тонкий лед. Неокрепший лед предательски хрустнул.

– Слышь, красноухий, – просипел пристав, сдерживая гнев. – Делай, что хошь, но меня отсюда достань. Иначе я тебе кишки через жопу выдавлю! Опарыш гнойный!

– По судам затаскаю, негодяй! Изувечу, гад безмозглый! – присоединился к Судебному приставу тонкий голос Савелия. Однако ругательный посыл недозревшего судьи был недостаточно сконцентрирован и ослаблен легким ветерком. Поэтому, преодолев нейтральные воды, адресная угроза утратила необходимую силу и на витино сознание не произвела должного эффекта.

– Ни хера себе "делай, что хошь", – удивленный Витя решил извлечь из за уха спичку, но ее там не обнаружил… – Я тут при чем? Настелили соломы где не положено, бараны плавучие, сами виноваты… Пугают еще…И, вообще, скучно мне тут с Вами. Поехали домой, Йончик. Щас полуфинал по телеку пустят. Шеф, тебя домой подкинуть?

Витя вдруг потерял интерес к бывшим рабовладельцам и развернулся в сторону катафалка. Йончик жалобно глянул на плиткорез, оставшийся в домике у стены, и побрел за Витей. Ролик, прижав к груди руки, посеменил следом. Ситуация становилась интересной: посреди ночного озера, в ледяном плену оказались судья, прокурор, депутат и работник пенитенциарной

службы. Я вдруг почувствовал себя начальником небольшой плавучей тюрьмы. В сумерках сновали тени заключенных.

– ЭЙ, Шони, – закричал заточенный Николай сторожу, – кинь сюда веревку, подлец!

– Камни не бросать. – сказал Шандор упавшей чашке и дал Боре еще одно яблоко. – Рыбу не пугать.

Олень Боря одобрительно качнул трофейными рогами. С середины озера донесся рык отчаяния. Стемнело и похолодало. На небе, в прозрачной глубине, выступили гирлянды небесных светил. Витька залез в кабину катафалка и завел движок.

– Э-э-э, подожди, красноухий… или как там тебя?! – в переговоры вступил депутат Стебелек. От Витьки его отделяла непреодолимая сотня метров заледенелой воды, поэтому в голосе звучали благоприятственные нотки. -Может, давай добазаримся? Проси, что хочешь. Мы не жадные.

– О! Вот это другой расклад. -Витя приободрился и в глазах заиграл знакомый огонек сутяжничества. – Это по-человечески. Можно че то замутить… Лебедка есть. Трос тоже… Только жизненные гарантии нужны. Что то вроде депутатской неприкосновенности. Что бы не вышло, как в басне про журавля.

– Будут тебе гарантии, будут… – Сказал Глеб Егорыч и блеснул линзами на рычащего Николая. – Слово афганца.

Витя вопросительно глянул на меня. Я кивнул головой. Если Егорыч дал "слово афганца" можно быть спокойным: на Витю муха не сядет теперь без разрешения.

– Хочу…-Витя завел глаза в сумрачное небо, – Хочу телефон с голографическим экраном на базе "Андроид" и…

– Так ведь их не придумали еще, – крикнул магистр Савелий тонким голосом, – две тыщи десятый на дворе. Окстись, полоумный! К две тыщи четырнадцатому только обещают!

– Ладно, пусть будет без "Андроида"… Но голографический! – Витя прищурился и глянул на Жанну, которая робко переминалась с ноги на ногу. – И шубку хочу. С полярной лисы. Нинка давно мечтала.

– Витя, не борзей, – я придвинулся к подсобнику. -Некрасиво слабую женщину обирать…

– Да пусть подавится, урод, шубой, – Крикнул из темноты Николай. – Жанка, я тебе новую куплю, норковую,…бля буду! Отдай козлу, что просит, не жмись. А то замерзнем на хрен!

Жанна Андреевна пожала плечами и, расстегивая серебристую шубу, направилась в сторожку. Витя нырнул за ней. Стало тихо. Настолько тихо, что было слышно потрескивание

догоравших свай. Шло время. Шубка, видимо, была дорога как память и сниматься быстро не желала…Затем из сторожки донеслись звуки неопределенного свойства. Они носили явный ритмический характер и напоминали звук работающей двуручной пилы. Вскоре к ним присоединились тихие стоны Жанны… "Н-да, – решил я, – теперь подсобнику и Егорыч не поможет… Впрочем, хотел Николай Гнатович трофейные рога иметь – вот и получил. Даже без выстрела. А чего?… И волки сыты, и олени целы. И Жанна отомстила. Все довольны. Зашибись". Вскоре женские стоны участились. Из сторожки послышался звук падающих предметов и короткий женский возглас. Опять все стихло.

Из домика смотрителя вышел Витя. И, несмотря на то, что вышел он без лисьей шубы, настроение у него было замечательное. Наполнив Жанну до краев долгожданной живородящей эссенцией, он неторопливо заправлял рубаху в штаны.

– Что ты там возишься, красноухий?!- занервничал в темноте судебный исполнитель,- не тяни резину, мерзавец!

– В этом деле спешка не нужна, – Витя обстоятельно высморкался в сторону погорельцев и вытер пальцы об оленьи рога, – Шубу примеряли. Тесновата она мне. В талии жмет, зараза. И мех неравномерно стрижен. Не беру… Да не сцы, Колян, сейчас лебедку размотаю, вытяну тебя… А Вы там дверь снимите с петель. Будем Вас по льду на двери перетаскивать.

При слове "лебедка" Йончик осторожно потрогал пришитое недавно ухо. На морозе оно имело лиловый цвет. Поэтому Йонас иногда заходил в домик смотрителя отогреться горячим красным вином. Сейчас сторожка была занята: там Жанна рисовала себе новые губы и восстанавливала дамский туалет. Посреди озера засуетились. Депутат по земельным вопросам Стебелек бросился снимать с петель деревянную дверь.

– Я на двери не поеду, – заявил вдруг принципиальный магистр Савелий. Тот самый, которого ждала судейская мантия. – На лодке поеду, а на двери – нет! И не просите!

– Тьфу ты, дьявол! – Николай с досады плюнул в озеро. К густой слюне, упавшей на прозрачный лед, сразу бросились рыбки. -Где ж тебе лодку взять, Савва?!

– У меня дома есть резиновая. Пусть едут за лодкой. Жена им выдаст.- упрямо твердил магистр права Савелий.- А на дверь я пузом не лягу!

*

Так мы поехали к супруге Савелия за резиновой лодкой. У Витьки было приподнятое настроение и он мурлыкал под нос веселую песенку:

У моей старушки
Розовые ушки,
Сморщенная попка
И лиловый нос…

По дороге мне Витька прожужжал все уши про то, что Николай дурак и что "чем у женщины грудь меньше, тем она чувствительней, а женщина горячей изнутри". Я не стал спорить. Вите видней. К тому же грудь жены Савелия с виду тоже оказалась некрупной… Но дала она Вите резиновую лодку или не дала, я не знаю: мне эта вся кутерьма уже порядком надоела и я,выпив горячего глинтвейна, отправился домой.

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204121947

Девятое Ава и Великая скорбь

Вот я сегодня вышел с утра на террасе кофе попить, глянул на мозаику свою и опять мне этот Витек-подсобник вспомнился. Уникальный экземпляр, однако, прямо как фригийский царь Мидас: тот к чему не прикасался – все в золото обращалось. Вот также и Витек, к чему не притронется – все в дерьмо оборачивается. Причем, легко так, без особых усилий…

Как то вызвал меня один штемпель серьезный, он в экологическом министерстве большой шишкой работает, усадил напротив себя. Стеклами в роговой оправе блестит:

– Архитектор, помощь твоя нужна, хочу каменный знак в нашей синагоге воздвигнуть. Из чистого лабрадорита. Ребе уже благословил, осталось установить и закрепить надежно. Эти не справятся, – кивает на двух охранников, – руки из жопы растут. Раввины тоже напортачат, я в Павшино им обелиск пожертвовал, так они его криво забетонировали. Нужны специалисты толковые, типа твоих бойцов. Если справитесь, то третий знак в Ракошине тоже вам доверю ставить. Берешься за работу?

– Как не взяться, Ростислав Семенович, – говорю бодренько, – И посложнее делали, – сам думаю: «хер тут откажешь, бля, два мента с пистолетами сзади стоят, еще застрелят при попытке побега» – Без проблем, все будет мармелад.

В воскресенье прикатили в синагогу, бродим по дворику еврейскому и на солнышке греемся – ждем когда знак приедет с моими мастерами. Вокруг антураж довольно несложный: облупленная каменная синагога на холмике стоит, напротив монастырь православный с огромными ступенями, промеж них, метрах в двадцати старая груша растет и под грушей площадка выкошена для будущего знака. В землю штырь железный вбетонирован и вокруг ходит живность всякая, кошки мявчат, куры навоз клюют и белая коза травку щипает.

– Куда ж они пропали?, -Ростислав Семеныч недоумевает,- сорок минут уже ждем. Мы так ничего не успеем, а мне после обеда в аэропорт надо ехать.

Только за мобилу взялся, как вдруг во двор катафалк заезжает и из него Витек выпрыгивает, деловой крендель, ко мне пружинит: – Шеф, не цинкуй заранее, была проблемка небольшая, но все разрулилось темово!

– Шо за проблемка, Витек, – мне аж поплохело,- вы че, знак расхирячили?

– Ну, ты провидец, как узнал ?, – спрашивает.

– Да хули тут гадать, ты ж на другое, Витюша, не способен, если б ты его целым привез, в лесу бы сдохло что то. А ты, Йончи, гад, как брата не уследил?

– Хер его уследишь, дьявола, – сплюнул тот на колесо, – только эту звезду в бус затолкали, он, падла, сверху уселся, сразу боковушки и откололись. Пришлось, сука, назад все вынимать, на штыри ставить, клеем заливать, прошорохались полтора часа, млять…, не брат, а Бен-Ладен, будь он не ладен…

– Ладно, орлы, выгружайте его по тихому, чтоб опять нихера не отпало. Тут работы всего то на шесть секунд, так что…. работаем по методу профессора Ипатьева…

– Это как?

– Будем ипаться, пока не поставим.

– Да не сцы, шеф, все будет джуки-пуки, – Витек улыбается, – Мы ж тебя еще никогда не подводили. За редким исключением…

Короче, шестиконечник этот гранитный к штырю подтянули, йопсель…, тяжелый, как моя судьба, геморой в трусы вылез, глаза полопались, но воздвигнули с горем пополам. Витька ведро клея накаламутил, Йончи по кругу стяжечку тянет и я с отвесом этот знак по уровню регулирую. Неподалеку коза бродит и возле Семеныч с ребе стоят любуются:

– Богоугодное дело творим, Ростислав Семенович, на долгие годы…

– Я, ребе, Вам всегда рад услужить, а Вы меня в молитвах помянете.

– Бля, меценат хренов, – Витек шепчет, – это ж сколько куриного дерьма надо было в министерстве переплавить, что бы потом всю округу гранитом обзвиздячить?

– Этот хоть делится, – Йончи отвечает, – А ты жлоб, тыришь по тихому и сам хомячишь, крысеныш.

– Ты, млять…, кристально честный, – смеется Витя, – честный, но бедный, лучше б у меня жизни поучился. Так и сдохнешь, дурень, на четвереньках, а я тебе плиткорез в гроб положу для веселья. Я вообще, хотел бы видеть того аиста, который тебя нашей мамке принес! Таких лохов только дятлы носят, гы-гы…

– Зато тебя орел принес, долбень, только по пути йопнул башкой об камни… держи знак, видишь – косо стоит!

Звезду Давида укрепили, ребе глядит не налюбуется: здоровенная каменюка из черного лабрадорита в лучах солнца сияет и надпись витиеватая выгравирована: «Пусть все творения

склонятся перед Тобой.», потом что то там снизу на иврите и совсем мелко «твой вечный раб Анакойхер Ростислав Семенович»

– А на кой хер этот Анакойхер так в воскресенье суетится?- спрашивает Витька,- нельзя было до понедельника отложить?

– У них сегодня день Великой Скорби -Девятое Ава. В этот день римляне Иерусалим разнесли вдребезги и пополам,- разъясняю я подсобнику,- но до этого им Навуходоносор еще насолил – Первый храм развалил. А завтра сюда со всей округи евреи съедутся на печальный ритуал какой то… Будут свою скорбь приумножать, вот Семеныч и торопится.

Тут как раз Ростислав Семенович подошел, деньги протягивает, я только взять хотел, тот руку отдернул и гнусавит:

– По традиции нельзя чтобы гой из моих рук деньги брал. Я должен кинуть их на землю, а гой должен поднять, так Тора пишет.- и бросает деньги вниз.

Купюры, ясный пень, до земли не долетели – Витька в плане поимки денег проворней еврейской кошки – умудрился на лету все шесть бумажек поймать. Анакойхер только поморщился, так хули там, даже если бы он купюры из мешка сыпал, земли не одна бы не достигла, даю член на пятаки….

– А теперь, – ребе пейсликами в мою сторону трясет, – извольте откушать, заодно у меня к вам пару вопросов будет.

Направились мы внутрь заведения, а Витька с Йончием остались на скамейке звезду от пыли обмахивать, прикалываются, мол, надо было три знака рядом ставить, тогда трехзвездочный отель получился бы. Там же и два мента с ними в холодке спрятались, стерегут друг друга, служивые.

Что вам сказать, живут евреи не кисло: все кладовки копченой рыбой в три слоя увешаны, снадобья всякие, сыры с дырками, сыры без дырок, рокфоры с плесенью, халва, марципаны, яйца разноцветные в корзинках, чернослив с медом, пыльных бутылей немеряно, словом, нанесли иудеи полные закрома. Раввин нас по синагоге таскает, книжный ковчег показывает:

– Тут у нас послушники труды постигают, читают на досках дубовых, тут Торы, тут свитки, тут Талмуды у них священные, тут… тут, простите, (прячет что то за спину)… видеокассеты духовные, ну идем, идем… Покушаем.

Сижу на лавке, жру кошерный изюм с орехами, мацу водой запиваю, а ребе к пище не притрагивается, меня донимает:

– Надо бы нам залы расширить, гости заезжают, так им остановиться негде. И купол в синагоге надо подкрепить, потрескался. Еще ступени надо придумать наверх и купель отремонтировать – протекает …

– Не вопрос, – мычу с полным ртом,- Вообще, у вас могу пожить маленько, пока ремонт не закончите, сам думаю: -« Йолы-палы, знал бы что тут жрачка такая, шел бы в хедер учиться, а не в институт. Да куда теперь, проехали уже, поздно обрезание делать, жена не поймет.»

Покушал славно, вышел на солнышко и на знак любуюсь. Под звездой Витька с козой беседу ведет:

– Ну че, блондинка недоеная, тебя видать давно за вымя не дергали, смотри, Йончик, как у нее соски торчат, пора доить уже.

– Ну так подои, козодой хренов, я блин, с камнем тут накуролесился, так еще буду скот доить.

– Не любишь ты животных, братуха, и потому они тебя не любят.

– Ты, млять…, зоофил нашелся, неудивительно что коза к тебе жмется, ты же стопудовый козел по жизни. Голову себе пощупай, рога чуствуешь?

А коза только мекает и грушки с земли грызет.

Тут Семеныч возьми и ляпни:

– А что, ребе, грушки у вас вкусные?

– А бог его знает, мы не пробовали – все на спирт перегоняли.

– А ну ка, Олежек, сорви мне во-о-о-он тех грушек, – и показывает на верхушку дерева, там самые спелые виднеются,- возьму с собой на пробу…

Олежек рад стараться, от хозяина сигнал получил и бегом выполнять – пистолет сбоку закрепил и почесал на дерево шкрябаться. Видать, их в ментовке учат и по ветвям лазать, хотя, может рудиментарные рефлексы взыграли, взобрался на верхушку как макака, даже не поцарапался. Руку вытянул, пробует до грушки дотянуться. Да какое там, чуть-чуть не хватает, причем, чем выше дряпается тем больше ветка к земле клонится. Перегнулась конкретно, пару метров до земли осталось – грушки уже почти рядом.

– Помоги ему, Костик, видишь, достать не может, – и на второго мента линзами блеснул.

Костик, конечно, прыг-скок и уже возле Олежка, висят вдвоем, дерево гнут.

И тут немного не по сценарию движуха пошла. Ни с того, ни с

сего, неожидано в монастыре неподалеку колокола как зазвонили, бау-бау!!!, церковные двери напротив распахнулись и на ступени народ православный вывалил. Стоят обалдевшие с иконами в руках, крестятся, а напротив, на груше два милиционера в голубых рубашках с погонами повисли и пистолеты на заднице болтаются. Внизу коза блеет и Витек сзади проистроился, ее за сиськи держит, извращенец.

«Пипец, -думаю,- надо спасать ситуацию». Стою и в голове китайские стратагемы перебираю, типа, дипломатичный выход ищу.

Но тут Витек первый опомнился и все поправил:

– Хули делов, – говорит, – Щас грушки достанем…

Спичку выплюнул, козу к звезде отодвинул, ловко так подпрыгнул на одной ноге и за кончик ветки с грушками уцепился.

Тут сложная формула произошла: скорее всего законы гравитации в силу вступили, хотя, я раньше думал, что на милицию они не действуют, надо потом в учебнике по физике глянуть, только вот охиренный кусок дерева откололся и прямо с Олежком и Костиком на знак наш свежезалитый йопнулся.

Ну что тут сказать, если б истребитель упал и то жертв было бы меньше: звезда моментально в мелкие камешки разлетелась, причем, осколком пришибло блондинку-козу, та лишь укакалась и копытцем дернула два раза – неподоенная отдала богу душу. Йончи разбил себе лицо в кровь – пытался знак удержать, Витек успел отскочить, но наступил на курицу и она от неожиданности умерла. Только кошки не пострадали, они сдриснули еще раньше, когда Витька козу за вымя поймал – решили не играть с судьбой. Ну и Олежек с Костиком ободрались ветками, милицейскую одежду в клочья располосовали. Фигня, им Анакойхер новую выпишет.

Ребе с Семенычем, вообще, ничего не поняли, видимо, фимоз мысли случился, а православные прихожане решили что это часть иудейской программы, перекрестились и не спеша, с песнями пошли по ступеням за ворота монастыря.

Короче, приумножил Витька печаль евреям…

Едем домой в катафалке, Йончи нос зажал, кровь капает, Витек на себе синяки пытается найти, радуется:

– Бля, хоть бы поцарапался, как новый, сука, видишь Йончи – держись брателлы и будет тебе по жизни пруха. Пацаны, на мне ни ссадины!.. а может я бессмертный? Со мной, брат, не пропадешь даже в синагоге! И ваще, Йончелло, какого лысого ты за эту каменюку уцепился, надо тебе рефлексы отрабатывать, не

то сдохнешь скоро.

– Витя, падла, домой приедем, проверим твое бессмертие – я тебе такие рефлексы продемонстрирую, что ты будешь самого себя пугаться, тварь.

– Да ладно, не гунди, – Витюша жмет на газ, – Вернем престиж скоро, там Семеныч че-то про третий знак заикался. Что, шеф скажешь? Когда едем ставить? Опыт у нас уже есть, осталось только детали шлифануть.

– Вот Семеныч за нами Олежку с Костиком в новой форме пришлет, – отвечаю,- тогда и поедем. Заодно табличку медную прихвати с нашими именами и датами рождения. Пригодится.

Потом я Витьку два месяца не видел, похоже, кости сращивал после Йончиных рефлексов. Бог его знает…

*(фрагмент).
©Yodli.

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204050497

Витька, гопники и третий уровень мастерства

В вечерних сумерках я с Йончиком возвращался со стройки домой. Мы шли через Борок-Телеп, самый неблагополучный район города. Здесь хороводил цыганский табор, Саша-барон устанавливал свои законы и пришельцам передвигаться по данной территории было опасней, чем конкистадорам в амазонских джунглях. Милиция здесь не появлялась даже днем, а врачи и работники соцслужб перестали соваться в табор после того как там без вести пропало три инспектора с энергонадзора. Хотя Саша-барон и следил за порядком, строил часовни и пресекал наркоторговлю, смуглая шпана все же вылазила из нор под вечер потрясти случайных прохожих.

Мы шли от Миши-мясника, мозаика была почти готова оставалось уложить ее на клей. Витька отстал позади нас: жена приказала купить ему кефир для Петьки. У Петьки был дисбактериоз и кефир восстанавливал микрофлору кишечника. Я с Йонасом ступил на узкий бетонный мостик, перекинутый через дренажный канал. Как и следовало ожидать в конце мостика нас уже поджидала шайка мелких шалопаев.

– Курить дай.- на ломаном русском произнес заученную формулу самый длинный.

– Курить вредно для здоровья, – ответил я механически. Со

стороны это выглядело как обмен паролями.

– Что говоришь?, – подбирая слова начал заводиться длинный, – Ты кому говоришь, гад?

Сбоку от длинного маячили двое пожмаканных сопляков лет пятнадцати. Неподалеку под навесом сидели четыре крепких баклажана и один, в кожаной курточке, ронял финку острием вниз на лежащий между его ног арбуз. Финка всегда встрявала. На волосатой руке у него сверкали золотые часы. Остальные тихо перешептывались, поблескивая в темноте зубами.

– Снимай гайку, лысый козел,- с напором в голосе выдавил длинный и покосился на мой перстень.

– Что думаешь, Йончи, "хобот слона" или "хануман"?- спросил я Йончия.

Начинающие гопники насторожились.

– "Хануман",- ответил Йончи, – хотя, хер его знает.

Подростки напряглись и подобрались ближе. Сидевшие под навесом привстали и тот, с финкой, отодвинул ногой арбуз в сторону. Мы тянули время, а Витька не появлялся. " Наверно пиво сосет у стойки, подлец" – с досадой подумал я.

Касательно Витьки можно отметить следующее: Витька был прирожденый антигоп. Вот так, выпал в роддоме из маминого лона и сказал, -Хоп! Вот я – антигоп!… А начиналось все банально. Как то Витька шел домой из гастронома и на тропинке возле фонтана поймал левый джеб в правое ухо и фингал под оба глаза. Чешское пиво, купленое Витькой для внутренних потребностей, выпили некультурные росвиговские гопы. Это обстоятельство несколько смутило Витьку и он решил дать жесткий отпор. Так как Виктор не обладал мускулистым торсом, был невысок и весь покрыт целлюлитом, то выбор техники уличного боя был весьма щепетильным. Витка пересмотрел все бойцовские фильмы, перелистал все комиксы и остановился на муай-тай. Любому школьнику известно, что профессиональный боец муай-тай имеет в своем арсенале девять основных атак, не считая блоков. Витьке хватило две. Для начала он освоил сокрушительный "Хобот слона, падающий на траву". Удары Витька отрабатывал самозабвенно, падал "хоботом на траву" по много часов в день, пока не потрескался паркет в спальне и не обсыпалась штукатурка. Соседи снизу сначала бились в истерике, потом продали квартиру и уехали жить в деревню. Затем Витька принялся за молниеносный " Хануман вырывает клюв вороне". Через неделю из стен были вырваны все выключатели, а также лоскуты из белорусского ковра, стоявшего в рулоне за шторой. В спортивном азарте также была вырвана вставная челюсть у соседа

по площадке Ивана Аркадьевича. Челюсть вставили, а ковер пришлось выкинуть. Затем Витька принялся методично ходить за пивом. В первую неделю в городскую больницу поступило с десяток изувеченых гопников. Травмы носили одинаковый характер – либо сильный ушиб основания костей черепа, либо сломаные носы и сплющеные хрящи. Повреждения тела зависели от того, в какой руке Витька держал бытылки с пивом. Последнего разгильдяя привезли со сдвинутым кадыком: наш Витька рос технически. И по Росвигову скоро можно было бы ходить спокойно, если б Витька не сломал себе мизинец. Как то летним вечером он изящно опускал "хобот слона" на "траву" очередного гопа, но у того оказались на голове надеты наушники с металлической рамкой.

– Нельзя так себя вести, – добродушно упрекал Витьку врач-травматолог, накладывая ему гипс на руку.- Надо уметь контролировать эмоции. Не раздражайтесь по пустякам, держите себя в руках. К Вам пристают, а Вы игнорируйте. Самоконтроль, внутренний самоконтроль.

– Во-во, прислушайся к доктору, – говорил сидящий напротив здоровенный гопник. Рядом лежали сплющенные наушники. Медсестра бинтовала парню голову и он морщился от боли. Похоже, "хобот" достиг таки цели и слегка сдвинул мозжечок у хулигана. – А то чуть что, сразу руки распускать…

Всю ночь Витька обдумывал слова доктора, осмысливал свой внутренний мир, развивал самоконтроль и с утра пораньше принялся всех игнорировать. Особенно умело он игнорировал Йончия, когда тот просил его замесить клей для плитки. К концу рабочего дня Витька научился игнорировать даже меня. После работы, ближе к вечеру он стоял с загипсованой рукой на автобусной остановке в Павшино когда его обступили несколько небритых парней.

– Семки есть?- поинтересовался один помельче.

Виктор молчал.

– Эй, загипсованый, ты че, бля, мумифицировался?, – мелкий постучал костяшками пальцев по гипсу. – Смотрите, пацаны, фараон Тутанхамон….- все дружно заржали и один, в темных очках, вылил Витьке на голову остатки пива. У Витьки бешено колотилось сердце, он мысленно уже сломал два носа и выдернул один кадык, но виду не подавал.

"… Игнорировать, буду игнорировать, -думал Витька, – истинная сила бойца сокрыта не в кулаке, а в душе его. Всех в игнор, нах.." . Тем временем пацаны стали слегка раскачивать

Витьку из стороны в сторону, надели на него черные очки и что то плели про утреннюю эрекцию и резиновый член. Витька закипал, правая рука слегка подергивалась – это из нее рвалась Хануман. Самый мелкий шумно вдохнул в себя воздух и обильно высморкался на витькины джинсы. В груди у Витьки сильно жгло и мир, в очках и так темный, вдруг сузился и погас. Если бы один из подростков вовремя не поймал его на руки, то Витька падая разбил бы себе голову о бетонную урну.

– Инфаркт миокарда, – говорила женщина-врач, разглядывая длинную бумажку. -Что Вы так, Виктор Филипович, себя не бережете? Нервничаете. Хорошо что ребята сердобольные попались, привезли Вас в отделение.

– Ты это, …че не сказал, что нездоров? – спросил один из "сердобольных", стоя у стекляного шкафчика. – может тебя домой отвезти, Тутанхамон?

В течении следующей недели игнорирования Витьку еще два раза привозили к тетеньке-кардилогогу с остановками сердца, после чего она заявила:

– Послушайте, Виктор Филипович, если Вы будете и дальше подвергать себя таким стрессам, то до конца месяца не дотянете. Не держите в себе эмоции, выплескивайте их наружу. Выплескивайте.

Витя стал выплескивать эмосии. Мизинец сросся и "хобот" стал опускаться на "траву" с удвоенной силой. С разных концов города в больницу периодически поступали поврежденные гопники. Травматология была переполнена, городской хирург устал складывать бандитские черепа и зашивать порваные ноздри, но в сентябре уже можно было ходить по ночным улицам не тревожась. Мамы отпускали детишек в школу со спокойной душой и мысленно благодарили неизвестного блюстителя городского порядка.

Однако, этот район, Борок-Телеп, был еще Витькой неизведан, поэтому смуглая шпана начинала борзеть все больше.

– Кольцо сними, лысый, – вплотную ко мне приблизился длинный. – А то щас зубы выплюнешь в…

Однако, куда я выплюну зубы осталось тайной, потому что длинный вдруг получил оглушительный удар в голову откуда то сзади большим белым предметом. Двое пожмаканых резво кинулись в стороны как тараканы на кухне при включеном свете.

"О, Витька пришел, " – подумал я облегченно . Но это был не Витька. Большая яркая женщина виртуозно лупила длинного

белым пакетом по башке и, судя по звуку, в пакете была пустая кастрюля.

– А тэ боссом курво!!!, -грозно кричала разноцветная цыганка, – Дьоршон дере хозо!!! Отец его по всему району ищет, а он, фюэ, к порядочным людям пристает. А ну домой, подлец!!! А тэ курво!!!

Удары сыпались на длинного с такой скоростью и под такими углами, что Брюс Ли мог бы аплодировать стоя с расширенными глазами. При этом цыганка умудрялась свободной рукой качать коляску с маленьким ребенком. Мелодичный звон пустой кастрюли дополнял отборный русско-мадярский мат, выстреливающий из золотых зубов женщины как из крупнокалиберного пулемета. Прикрыв посиневшую голову руками, длинный на полусогнутых ногах шустро посеменил к дому.

– Пойдем, шеф, потянул меня Йончи за рукав, – не будем мешать семейной беседе.

Из под навеса донеслось досадное ерзанье. Волосатый опять принялся тыкать финку в арбуз. Мы ушли.

– Как думаешь, Йончи, – спрашивал я у Йонаса на следующее утро, – проскочил Витька через мостик?

– Стопудово проскочил, – ответил Йони, выкладывая на полу испанскую мозаику. – Вопрос только лишь в том: "хобот слона или Хануман"?

– Я думаю что "Хануман".

– А я – "хобот слона".

Ближе к обеду пришел Витька. На нем была новая кожаная куртка и на запястье золотые часы. Все наши вопросы он игнорировал.

Потом я узнал, что той ночью в травматологию поступило четверо пострадавших ромской национальности. У всех была одинаковая, но ранее не бывалая травма – проваленая грудная клетка и сломано несколько ребер. В заключении доктор написал, что удар был нанесен твердым тупым предметом круглой формы в область солнечного сплетения. Оказалось, что уже месяц как Витька перешел на третий уровень мастерства муай-тай и освоил сногсшибательный прием – " Цапля кормит ослабевших птенцов". Потом "птенцы" долго учились ходить, а "тупому круглому предмету" хоть бы хны – шапку одел и пошел за кефиром.

***фрагмент.

Yodli.

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204041651

Искусство выживания в Одессе

…и ежики в кошачьем молоке.

*

Мир катился в бездну. Горели заводы, разбивались самолеты и тонули корабли. Над цивилизацией нависла черная тень экономического кризиса. Вчерашние короли планеты были на пороге дефолта и костлявая рука инфляции все крепче сжималась на финансовых артериях человечества. Купюры стремительно превращались в разноцветную бумагу, иссякали запасы нефти и газа, граждане пилили на дрова реликтовые голубые ели и лихорадочно скупали золотые изделия. Подорожала водка… А я и не знал.

Об этом мне рассказал Роланд, виткин школьный друг. Он сидел в железнодорожном купе напротив меня, держа в расцарапанной руке капающий на скатерть пакетик чая и грозно вещал:

– Скоро всем кранты, Валдис. Еще пару лет социум протянет по инерции, а потом все – рухнут основы общества, начнется анархия, небо потемнеет от дыма и улицы от мародеров. Наступит БП.

– Шо за хрень? – встрепенулся на верхней полке Витька. – БП – это Больная Печень, что ли?… А может – безалкогольная водка?

– Ага… Бритая Пилотка… дурак ты, Витюха, – надулся Ролик. – Это аббревиатура такая. Большой Песец означает. Конец всего. Амба. Полный хаос и развал. Деление на Ноль и зомби-

Апокалипсис одновременно. Закончится календарь Майя и Земля превратится в бесцветную слизь. Жрать будет нечего. Понял, осел?

– Нифига себ-е-е-е, – протянул Витька и, почувствовав реальную угрозу жизни, принялся жевать кусок сала изредка сплевывая вниз кусочки целлофана. – Ролик, ты меня вгоняешь в депресняк. Не шути так.

А Ролик и не шутил. Он был до неприличия серьезен и излагал проблему с глубоким знанием предмета. Уже больше года Роланд штудировал тему скорого краха цивилизации и на некоторых интернет-форумах считался признанным экспертом. А так как Роланд был еще и хорошим поваром, то экстремальная куллинария была его коньком. На Ганзе он вел раздел " Ешь, пока шевелится. Жуй, пока растет". Но особое признание у сотоварищей он получил после того, как провел месяц с легендарным Беркемом на карельских болотах. Там, под наблюдением опытного инструктора, он жрал мяту с мошкарой, кипятил воду в презервативе и добывал огонь трением. Научился печь котлетки из сушеных кузнечиков и фильтровать воду через носки. Высасывал из пиявок кровь. Прожил бы, возможно, и дольше, но эксперимент пришлось срочно прекратить после того, как коварный Беркем попытался ночью откусить ухо у спящего Ролика. Откусить хотел, однозначно, с целью поедания. Этот Беркем аль-Утоми, скажу я Вам, был еще тот "фрукт": годом ранее сожрал непальского проводника в Гималаях, хотя всем наплел, что проводник упал в ущелье, а сам Беркем питался лишь орлиными яйцами и личинками мух. Спустившись с гор, он переоделся женщиной и прошел Монголию в шапочке из фольги, истребляя по пути всех мышей и ящериц, которых выкуривал из нор вонючим дымом. Затем, в Казахстане украл верблюда, пил из вены его кровь и, перейдя пустыню Кызылкум с анальным НАЗом, скушал верблюжьи внутренности прямо в сыром виде. Побродив по пескам, прибился к местным пастухам, долго пас уйгурских овец и так, с овечьей отарой, дошел до российских границ. Овец конфисковали русские пограничники, но Беркем, воспользовавшись суматохой, незаметно проник на одну шестую часть земли. На электричках, под видом буддийского монаха, пересек Россию и теперь давал "уроки сюрвивайла" для всех желающих выжить в Карелии. Правда, после того как по окончании курсов журналисты недосчитались нескольких участников проекта, гуру-Беркему пришлось быстрой походкой уйти на север, в сторону Финляндии. Однако Ролланд прошел карельские курсы успешно, съел ведро лягушек, спас собственное

ухо, выжил и готов был делиться бесценным опытом.

Теперь он трясся с нами в сторону Одессы и поливал окружающих потоком шокирующей информации. Я пил горячий чай с сахаром и внимательно слушал. Йончи спал на верхней полке. Он всю ночь играл в карты с седым старичком из соседнего купе и теперь отсыпался. Рядом на вешалке висел выигранный трофей – велюровый пиджак сиреневого цвета.

– Финики, – убеждал меня Ролик, – прекрасные плоды. Не только мякоть, но и косточки можно употреблять в пищу. Еще грозный воин Мохаммад во время голода научил своих соплеменников молоть финиковые косточки в муку и печь лепешки… Кстати, американский спецназ тоже это взял на вооружение – от арабов переняли. И великий Фирдоуси упоминает в "Книге Царей" : "…Суть в том была, что люди раньше не были избалованы, довольствовались простой пищей, ели коренья, злаки, молоко от скота домашнего, лепешки из финиковых косточек. Див же взялся готовить мясо – и птиц и четвероногих тварей, дабы…"

– Херня эти финики, – отозвался сверху Витька, – у меня знакомый был, спортсмен-вегетарианец, тоже вот на финики с изюмом подсел… Чуть не помер от этой финиковой диеты. Прикинь, шеф, нет чтоб пельменей покушать и на диван, так хули, режим у него. Полкило фиников проглотит и бегом на стадион, круги мотать. Я ему говорю: – Расслабся, Славик, пей пиво, а не то подохнешь… Так и получилось: начал у него живот болеть и раздуваться. Чем больше бегает, тем больше опухоль растет. Финики жрет, а рези в животе дикие… Отвезли в больницу. Доктор этому Славе брюхо вскрыл, а там, пацаны, вы не поверите – из финиковых волокон целый клубок скатался. Размером с кулак. Застрял в желудке, хрен высрешь… Еще бы пару дней и все – выросла бы на славиной могилке красивая финиковая пальма. Славик теперь опомнился: пиво, чипсы, телевизор – все как у людей. Клубок свой засушил и в сервант поставил… А ведь мог помереть, дуралей.

После этих слов Витя свесился с верхней полки вниз и стал тыкать куском сала в круглую коробку из под шоколадного торта. Теперь там находились сладкие коричневые крошки и Витя ловко отправлял их в рот. Вчерашний торт был вкусен, съеден быстро, но, несмотря на это, я все же был невеселый и злой. По правде говоря, поселяя Витьку на верхнюю полку купе, я лелеял тихую надежду на то, что ночью он рухнет головой на столик, раскроит себе висок и у меня на одну проблему под названием "подсобник" станет меньше. С этой целью я даже расставил на столе пустые

стаканы из под чая… мелочь, но шансы на летальный исход Витьки в потусторонний мир сильно возрастали. Но Витька не упал, голову не разбил и теперь кушал сало с шоколадными крошками. А я, потягивая чай, философски размышлял о том, что коль уж Творец выплеснул на поверхность бытия такое существо как Витя, значит где то должна быть сокрыта некая неведомая цель для которой сей гоблин с улыбкой дауна предназначен… Потому что с видимой целью было все понятно: мы направлялись в славный город Одессу к моему старинному другу Вениамину.

*

Мой приятель Вениамин был шутник известный на всю сырецкую округу. Хотя, почему "был"? Он до сих пор живой и даже шутит. А веселый нрав у него не потому, что он живет теперь в Одессе, туда его из Киева случайно занесло, а просто потому что он потомственный еврей. А впрочем, если ты больше месяца прожил в Одессе, то будь ты хоть румын, турецкий подданый, татарин или негр , неважно: …ты уже немножечко еврей. Но этот интересный факт я не сразу обнаружил: тогда, в конце восьмидесятых, не было еще межнациональной розни, этнических конфликтов и я по форме члена не делил друзей . А было нас три друга – я, Вениамин и Федя-Фантомас. Мы вместе поступили в институт, мы вместе тискали девченок по аллеям и вместе призывались в армию служить. В те времена служили и студенты. По возвращении домой мы оказались в новом государстве – Союз трещал по швам, гремел Нагорный Карабах, повсюду был бардак и стало модно нелюбить евреев. Я тоже, чтобы быть в струе, стал медленно евреев ненавидеть, а Федор, он оказался генетическим хохлом, меня, конечно, поддержал. И, однозначно, Веник за компанию к нам присоединился и каждый день развлекал нас новым анекдотом про самого себя… С моей идентификацией было чуть сложней и потому меня назначили кацапом. В лысом Фантомасе, напротив, резко выбились хохляцкие черты. К примеру, он мог нас пригласить на день рожденья и, прийдя к нему домой, мы обнаруживали на столе пустую упаковку от торта. А Фантомас тем временем лежал счастливый на диване и бренчал гитарой. Вот ведь ненасытливая сволочь.

– Апофеоз украинского жлобства!- огорченно говорил Вениамин, – Сожрать всухую торт! И без друзей!

– Ну пацаны… я ничего не мог поделать, – пел под ноты Федор, – Во мне взбурлила гетьманская кровь казаков запорожских…. А может быть и жмеринских жлобов. Я даже сам не знаю, как это случилось.

– Тогда во мне бурлит кацапская душа, – я открывал

принесенную водку и начинал пить жадно из горла, – расейский нрав, простите пацаны…

– Ты, бля.., моцкаль еще нашелся,… да по тебе Каунас рыдает. Все, мужики! Жидомассонство победило!, – Веник доставал из поздравительной открытки две пятидолларовых бумажки, принесенные имениннику в подарок и клал себе в карман, – ты, Валдис , негодяй и ты пойдешь за водкой.

– А кто пойдет за водкой нам покажет поединок, – я вынимал колоду карт. – Фантоцци, не тяни, раскидуй преферанс.

Так, по ночам, за карточной игрой в нас росла этническая ненависть и злость.

Прошло лет двадцать, может двадцать пять, Федя-Фантомас остался жить на киевских холмах, меня шатнуло вдруг на Закарпатье, а Веник, как я говорил, преобразился в махрового одесского еврея. Мы изредка встречались за бутылкой водки обсудить межнациональные вопросы. Теперь я ехал в сторону Одессы не сам: со мной был Ролик, Йончи и Витек. Меня к себе позвал по делу Веник – выпить спирта и помочь со строительными работами на загородной ферме. Конечно, ферма и еврей – это плюс и минус. Космос и навоз. Говно и пчелы. Капуста в лимонаде… Хотя, с капустой у Веника всегда не плохо было – еще в университете он ходил в длинном кожаном плаще за двести долларов, чем усугублял мои антисемитские позывы.

У Веника тем временем подросла смышленая дочь Зинаида. Она произошла на свет от первого и последнего короткого брака по трагической любви. Еще будучи студентом второго курса, Вениамин женился на водителе киевского трамвая. Затем в трамвае сели батарейки, жена остыла и сбежала к толстому геодезисту из общаги. Однако, Веник горевал не долго, закончил универ, сам вырастил дочурку, пошатался лет десять по разным континентам и завис в Одессе. Там шустро нарубил бабла, стал представительным хасидом, но как то раз, блуждая в интернете, забрел случайно на забавный сайт. На сайте постоянно обсуждались вопросы мирозданья, кризис, глобальный заговор и скорый апокалипсис народов. Короче говоря, Конец Обеда по Мак-Фраю, Армагедец и Тундра Мира. Из монитора Веника пугали дефицитом газа, вечной мерзлотой, а также недостатком пищи, в том числе кошерной. И Веник испугался.

Имея неплохой финансовый балланс, он приобрел удачно старый банно-прачечный комбинат, который ранее был закреплен за военным гарнизоном. Там Вениамин развился как колхозник:

построил хлев и ферму для кролей. Купил овец, гусей и дизельгенератор. В бане сделал офис, огромные стиральные машины он выменял на трактор и прицеп. Вскопал три грядки и поставил интернет. Потом назвал все это "дауншифтинг" и стал готовиться к пришествию Христа. Меня же он просил помочь ему в устройстве "джокервиля". Для тех, кто в стороне от темы, поясняю: джокервиль – это не азартная игра. И тем более не то, о чем сейчас украдкой подумали Вы, озорные женщины-плутовки. Джокервиль – это последний оплот настоящего самца. Неприступная крепость с тремя рубежами обороны и заминированным входом, в которой словно в теплом термосе возможно пережить неминуемый распад Вселенной. Укрепленный бастион сурового мужчины, напичканый оружием, патронами, тушенкой и баночками дистилированной воды. Козырная карта и железобетонный редут махрового мачо с махровыми полотенцами и махровыми яйцами. …

И вот такой фантастический бункер, в котором мирно спал бы даже Гитлер, мне предстояло соорудить на окраине Одессы при помощи Йончика и подсобника-Витька. А Ролик ехал с нами как технический консультант. Как ни крути, а опыт выживания у него был побольше, чем у нас троих вместе взятых.

Мерзнущий на железнодорожном перроне Вениамин ждал нас с нетерпением: наступила весна, снег оттаял и можно было приступать к постройке объекта. Кроме повзрослевшей дочери у Веника помощников не было.

Вся надежда была лишь на нас да на будущего зятя, чей облик рисовался пока смутно: юная Зинаида презрительно относилась к противоположному полу и делила всех ухажеров на три категории:

Первая: прыщавые задроты, которые до сих пор заправляют майку в трусы, спят с открытым ртом и любят интернет до огненных мозолей на ладонях.

Вторая: укуренные мажоры в шелковых косоворотках, раскатывающие на папиных тачках под надзором вип-секкюрити.

Третья: членоголовое бычье с раскачанными бицепсами, цветными татуировками и мозгом как у бурундука.

Но вот пред Зиной появился Йончи. Глаза их встретились:

– Бомбезная чипса.

– Винтажный пацан.

Светлый образ Йонаса со свежевыращеной щетиной на лице, в сиреневом пиджаке и страусовых шузах на плетеных портянках

запустил в организме Зины необратимые химические процессы: сначала выброс феромонов спровоцировал взрыв Хиросимы в левом полушарии мозга, затем утечка эндорфинов взорвала Нагасаки в правой части головы. Напоследок злобный Купидон проткнул сердце Зинаиды тупой рифленой арматурой и, на всякий случай, загнул за пятым позвонком внушительный анкерный крюк.

Грубо говоря, Зинка втюрилась в Йончи-перфоратора, как медведица в дрессировщика, жестоко и безнадежно, до дрожи в малиновых кустах.

Зинка была обречена. Женщины и раньше сохли по той харизме, которая болталась у Йончика где то между вытянутых коленок на трикотажных штанах, а также тосковали по другим интимным местам и эрогенным зонам. Теперь же это было самое настоящее диффузно-электрическое чувство, которое древние называли смешным словом – любовь. Возникла биохимическая реакция с фосфорным свечением глаз и обильным выделением копулин в нижней части живота.

Зинка же представляла собой фигуристую кобылку со стройными ногами, шелковистой кожей и золотой шпилькой в пупке. Под ухом виднелась настоящая родинка, что резко повышало шансы на успех.

Наш Йонас погиб.

*

– Тут главное найти соски и нежно их массировать, – излагал Ролик новый рецепт сырников из кошачьего молока, – при умелом подходе с одной взрослой кошки можно надоить с полстакана молочной секреции. Главное с котом не перепутать, – он покрутил перед носом Зинки поцарапанными руками,- я вот, соседскую кошку с одним сиамом в темноте попутал и…

– А зайца можно подоить? – озабоченно перебил Витька, – Всю жизнь мечтал заячего молока попробовать.

– Конечно, – заявил уверенно Роланд. – Доить можно все, что имеет вымя. Даже крота. Вот воробья нельзя подоить – у него сисек нет. Только яйца.

– Точно как у тебя, Йончик, – заржал Витька.

Зинка тоже рассмеялась и говорит:

– А меня в прошлом году папа на Первое Апреля с яйцами разыграл. Притащил домой три больших яйца. С зеленоватым оттенком. Говорит, в зоопарке у одного знакомого индонезийский варан кладку яиц отложил и сдох. Ну, не пропадать же добру. Вот он их домой и принес: -Все, Зинка, будем варанов выращивать. У них знаешь какая кожа дорогая? Сумочка из шкуры варана стоит

восемьсот баксов. Пояс – двести! Портмоне – триста двадцать долларов. Разведем варанью ферму – заживем в роскоши. Мясо – деликатес. Экзотический ресторан откроем… Но, надо их отогреть. Так нельзя оставлять – погибнут. Ты, говорит, их в вату заверни и будешь ложиться спать, положи по одному яйцу подмышку, а третье между ног. Если хорошо нагреешь, то варанчики должны вылупиться. Ну, я доверчивая, всю ночь с яйцами пролежала, боялась шевельнуться. Утром просыпаюсь – вонь вокруг стоит страшная, а я вся в мерзкой слизи. И рядом папаша ржет: – С Первым Апреля, доченька!

Это он так пошутил: подсунул мне три тухлых гусиных яйца, а я, дурочка, всю ночь их грела. Вот такой у меня папа-юморист…

Мы сидели на фазенде у Веника, пили зеленый чай и рассуждали о кошачьем молоке, рептильих яйцах и прочих разнообразных способах выживания в этом непростом мире. Вдали шелестело Черное море, мелькали белые чайки и на акациях набухали первые почки. Вениамина с нами не было – он поехал в город сдавать в универмаг большую партию кролей. Вчера мы целый день обдирали от шкур кроличьи тушки, а потом закатывали их в вакуумную упаковку на специальном станке. Это была первая партия товара, которую Веник надеялся благополучно сдать в магазин. С утра он уже имел на руках положительное заключение санстанции и теперь, загрузив около тонны кроликов в машину, отправился в город.

– На кролях много не заработаешь, – Витька разлегся в кресле-качалке и вслух проворачивал новые перспективы дауншифтинга, – они болеют, дохнут твари… Я то уж знаю, у меня сосед дядя Петя в деревне кроликов держал. Но как то раз ненадежно вольер закрыл, так они, зайцы позорные, по садам разбежались, всю капусту в огородах погрызли. Целым селом их неделю ловили. И шо, бля, интересно: у него сбежало тридцать кролей, а поймали пятьдесят два. Я лично домой сорок штук принес. Плодятся моментально, подлецы. Но дохнут еще быстрей. Уж лучше свиней держать. -Витька достал из кармана кусок сала, облепленный волосинками, откусил и жуя философски продолжил: -Свинное сало – лекарство от всех болезней. Причем, если грамотно кормить свинью, то и сало будет кошерное. Вот, смотри, Ролик, – Витя ткнул салом Ролику в нос, – эту свинью месяц кормили кукурузой и три месяца картошкой. Видишь белые полосы? Это кукуруза. А прозрачные прожилки – картошка. Если прослойки мяса- значит голодом морили, суки, на диете держали бедное животное… Я могу по куску сала рацион свиньи определить с точностью до недели… Заводи свиней, Зинка,

разбогатеешь.

– Евреи не едят свинину,- сказал Ролик за Зину, отхлебывая зеленый чай, – еще гласит сто сорок пятый аят: "…Я нахожу запрещенным употреблять в пищу только мертвечину, пролитую кровь и мясо свиньи, которая является скверной… Иудеям Мы запретили всех животных с нераздвоенными копытами. Мы запретили им сало коров и овец, кроме того, что находится на спинном хребте и внутренностях или …"

– Умно написано, Роландо, и красиво. Но не практично, так вы долго не протянете. -Витька озабоченно почесал голову, – … ну, хули, тогда тренируйтесь кошек доить. И жрите кошерных гусей. Других вариантов для Вас не вижу, Ролик, разве что обратно к Христу податься.

*

На следующий день мы приступили к рытью котлована. Для будущего "джокервиля" было выбрано место на возвышенности, у моря, хорошо просматриваемое и с сухими глинистыми грунтами. Круговой обзор позволял в будущем удерживать редут от нашествия "чужих" с минимальными потерями. Так объяснил Ролик. За небольшую плату Вениамин арендовал экскаватор и к вечеру Витька профессионально (тракторист третьего разряда, как никак) выбрал около восьмидесяти кубов земли. Правда, иногда он так близко подъезжал к обрыву, что порой мне казалось,будто он сейчас соскользнет вниз в пенное море и нам придется дальше рыть вручную. Но Витя благополучно извлек грунт и в результате получился отличный котлован размером четыре на четыре метра и глубиной в два человеческих роста. Не теряя времени, мы сразу подготовили щебневую подушку и Йончи принялся выставлять маяки для железобетонного основания. Деревянные щиты, сложенные у бани, должны были послужить опалубкой. Арматуры было достаточно, чтобы надежно укрепить стены бункера и безбоязненно пережить атаку алиенов-содомитов: после военнослужащих остались какие то ржавые решетки, стальные трубы и огромные бухты стального троса. Йончик намеревался сплести все это в жесткий каркас и залить бетоном. Двенадцать тонн свежего цемента было уже припрятано Вениамином в надежном месте. Еще где то было заныкано около двухсот квадратов качественной итальянской плитки, предназначенной для внутренней отделки джокервиля и около пятидесяти мешков плиточного клея. Стройматериалы приходилось прятать, потому что по ферме шастали вороватые бомжи и по ночам крали все, что можно утащить. Так, вначале Веник установил мощные прожектора и звуковую сигнализацию. Но опытные воры сперли всю эту светотехнику в первую ночь.

Тогда Веник приобрел трех дрессированых сторожевых овчарок. Их украли через три дня. Вместе с вольером и мисками для еды. Подсчитав потери, Вениамин решил больше не тратиться на охранные системы и применил другую методику. Он оставлял все на виду, но в таком положении, что унести это можно было лишь приложив нечеловеческие усилия. Например, арматуру и стальные трубы он сложил одним торцом к каменной стене, а другую сторону присыпал двумя машинами гравия. И так как ворам теперь требовалось либо разбирать каменную кладку, либо всю ночь разгребать гравий, арматура лежала уже год в целости и сохранности. Теперь Йончик с Витькой опускали ее в опалубку. При сухой погоде мы намеревались закончить "гнездо параноика" недели за две, не более. Если, конечно, этот ходячий щекотатель мозга, Витек не умудрится отморозить какой нибудь цирковой номер. А за этим я следил строго: не спускал с него глаз, контроллировал каждое телодвижение и дыхание с тем, дабы в любой момент низвергнуть на него всеуничтожающий экстерминатус моей ярости. Ибо знал – пару секунд витиной бурной деятельности подобны гамма-всплеску Вселенной и смене полюсов планеты – могут стоить многих лет упорного коллективного труда и вообще, вылиться в тот самый "Белый и Пушистый", которого страшился Ролик.

Тем временем Роланд разговорился с Вениамином и оказалось, что у них много общего. Как и следовало ожидать их роднил параноидальный ужас предстоящей "мегакатаклизмы человечества", навязчивая потребность регулярного запаса патронов и, естественно, шизофреническое раздвоение личности на сетевых форумах. Пока мы занимались земляными работами, Вениамин решил показать Ролику свои прошлогодние лесные заначки, но побродив по окрестным посадкам несколько часов, не нашел ни одной (видать их засосала Черная Дыра) и отправился делать новые. Ролик научил его прогрессивному методу сохранности продуктов и, запаяв в водопроводные пластиковые трубы несколько киллограммов прокаленной гречневой крупы, они вновь отправились в лес "делать нычку".

По возвращении Вениамин так проникся идеями сюрвивайла, что изъявил желание показать Ролику заброшенные дикие места, а именно, речушку Турунчук, текущую вдоль румынской границы. Заодно он хотел перенять у Ролика основы добычи и приготовления пищи в экстремальных условиях.

*

Не знаю сколько времени Вениамин шатался с Роландом по лесу, но этого вполне хватило, чтобы Йончи успел довольно

близко познакомиться с Зиной. Настолько близко, что поцелуи и объятья уже остались позади и теперь Зинаида ходила за Йонасом как лунатик: с широко открытыми глазами и преданно глядя ему в рот…Эх, жаль, Творец не наделил меня волшебным даром словосплетений. Иначе, родись писателем, я непременно отразил бы их влюбленность так, как отражает себя молодая луна на глади черных вод – изливая свой нежный свет и растворяясь в глубине таинственных первоначал. Так трогательно и проникновенно слились в один сосуд познания их трепетные души. Сияли бриллиантами влюбленные глаза и рос бутон любви навстречу дикой страсти. Словно сказочные Лейла и Меджнун горели они безудержным огнем желания под синим шелковистым небом и и птицы падали на землю замерев от столь невиданной любви… Но, к сожалению, Создатель не вложил в меня редчайший дар повествованья, поэтому скажу Вам просто: вдвоем им было хорошо и лишь внезапная смерть могла их разлучить… Или неожиданные неприятности. А неприятностей хватало – как я не следил за Витькой, этот малаферический подонок, упырь и выпердыш из жопы Ктулху все же умудрился накосячить. Сначала он скормил кролям припасенные на весну посевы, которые прислал из Австрии Вениамину известный дауншифтинг.

– Так мог бы этот даун Шифтинг нашкрябять на упаковке, - оправдывался Витька,- "Кролям не жрать! Посевы сельдерея."… а то, чуть что – я снова виноват… Нет, шеф, ты бурю не гони. Кроли не сдохнут – жрали с аппетитом.

– Так ясный-красный, что кроли не сдохнут. Посевы сдохли! Нечем засевать! Бля-я-я…, Витя, я стремительно худею… За полчаса скормить три штуки баксов вонючим зайцам. Виктор, ты дебил! Нет. Имбецил, дорвавшийся до фермы. Асоциальный трудоголик-идиот!… Ты, прежде чем кормить кого то, осел, меня спроси и руками ничего не трогай! Иначе я тебя на части раскрою и закатаю в вакуум с названием "Паштет бараний"! Мини-расфасовка.

Помимо этого расстройства, нас ждал еще один "сюрприз": кроли, которых сдали в магазин, вдруг резко скисли прямо в упаковке. Их на машине привезла обратно Зинка и теперь с трагическим лицом выбрасывала прямо на траву. Две тонны кроликов горой лежали на пороге бани и вид у них был явно неприглядный. Из них сочилось вещество неясного происхождения и явно ухудшало товарный вид продукта. Пропала куча диетического мяса, убытки были велики и устройство джокервиля становилось под угрозу. Я был расстроен, Зинка запаниковала, а Йончик только пожимал плечами… Однако, как

ни странно, плачевную ситуацию вдруг выпрямил подсобник-Витя. Невероятно, но блуждающие токи в его башке вдруг произвели на свет спасительную мысль. Он вскрыл один пакет, макнул свой палец в слизь, лизнул и заявил:

– Вполне съедобно. Надо только малость подшаманить. У нас, шеф, вот такая хренотень с куриными окорочками в Росвигово произошла. Полтонны чуть не сгнило. Все оттого, что мясо, прежде чем в вакуум катать, нужно было хорошенько остудить. А Вы, Зинуха, небось их свежаком запаковали? Эх Вы, детишки-переростки,… учитесь у профессионалов… Марганцовка есть на ферме? И где там Ваши офигенные стиральные машины?

– Витюха, тварь с нераздвоенными копытами, не вздумай накосячить!

– Все будет джуки-пуки, шеф. Ты же меня знаешь…

Стиральная машина – наследство от солдат – имела вид довольно ненадежный: стояла косо и сбоку свисала куча проводов. Но Витька, зажав в зубах отвертку, залез вовнутрь, там что то подкрутил, негромко матюкнулся и машинка дернулась. Скрипнул барабан. Тут у меня мелькнула шальная мысль нажать на кнопку, пока Витюха не вылез из нее наружу, а получившийся паштет из Вити оформить как несчастный случай. Моя рука сама потянулась к кнопке "Пуск" и я, скорей всего, использовал бы этот шанс избавиться от Витьки навсегда, но он, подлец вдруг выпрыгнул из бака.

– Вот это техника – лет тридцать, а еще живая! Осталось порошок достать или немного мыла.- Витек старался, потому что Зинка намекнула, мол, в случае спасения кролей папаша его щедро наградит. – Сейчас мы, шеф, всех зайцев постираем, а заодно, машинка будет на ходу…

– Ну-ну, Витюха, решил одним выстрелом двух кроликов убить? – я ухмыльнулся.

– А хули там! – Витька радостно потер руки и подергал провода на передней панели, – Я такой! Не люблю дважды в одном направлении бегать. Правда, иногда проколы бывают… Вот, недавно Нинка меня послала выбросить пакет с рыбьими потрохами. Я с утра мешок рыбы начистил, вонючих кишок целый кулек насобирался. Ну, я его в черный целофан завернул, чтобы не воняло и пошел на мусорку. По дороге на почту зашел, Нинка заставила квитанцию оплатить, мол, все равно по пути… Ну, я к кассе подошел, хочу платить, а у меня, шеф, всего три гривны не хватает… Эта очкастая крыса за стеклом взъерепенилась: "Если не оплатите сегодня, отключим телефон!" Я плюнул и ушел. И так расстроился, что пакет с потрохами возле кассы забыл… Прихожу

на мусорку – чего то не хватает… руки пустые,… ага, бляха-муха, кулек с рыбьими кишками пропал. Я назад, на почту. Прихожу, а там… – Витька соединил провода, машинка скрипнула и с диким визгом стала набирать обороты. Из за страшного гула я ничего не мог разобрать и лишь угадывал некоторые слова, вылетающие изо рта. Витя, несмотря на шум, продолжал увлеченно рассказывать и я читал по его губам: "оцепили… толпа… терракт… эвакуировали… точечный взрыв… арбузные корки…"- Затем машинка остановилась и Витя опять стал слышен: – …их прямо через окна! Прикинь, шеф, потом целый месяц рыбьи внутренности от потолка отдирали. А в отделении стояла такая вонь, будто почтальонши полгода не подмывались. Пришлось почту на ремонт закрыть. Потом пацаны рассказывали что пиротехник попался молодой, с зарядом переборщил. Хотя, я думаю, что они эту требуху недостаточно плотно мешками с песком обложили… Да, ну а где там мыло?

Все моющие средства находились на чердаке. И Витя, напустив воды в машинку, полез по лестнице наверх. На чердаке царил хаос. Модель БП в уменьшенном масштабе. Похоже, отступая с бани, советские войска поспешно бросили весь банный арсенал, который начальник прачечной годами собирал. Повсюду валялись мятые тазы, противогазы, рваные матрасы в пятнах и без пятен. Облепленные паутиной раскладушки собой являли то ли баррикады, то ли строения из металлических каркасов. Рулоны ткани и брезента нагромождались друг на друга и поднимали пыльный столб при первом же касании руки. Здесь было все: три старых самовара, утюг без провода, рваная палатка и куски чего то, похожие на резиновую лодку. Два деревянных крашеных весла, сломаные лыжи и рама от велосипеда лежали вперемешку с сапогами. Я уверен, что за какой то древней балкой там спрятана была и лампа Алладина… В одном из темных мест, пройдя по лабиринту ящиков и бочек, Витюха обнаружил несколько мешков со старым высохшим хозяйственным мылом. Не долго думая он перекинул один мешок через плечо и, захватив подмышку старую гладильную доску, спустился вниз.

– А доску ты какого хрена притащил? – я недоумевал, -Ты че, Витюха, кроликов собрался гладить?

– Да понимаешь, шеф, тут такая клизма…, -Витька почему то сник и потускнел, – Мне как раз домой доска нужна. Меня перед отъездом Нинка в магазин отправила купить в квартиру новую гладильную доску. Ну, я, как честный муж, купил доску. Бабло не пропил, зуб даю… иду домой и вижу: пацаны в футбол гоняют во дворе. Ну, бляха, кто же так играет! Не бегают, а ходят как

парализованые овцы, копыта от земли не отрывают! Лемуры полудохлые, упавшие в кисель… Ну я им показал, засранцам, как надо торпедировать по полю. Включил форсаж, удар, перепасовка… Гол!!! Но, что обидно, когда я мяч загнал тому козлу в ворота, упал на левый бок, разбил свой нос и доску поломал. Ту самую, что купил для Нинки в магазине. Я ж с доскою бегал. Хули, выпускать из рук нельзя… Ну, пацаны прониклись моим горем, налили пива и домой я пришел уже слегка нетрезвый. . К тому же без доски, без денег и с разбитым носом. И что обидно, Нинке рассказал всю правду, а она не верит. Говорит : -Пропил, зараза!.. Короче, спорить с Нинкой бесполезно, а лучше привезти в подарок доску.

С этими словами он принялся вскрывать кролей из целлофана и бросать в стиральную машину. Сложив в барабан первую партию мяса он высыпал туда щепотку марганцовки, кинул кусок мыла и напустил воды.

– Все, ждите чуда, прихожане, – заявил Витюха и, лежа на диване, откупорил себе бутылку пива , – постирается кроличье филе – загружайте вторую порцию. И можете меня сегодня не тревожить, че то я устал от Вас безмерно…

Мы с Йончиком реально припупели: действительно, решение простое как якутский бубен, но допереть смог только полоумный Витя . Примерно каждый час Йончик с Зинкой грузили скользким мясом круглый бак и к утру все кролики были как новорожденные – сияли чистотой и пахли ароматно. Для запаха в машинку Витя капнул немножечко эссенции лаванды и добавил чуть-чуть зинкиного шампуня для волос. Старая армейская машина яростно крутила барабан и белая кроличья слизь липкой лентой сливалась в дренажный лоток в полу перед стиралкой. Туда же спущена была и розовая от марганцовки вода. Так за ночь мы избавили кролей от скользких и гнилых соплей. Однако, внутренний голос мне шептал, что не может все пройти так гладко и Витя где то напортачил. Но где? Я этого не мог понять, хоть тресни.

*

У нас крутился барабан, лилась в отстойник розовая жижа, а Ролик в это время выживал на приграничной речке Турунчук. С Вениамином он туда добрался на старенькой расшатаной "буханке". Отметившись у патруля на КПП, они заехали поглубже от румынских сел и расположились на прибрежной кромке. Совсем неподалеку от нейтральной полосы. Там первым делом Вениамин при помощи огнива развел огонь, установил навес и стал готовить снасти для поимки рыбы. А Ролик, имея за плечами

беркемовскую школу, отправился прощупать местность и расставить силки на лесных зверушек. Еду они с собой не брали принципиально – мужчины собирались выживать, а не играться в детские бирюльки. В камуфлированной куртке и без бровей Роланд вид имел весьма бойцовский. Брови и ресницы он потерял буквально полчаса назад – с размаху бросил в костер трухлявый пень. Пыльная труха, словно свежий порох, воспламенилась вверх и сожгла на Ролике все волосы. Не верите – попробуйте бросить в огонь трухлявое бревно – очень эффективный метод моментально избавиться от всей растительности на голове.

Неторопливо Ролик двигался вдоль берега узкой речушки, пытаясь подобрать какую либо живность. Но была ранняя весна и, несмотря на солнечный день, лягушки и пиявки еще пребывали в спячке. Продвинувшись вверх по течению около километра, выживающий куллинар подобрал дохлую птичку, положил ее в карман и вскоре уперся в большое сухое дерево, лежащее поперек реки. Ролик осторожно ступил на ствол и сразу увидел то, ради чего он проделал свой длинный путь: напротив, на другом берегу Турунчука, буквально в нескольких шагах чернела свежевспаханная полоса мокрой земли. В ней отчетливо были видны большие вкусные дождевые черви. По чернозему бродили румынские вороны и неторопливо заглатывали шевелящееся мясо. Как раз в своей последней интернет-статье Роланд подробно описывал способ, которым червей можно было использовать в качестве зажарки во время приготовления пищи. "Если Вам удалось поймать ежика, – писал экстремальный повар в своем сообщении, – первым делом обдайте его кипятком, чтобы легче было снять колючки. Затем, стянув кожу как чулок, аккуратно выпустите из тушки внутренности при этом старайтесь не раздавить желчный пузырь. Выбросите кишечник, предварительно высосав оттуда содержимое. Внутрь тушки вложите мяту, смешанную с порубленным сердцем, легкими и печенью. Желательно добавить куркуму и перец. За неимением масла, жарить ежика будем на дождевых червях: они достаточно жирны и содержат в себе много полезных веществ. Хорошо червей подержать сутки в песке, дабы очистить пищевод, но можно и просто выдавить коричневую слизь пальцами. Жарим медленно, посыпая золой вместо соли. Двадцать минут и Ваш обед готов. Если Вам удалось поймать новорожденного ежика, то рекомендую сварить его в кошачьем молоке и есть прямо с колючками…" Таким же методом Ролик собирался употребить умершую птичку, но, не имея сковородки, планировал запечь ее с червяками в глине.

Без колебаний , словно во сне, Ролик двинулся по стволу дерева, осторожно переставляя ноги и держась руками за хрупкие ветки. Рискуя соскользнуть в холодную воду, он все же преодолел опасный участок и теперь ему оставалось лишь пройти пару шагов до заветной цели. Однако, как назло, дерево упало прямо на куст колючей ежевики и обойти его не было никакой возможности – внизу блестела кромка воды. Роланд осторожно ступил вперед, бережно отводя в сторону длинные хлысты с острыми шипами. И все бы было хорошо если б одна небольшая колючка все же не зацепилась за шеврон на рукаве куртки. Ролик дернулся и хлыст крепче впился в красный квадрат с надписью "151". Балансируя на одной ноге, Ролик попробовал было развернуться в обратную сторону, но ветви ежевики, словно живые, протянулись к нему и крепко уцепились за воротник. Ролик слегка запаниковал, крутанулся, клацнул зубами и боднул головой в сторону черной пашни. Цепкие хлысты обвились плотней и к ним добавились колючки растущего рядом шиповника. Ролик разозлился, зарычал и стал крутиться изо всех сил, в надежде вырваться из страшных вегетативных объятий, но с каждой попыткой он еще сильнее наматывал на себя паутину растений и вскоре стал похож на огромный кокон с гусеницей, впавшей в зимнюю спячку. Он еще разок взбрыкнул, но бесполезно. Ноги Ролика соскользнули вниз, руки были плотно прижаты к туловищу и он, отчетливо понимая, что выбраться из западни ему уже не удастся, дотянулся зубами до шоколадного батончика, зашитого в воротник, раскусил его и стал сосать через ткань, чем уподобился плотно запеленованому младенцу. Так его и обнаружили румынские пограничники – в образе висящей над водой личинки с коричневым воротником в зубах и закрытыми глазами без ресниц.

*

Солнце еще не взошло, поэтому в кабинете румынского офицера царили сумерки. Лишь свет зеленой лампы освещал бледное, в угольных пятнах, лицо Ролика, жадно поглощающего горячий бульон прямо из термоса. Впрочем, куриный суп офицерская жена готовила не для Роланда, ну да что уж теперь… Румынский военнослужащий не хотел ударить в грязь лицом перед украинским оппонентом, отдал ему свой завтрак и теперь внимательно следил как "украинский шпион" обсасывает косточки. А в том, что Ролик именно разведчик у начальника румынского погранотряда сомнений не было: многопредметный нож с компасом, магниевое кресало, подробная карта местности и непромокаемая капсула с каким то желтым порошком ясно

указывали на то, что в руки военным попался необычный нарушитель. Кроме вышеперечисленного на деревянном столе лежала дохлая птичка неизвестной породы и большой целлофановый пакет с изъятыми вещами. "А может это Эдик?,- офицер выдвинул ящик стола и глянул на лежащую там фотографию симпатичного парня. – Решил в Молдавию пробраться, отомстить кишиневскому прокурору? – при мысли "отомстить" у румына набухли соски… – Нет, не Эдик… У этого глаза умные и ногти чистые. На гастарбайтера не похож. И нервы стальные. Сразу видна спецподготовка".

– Так с какой целью Вы пересекли границу Румынии? – деликатно спросил он Ролика. Офицер когда то проходил курсы подготовки в Москве, свободно говорил по русски и, вообще, был полиглот. -Что Вас привело в наши края? Неужели Вы сбились с туристического маршрута?

Безбровый Ролик не реагировал: он закончил кушать бульон и теперь его клонило в сон. Общаться "разведчик" не спешил, так как понимал, что каждое оброненное слово может быть превратно истолковано не в его пользу. Теперь он развалился на стуле и с суфийским спокойствием выковыривал из зубов остатки вареной курицы. Румынский офицер сглотнул слюну и начал злиться. " Сожрал мой завтрак и молчит, негодяй… Может его Сильве передать?.. Хотя нет. После того, как она допросила с пристрастием двух вьетнамцев, до сих пор от этих хошиминов отбоя нет. Лезут через кордон как тараканы. И все в мою смену. Лучше без Сильвы продолжим." Офицер сунул руку в пакет и выудил оттуда овальную алюминиевую пластинку с глубокой гравировкой:

Kam. Roland Kraus.bt.AIII Rh+.
Unterteilung Guns151.
N50°33'39" SW9"37'27.

Офицер похолодел: "Вот тебе и доигрались с хохлами. Наемных штурмовиков шлют. Кто же это?… Украинские неоэкстремисты-смертники? Галицкие бойцы УНА-УНСО? Или батальонные волки "Нахтигаль"?… А может?…"- румынский пограничник осторожно извлек из пакета маленькую зеленую книжечку, покрытую изящной арабской вязью, и чуть не лишился чувств – "Вот тебе, мама дорогая… Неужто фанатики-ваххабиты насаждают арийский талибан. Или воинствующие исламисты решили пошатнуть устои европейской морали?…" – румыну стало дурно и он начал обмахивать свое лицо фотографией Эдика.

Основы научной политологии рушились на глазах и неожиданно рисовалась совершенно новая картина Евросоюза. С мечетями над Бундесвером и причитающими муэдзинами на Эйфелевой башне. Перед глазами промелькнула Анхела Меркель в парандже и коврики для намаза в брюссельском парламенте, заполненные депутатами в тюбетейках… Солнце, восставшее на востоке, бросило первый кровавый луч на стол начальника румынского погранотряда.

– Сержант Нягу! – собрав остатки воли в кулак, крикнул офицер, – Порошок на анализ, задержанного под конвой. Пробейте все данные об этом экземпляре. Результаты экспертизы немедленно в Бухарест. И еще, … дайте ему теплое одеяло, – он протянул вошедшему солдату капсулу и алюминиевый жетон. "Похоже, одичавшая Украина готовит серьезное вторжение в католический мир при помощи наемников-мусульман… Дался им этот остров Змеиный и Карпатский перешеек… Мда, пора учить арабский, черт подери…" – подумал офицер и принялся писать рапорт о задержании "небывалого шпиона".

*

Пошло три дня с отъезда наших "сюрвивайлов", а они не возвращались. И я, по правде говоря, стал немного переживать за Ролика и Вениамина. Все таки антагонизм мировоззрений и длительное отсутствие пищи… Они без еды, как и любые мужики, агрессивными могут стать, еще до каннибализма дойдет… Впрочем, Вениамин только кошерной кролятиной и гусями питается, а Ролик к ним никак не относится. Жрет все, что шевелится и жует, все что растет, экстремал домотканный. Особенно баранину любит… Баранину?! Чего то я в этом месте за Веника запереживал еще больше.

– Слышь, Витька, а этот твой школьный повар, он пацан нормальный? Ты за ним странных завихрений не замечал?- крикнул я Витьке в котлован.- Че то задержался он там на Турунчуке! Как бы не пропал.

– Да, он экспериментатор еще тот. Как открыл рыбный ресторан, у него сплошное шах-наме в котелке – ответил Витюха, стягивая опалубку проволокой, – еще во втором классе он облеплял песком собачьи какашки, заворачивал в конфетную обертку и дарил девочкам. Некоторые кушали… К тому же, заметь, шеф, у него левая рука всегда в кармане штанов. Это подозрительно. Первый признак маниакальной депрессии.

– Витюха, гад, если твой маньяк-однокласник сгинет без вести – ты будешь отвечать…

– Да ладно, шеф, у меня таких друзей половина школы…

Хочешь, я тебе Колю-кришнаита привезу? Он, бля, как лошадь – одни яблоки и жрет. Травоядный.

– Нет, не надо,Витя. Пусть твои школьные друзья траву щипают дома… И хватит трындеть – опалубку поставишь косо – уволю!

Опалубка стояла в котловане, тросы были сплетены в надежный стальной каркас и предстояло залить бетоном мощные стены джокервиля. Песок был высыпан неподалеку и оставалось лишь подавать его с цементом в бетономешелку. Но проблема была в том, что никто, включая Зинку, не знал где Веник спрятал свой цемент. И спрятал хорошо. Не только воры и бомжи не могли его украсть, но и мы, излазив вдоль и поперек все ферму не обнаружили нигде намека на двеннадцать тонн цемента. Он провалился как сквозь землю…

– Сквозь землю!- вдруг закричала Зинка.- Я знаю где цемент! Ну как я сразу не догадалась… У нас же сзади бани устроен под землей большой отстойник. Его еще военные забетонировали для фильтровки сточных вод. По санитарным нормам так необходимо. Он там припрятан, больше негде… Вот я дура!!

Мы ринулись за баню и, действительно, под старым трактором увидели в земле большой люк, закрытый рубероидом. Витька отогнал трактор в сторону, мы отодвинули металлическую крышку и нашим глазам предстало удивительное зрелище: двенадцать тонн прекрасного цемента были покрыты тонкой розовой пенкой. Нежной пенкой от тех самых кролей, которых Витька постирал в машинке. Под двухметровым слоем мокрого цемента навеки с миром упокоилось двести ящиков прочной итальянской плитки и пятьдесят мешков качественного клея. Я пальцем постучал по серой поверхности цемента:

– Прекрасный саркофаг, друзья. Бетонный куб весом в тридцать тонн. Ты, Витя, безумный гений. Осталось лишь тебя слепить из гипса с дохлым кроликом на руках и гладильной доской подмышкой. Изготовить в масштабе четыре к одному, укрепить на этом постаменте и потомство получит замечательный памятник человеческому долбоэпизму. А наши правнуки, обнаружив через тыщщу лет под этим кубом полированую плитку с изящной позолотой будут долго ломать голову над тем, какая же страшная катастрофа здесь произошла… Нужно лишь подождать двадцать восемь дней, пока бетон не наберет прочность.

Витька улыбнулся и развел руками. Йончи плюнул в землю.

– Да ладно Вам, -засмеялась Зинка и утерла слезы, – мой папа такой веселый человек! Он любит юмор и оценит эту шутку. К

тому же завтра -Первое Апреля.

С этими словами она вынула у Йончика из за уха острый карандаш и нацарапала прямо на цементе:

С Первым Апреля, папочка!
Твоя Зинуля.

*

Домой мы возвращались на машине: Вениамин оценил витькины усилия по спасению мертвых кроликов и в благодарность отдал ему армейскую "буханку". Правда, узнав, что при спасении кролей появился побочный эффект в виде саркофага из цемента, хотел машину отобрать назад. Но Зинка помешала. На совесть папе придавила, вспомнила тухлые яйца… короче, обошлось. Витя был счастлив:

– Во поперло, пацаны. Машина – зверь! – целовал он руль,- Я теперь похоронный бизнес развинчу по полной. Ритуальные услуги- это Вам не свадьбы с мордобоем. Клиенты спокойные, не нервничают. Капусту не жмут… Все росвиговские жмурики мои будут…, Ты это, шеф, если кого на кладбище пристроить надо, теперь ко мне обращайся – сделаю скидку. Тебя, вообще, могу бесплатно похорони…

– Спасибо, Витя. – я произнес, листая "Перевод Смыслов", который дал мне Ролик, – как помру, обязательно обращусь, ибо "…Мирская жизнь – всего лишь игра и потеха, а Последняя обитель – это настоящяя жизнь. "

– Сильно написано, – Витя стал серьезным, – надо бы почитать.

– Почитай, почитай. – отозвался Ролик,-Может еще получится вернуть тебя в цивилизованое общество. Недаром мусульмане считают лучшим из людей того, кто желает пролить свет Господа внутрь себя… Только руки сначала помой, засранец. Такими пальцами к Книге прикасаться грех.

Ролик ехал с нами. Брови и ресницы еще не выросли и потому он походил на воинствующего фанатика в обгорелой бандане. Роланда нам вернули после долгого выяснения странных обстоятельств его проникновения за нейтральную полосу. Сначала румынские власти связались с украинским командованием, видимо, в надежде совершить выгодный обмен или получить выкуп. Но украинцы, не долго думая, посоветовали румынам Ролика расстрелять по-тихому и тело прикопать на берегу Турунчука. Мол, у нас и так проблем полно, выборы на носу, министр в отпуске, а тут еще шпионы какие то… Тогда,

почуяв недоброе, Ролик заговорил. И заговорил по-немецки. Связались с германским посольством и, идентифицировав личность "разведчика", Ролика отпустили. Немецкий подданый, как никак. Теперь он колыхался рядом со мной на диване, который Витька привинтил к полу УАЗа и набирал на планшете текст:

"Камрад Беркем! Сегодня я прошел очередной этап выживания в сложных условиях. Местность пересеченная, с водными преградами. Умеренная климатическая зона. Рядом море. Территория идеально подходит для устройства тренировочного лагеря. С местными структурами контакт налажен. Набирай группу курсантов и готовь к отправке. Вас примет на базе камрад Вениамин. С уважением, Роланд."

Но "камрад Вениамин" после нашего отъезда несколько пересмотрел свои взгляды на концепцию выживания в Одессе. Он выкопал в лесу все свои заначки с гречневой крупой и теперь, лежа на диване у камина, жрал сладкие финики с курагой и смаковал красное закарпатское вино, привезенное ему в подарок. Накрывшись теплым пледом, он размышлял об открытии интернет-магазина по продаже противогазов, армейской обуви и камуфлированного белья. "Неплохо бы еще столкнуть этим "сюрвивайлам" оцинкованые тазы и пять мешков хозяйственного мыла…А весла куда?… эх, жалко лодка сгнила… продам в нагрузку к сапогам и флягам. Полевые ранцы и санитарные сумки столкну выживальщикам через "Ганзу". Если трафаретом набить "G151", разлетятся как горячие пирожки на ярмарке… Там еще две бухты телефонного кабеля завалялось и костюмы химзащиты… Отвезу на Седьмой километр. Надо же когда то расчистить этот чертов чердак!"- думал Веник. Джокервиль так и не сложился – вместо бункера молдавские работяги отлили Вениамину прекрасный бассейн с террасой. С просторной террасы открывался великолепный вид на Черное море. А как Вы думали? Надо же где то купаться его внукам? Касательно внуков сомнений у Веника не было – Йонас , по приезду на Закарпатье, моментально женился на Зинке и вскоре у них родился маленький кучерявый мальчик. Он появился на свет, был счастлив и не знал, что мир катится в бездну, близится Армагеддон и дорожает водка. Он просто жил и улыбался нам своим слюнявым ртом.

Yodli

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204041855

Секрет уникального клева

***фрагмент.

Мы ехали на ночную рыбалку. Ночную рыбалку на сома. Мы – это Йончи, я, Витек и Роланд. Блистала золотом роскошная осень, прозрачное небо уносилось стремительно вверх и к лицу прилипали паутинки. Было тепло. На сома мы собрались по двум веским причинам. Во первых, Роланд скучал и хотел поесть настоящей рыбьей ухи. Во вторых – Йончи был изумительный рыболов. Профессионал.

– Это ему по наследству передалось, – объяснял я Роланду пока мы тряслись в витькином катафалке. Витька нехотя согласился нас сопровождать да и то, лишь потому что любил горячую уху. Остальное Витя не любил. Ни рыбалку, ни реку, ни снасти. И тому была своя причина… – По наследству передалось. -продолжал я, – так же как и фамилия. Ты как думаешь, Ролик, почему у Витьки с Йончиком фамилия – Рыбалко?

– Почему?- заинтересованно спрашивал Роланд, – Что то потомственное?

– Угадал, Ролик!, – я потрепал его по плечу.- И не "что то", а офигенно-конкретно "потомственное". Ты ведь помнишь, еще в школе Витюхина мамаша вечно рыбой на рынке торговала?

– Ну да,- Ролик поморщился, – от него вечно рыбьим жиром воняло. И шелуха из карманов сыпалась…

– Так вот, рыбу добывал витькин отец, Филип Михалыч. И что

поразительно, добывал всегда много и регулярно. Все окрестные рыбаки с ума сходили когда он под вечер шел домой с полной сумкой свежей рыбы. Было определенно ясно, что Михалыч владеет какой то древней рыболовной тайной, но выявить ее было невозможно. Рыбаки бились в истерике. Следили за каждым его шагом, копировали снасти, пробовали опарышей на вкус – ничего не помогало… Витькин батя повесит на балкон дохлую курицу, опарышей в песок собирает, завтра пол района уже увешено дохлыми курицами. Повесит Михалыч утку – на всех балконах дохлые утки висят. Личинки падали в песок килограммами, вонь стояла на все Росвигово, искались лучшие снасти, на блесна резались серебрянные портсигары – ан нет! У Филип Михалыча судак берет, а остальные с пустыми руками. Ровно в шесть вечера – мешок рыбы, а утром маман уже на базаре. Катастрофа. И главное, никто не мог расколоть батин секрет… Оказывается, – сказал я таинственно и Ролик вытащил блокнот, собираясь что то там чиркать,- Собака была зарыта в трех котах. Да-да, Ролик, у семьи Рыбалко было на службе три кота. Коты были не породистые, дворовые, с простыми именами – Гриша, Коля и Толян. С фантазией у витькиного бати было не богато, поэтому он нарек животных именами коллег по цеху. Так вот, при надлежащем уходе и соответственном питании эти коты плодоносили прекрасными глистами. Причем, самых лучших глистов давал косоглазый Григорий. Глисты у него были упругие, сиреневые с красными прожилками. Жерех на них брал как сумасшедший. – Я глотнул пива, а Роланд почесал себе плечи,- Ну, не только жерех. Все брало, мирена, карп, лещ… Так брало, что Филип Михалыч пару раз чуть не сломал свою бамбуковую удочку. Другую удочку он не признавал и ловил удочкой, доставшейся ему в наследство от Мих Борисыча, витькиного деда. А чтобы его не раскусили конкуренты-рыбаки, витин батя изготовил себе баночку с двойным дном. Сверху были обычные опарыши, а снизу, под дном, те самые волшебные глисты. Он брал незаметно мизинцем одного, раскусывал пополам и, если кто то рядом за ним наблюдал, вторую половинку проглатывал. Для конспирации. Хоронил тайну в себе, так сказать. Охреневшие рыбаки бесились от ярости, и в припадке ломали японские спиннинги – у них на те же опарыши рыба не берет, а Фильке прет одна за другой… Ну, там еще мамина заслуга была, она для насыщенного колорита кормила котов свеклой и капала каждому в рот перед сном немного яблочного уксуса. Тогда глисты выходили вовремя, были подвижные и с кислинкой. Видимо, рыба это ценила. И что интересно, срать эти коты любили только в витькины кеды. Убежден, что из манил тонкий аромат немытых

школьных ног. Только Витьке купили белые кеды – Гриша там уже наживку сбросил. Кеды вынесли на балкон, купили новые. Витька их спрятал на шкаф, но бесполезно – туда насрали Коля и Толян. Опять тряпичные контейнеры для сбора полезных паразитов вынесли на балкон. Третьими кедами Витька уже не рисковал, держал в холодильнике. Однако, потеря обуви была не самым трагичным эпизодом в витиной судьбе. В его обязанности входил своевременный сбор наживки из кошачьего кала. Каждый день, прийдя со школы, он выходил на балкон и ждал кошачьей дефекации. Затем, после кошачьих потуг, умело выковыривал предварительно пожеваной спичкой, извивающиеся драгоценности и складывал их в специальную консервную банку… Вот почему, Роланд, Витька стал котофобом, потерял нюх и невзлюбил животных… А свою неприязнь Витька выплескивал своеобразно. Так как физического насилия над питомцами не допускала маман, то Витька отрывался над котами иначе. Вечером, когда отец приносил рыбу, Витюха садился потрошить ее на балконе. Садился сам, без лишних просьб. Ибо это был его звездный час. Гриша, Коля и Толян ходили судорожной походкой вокруг злорадно улыбающегося Виктора, терлись о его ноги, нюхали рыбьи потроха, лизали рыбью чешую и всем своим видом говорили: -Витенька, дорогой, ну кинь хоть одну рыбью голову. Мы больше не будем срать в твои кеды… Витя ничего не кидал, отпихивал котов ногой и коты мерзко мявчали на весь микрорайон. И продолжали срать в кеды. Так продолжалось бы долго, если б в один несчастный день Григорий не пропал. Он в очередной раз ходил кругами вокруг Витьки, у которого руки были по локоть в вонючей рыбьей требухе, страстно умолял на своем кошачьем языке кинуть ему рыбий хвост и вдруг, в какой то момент, похоже, потерял рассудок: схватил зубами, тварь косоглазая, самую красивую рыбеху и сиганул с ней со второго этажа в кусты сирени. Коля и Толян попробовали было поддержать попытку переворота, схватили по мирене, но Витька ловко поймал обоих бунтовщиков за хвосты уже в воздухе. Так и принес мятежников с рыбой в зубах на кухню маман. Котов простили, но Гриша не вернулся. К тому же, от пережитого стресса у оставшихся доноров пропали бесценные глисты. Семья Рыбалко была в панике: продавать на рынке было нечего, батя запил, коты разбежались. Маман потеряла торговый лоток. Филип Михалыч пробовал было вырастить наживку в себе, но от алкоголя глисты были вялые и мелкие, быстро дохли и рыба не брала. Так умерла уникальная тайна и с ней великий семейный бизнес…

– Зато у меня появились новые кеды, -сказал Витя и выплюнул спичку в окно катафалка.

Мы уже съехали с трассы и заезжали через дамбу в лес. А доброньский лес, я Вам скажу, это те еще джунгли – лианы, заросли и грязи по колено. Пройти можно только на телеге или на хорошей резине. Такой, как у нашего катафалка. И, как бы в подтверждение моих слов, сразу у реки мы наткнулись на джип, доверху заляпаный грязью. Он надежно сидел на пузе и рядом на четвереньках ползали два перепачканых субъекта.

– Мужики, подтяните, – радостно пополз к нашей машине один. – со вчерашнего дня выбираемся.

– Я че, похож на мать Терезу?, – Витька глянул на себя в зеркало заднего вида и, свесившись в окно, добавил,- График у меня плотный, пацаны… Занят я!

– Полный бак топлива. -сказал первый.

– И ящик пива.- обреченно добавил второй.

– О, бля!, – Витька резко выскочил наружу, – так хули ерепениться, я всегда за помощь на дороге. Че там у вас?… Рулевые тяги вырвало… Вот она, современная техника… Ну че, пацаны, выгружайтесь, – обратился он к нам, – тут до речки рукой подать. У меня срочный бизнес. И не расслабляйтесь, вернусь, чтоб уха была уже готова.

Витька стал ковыряться под джипом, а мы повыкидывали вещи на серый песок. Кромка воды была совсем близко, поэтому Йончи сразу стал раскладывать снасти. До захода солнца он еще надеялся поймать на воблера пару щук. Я же взял лопату и собрался копать медведок. Не знаю как у Вас, но на Латорице ночные сомы хорошо идут на медведку. Роланд был оставлен на базе сторожить вещи, а чтобы он не скучал Йончи ткнул ему в руки небольшую удочку с малюсеньким крючком.

– Будешь уклеек ловить,- Йончи бросил в воду пару горстей приманки. – тут за час можно их ведро надергать.

– Мы, Ролик, пойдем по берегу, -обратился я к немецкому повару,- а ты тут постой на бережку. Мы через час-полтора вернемся. Только борщевик не трогай – от него можешь сильные ожоги получить. И синие ягодки не глотай – отравишься. А если прикоснешся к зеленой лягушке с тремя красными точками на спине – сразу беги к аптечке и коли адреналин в сердце. Иначе – кранты. Укусит шершень – жало отсоси, а если черная ящерица с желтыми…

– Короче, Роландо, не трогай ничего, а то подохнешь. И опарышей не ешь,- отозвался из под джипа Витек, – эт те не Германия, … Карпаты, йоханый карась…

Я с Йончиком разделся догола и стал намазывать себя сверху донизу липкой синей грязью из реки. Это старый надежный способ местных аборигенов спасти себя от солнечных ожогов и комаров. Роланд наблюдал за нами квадратными от ужаса глазами.

– Намажешься?, -протянул я ему кусок вонючей грязи.

– Данке шон…, – отшатнулся от меня Ролик так, если б я протянул ему рюмку с цианистым калием.

Мы с Йонасом натянули на серые тела трусы и пошли вниз вдоль реки. Оглянувшись, я увидел как Ролик снял с крючка первую рыбешку и бережно отпустил ее назад в воду. "Счастливый человек"- решил я и направился к дамбе копать медведок.

Тем временем Ролик неплохо освоился: он приловчился подсекать мелких уклеек и выдернул из воды их уже с десяток. Хотя, хер знает, может это была одна и та же рыбка, которую он пускал в воду. Правда, один раз Ролик зацепился крючком за тоненькую тростинку, торчавшую в двух шагах от берега. Подергал леску. Леска не отцеплялась и крючок залез еще глубже. Дернул еще. Бесполезно. Рвать снасти Роланду не позволяло тонкое строение души: как же рыбачить то дальше? Тогда он полностью обнажился, вокруг не было ни души, и медленно ступил в воду. Сделав первый шаг, он сразу погрузился по колено в вонючую грязь. Из воды побежали мелкие пузырьки. Запахло резко сероводородом. Стало щекотно ногам и он засмеялся. Выдернул ногу и шагнул еще – до крючка оставалось рукой подать, однако ноги по самые яйца увязли в густой жиже. Роланд попробовал было дернуться, но зря – тягучая суспензия держала крепко и при каждом лишнем движении затягивала глубже. Воды было по грудь. Вдруг Роланду стало очень скучно и неинтересно. Рядом проплыла некрупная змея. Почему то захотелось в Германию к Зинке и Ролик истошно, во весь голос, завопил… Когда угасло эхо его опять обняла тишина. Лишь на дереве стрекотала зеленая лягушка с тремя красными точками на спине. Вода в реке медленно прибывала, похоже в горах прошел дождь. Ролик не шевелился. На голову села перламутровая стрекоза и Роланд медленно впал в транс…

Часа через два, с медведками шуршащими в пеналах, я встретился с Йонасом под старым вязом. С пояса у Йончика свисала огромная щука. Нужно было торопиться до заката расставить закидушки на сома и мы поспешили к базе. Вернувшись назад я оторопел: в воде стоял пунцовый Ролик. Морда его обгорела от солнца, а спина была в огромных пятнах от

комариных укусов. Вода доходила до подбородка и, если бы не лежащая на берегу удочка, то Ролик мог бы стать фрагментом эпического настенного панно " Белорусские партизаны выбираются из немецкого кольца". Глаза его были полузакрыты, а на устах застыла блаженная улыбка… Крестьяне, приехавшие на повозке за речным песком имели счастье созерцать фантастическую картину: два синих существа извлекали из воды третье, пятнисто-красное, из задницы которого торчала крупная устрица, а с члена свисало несколько жирных пиявок. В довершение всего, щуку, оставленную в кустах на время спасения Ролика, разодрали в клочья сельские псы, а спиннинг скомуниздили подростки… Так что, пацаны, если бы не ящик пива, привезенный Витькой в полночь, рыбалку можно было бы назвать не очень удачной…

Ровно год спустя я с Йончиком и Витькой трясся в катафалке вдоль дамбы. Мы ехали "в ночную" на сома.

– А что, Витюха?, – спросил я подсобника, – не приехал этим летом твой школьный друг Роланд? Обиделся, что ли на нас?

– Да ты че, шеф! – воскликнул Витя, – Ролик до сих пор в восторге … Ему эта рыбалка резко на пользу пошла. Прикинь, вернулся домой и открыл рыбный ресторан на Рейне. Бабло ему поперло не по-детски… И, что интересно, перед этим он сразу усыновил трех котов. Назвал только по дурному: Веймар, Эргардт и Артур… Гы-ы-ы, Артур, бля… а хули, немцы, они такие долбойопы… Не мог просто Гришей назвать?

Yodli.

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204041848

Титановые шурупы

Сидим в колыбе у Патефона, вкушаем деликатесы закарпатской кухни. Я бутылочку красного божоле откупорил – сеанс дегустации готовлю. Геннадий нас блюдами всякими потчует, мол, национальный колорит: кнедлики с грибным соусом, пацалы в сметане, бограч-гуляш:

– С шурупами? -спрашиваю.

– Нет, традиционый. А что , уже с шурупами варят?

– Ну, это от ситуации зависит. Вот Витька, к примеру, меня в прошлом году таким богрячем накормил.

– Это как?

– Да очень просто. Приехал к Вите из Германии его школьный друг Роланд. Он в Германии шеф-поваром работает, так надумал у наших мадьяров пару рецептов национальной кухни перенять. С целью внедрения в ресторанное меню, типа, у немцев пищевой ассортимент скудный. Ну, Витька сразу ко мне, мол, шеф, помоги с культурной программой. Надо ведь заграничного гостя развлечь как то. А у нас ни оперы , ни балета, отдыхаем незатейливо: охота да рыбалка. Еще футбол у телевизора. Выбирай что хочешь.

– Ну, давай на охоту сходим, шеф. Венгерского богрча пожрем… Постреляем.

– Это я постреляю, Витя, а ты, если и пойдешь со мной, то разве что рюкзак с зайцами носить. Ружье я тебе не доверю.

– Ну хоть разок дашь стрельнуть? После охоты.

– Разок дам, если не начудишь чего…

В воскресенье я заехал за Витькой с Роландом. Они еще пса какого то зацепили. Причем, псина неустановленной породы. Я когда то "Теорию Происхождения Видов" читал, но данный пес в нее не вписывался. Шмуцтерьер облезло-рыжий с серыми пятнами по туловищу и хвост белый. Лапы все неодинаковые. Моцартом зовут.

– Может Моцарта дома оставим? – Витьку спрашиваю, - Замерзнет на снегу.

– Нет, шеф, ему двигаться надо. Он после операции должен суставы разрабатывать, типа, реабилитационная программа.

– Что за операция?

– Да это Ролик пару лет назад на него случайно мотоциклом наехал и задние лапы повредил. А так как в Европе теперь модно собак лечить, то он его решил к жизни вернуть. За девять тысяч японский мотоцикл продал и за операцию кучу бабла немецким хирургам отвалил. Те его по косточкам собрали и даже в левую ногу титановую скобу на шурупах поставили. Спасли псину от хромоты. Теперь ему двигаться нужно.

Приехали в Дерцен, там наши мадьяры бригадой по кукурузе на фазана ходят. Среди них знакомый кузнец был, так к нему и пристроились. Пошли в первый квадрат. Этот Моцарт впереди всех скачет по кочкам так, будто ему пчела под хвост залетела.

– Что то он не похож на больного, – верчу головой за псиной. – Бегает как ужаленый.

– По свободе соскучился, – Роланд отвечает. – пусть побегает. В Германии негде, там только на поводке можно водить.

И что интересно, издалека этот Моцарт – вылитый заяц, только уши короткие. Наши гончие даже пару раз за ним погнали по ошибке. А тому хоть бы хны: летит как пуля впереди всех. Короче, охота не складывается абсолютно, собаки вместо того чтобы фазанов поднимать, Моцарта по кукурузе гоняют.

Кузнец не выдержал, говорит: – Пацаны, вы по полям со своей собакой погуляйте, а мы еще под лесом пару загонов сделаем.

Отсекли нас, короче, что бы мы им охоту не ломали. Побрели мы с Витькой и Роландом по равнине, красота вокруг неземная, глаз отдыхает. Ролик сзади по снегу плетется и что то про кулинарные рецепты бубнит, мол, повар он каких мало, может деликатес буквально из подножного корма изготовить. Витька из себя опытного следопыта изображает – то в стойку встанет глаза закатив, то к земле припадет – птичьи следы изучает. Вошел в

азарт подсобник. Я же, вообще, люблю на охоте побродить, поразмышлять о вечном и необъятном. Часто даже добычу из-за этого пропускаю… Вот и сейчас замыслился о строении вселенной, евклидовых пространствах и теории турбулентных потоков … тут Витька сзади:

– Шеф, дай стрельнуть, обещал ведь. Ты и так уже двух зайцев проморгал.

– Ну, раз обещал, так и быть, только осторожно… Кстати, где твой дружбан школьный подевался?

– Да-а-а… он пошел своего Моцарта ловить, тот куда то к мосту рванул:

– Держи, Витька, – даю ему ружье, сам за спиной на всякий случай спрятался, хер знает, что у него на уме. – Одного выстрела тебе хватит.

И, только собрался ему инструктаж провести, мол стрелять только по четко видимой цели, на людей не наводить, ладонь на срез ствола не ставить…, хрен там. Не успел даже рот приоткрыть – из кукурузы вдруг здоровенный такой зайчище как прыгнет, Витька, – бах! – и прямо в голову его положил.

– Ну ты снайпер, однако, – я аж офигел, – поздравляю, Виктор, с удачным выстрелом. Иди забирай трофей.

Витька к зайцу пошел и кричит:

– Шеф, иди глянь, заяц какой то неправильный. В ошейнике.

Я глянул и офигел еще больше:

– Это, Витя, – говорю,- не заяц. Это Моцарт, которого твой школьный друг Роланд у моста ищет. Тут даже на ошейнике табличка есть с надписью по немецки и номер телефона. Сейчас я позвоню.

– Подожди, шеф, не звони.- Витька взмолился. – что я другу скажу?

– Придумай легенду, мол, он на тебя напал, а ты защищался.

– Легенду?…, -Витька заметно взбодрился, – Легенда проста: потерялся Моцарт и все тут. Сейчас я его через канал вон в тот куст шиповника закину… Тут всего четыре метра будет. Пусть ищет, хрен найдет… Помоги раскачать, шеф.

– Еще чего. Всю жизнь мечтал дохлого пса на четыре метра кинуть. Это не мой вид спорта. Ты убил, ты и избавляйся от тела.

Витька пса за лапы взял. В правую руку – переднюю , в левую – заднюю лапу. Стал раскачивать. Я мысленно амплитуду просчитываю, похоже правильно качает – головой вперед полетит.

– А у тебя, Витек, хорошо получается,- смеюсь, – сразу видно почерк профессионала. Только бросай бережно. Японский мотоцикл как-никак.

– Мужики, вы тут Моцарта не видели…- это Роланд вдруг за спиной появился. – а что вы тут делаете…

Витька так на взмахе с Моцартом в руках и замер.

Будь Роланд не банальным кухарем, а живописцем или поэтом, непременно был бы очарован сложившейся композицией: волшебные синие горы, безмолвные белые поля, желтая стена кукурузы и на фоне этой красоты – возбужденный Витька с дохлым псом над головой.

– Понимаешь, Роли, тут такая клизма вышла… – Витька начал легенду развивать.

Но Роли живописцем не был, ничего понимать не хотел, и тем более слушать про клизму. Неожиданно выхватил ружье из моих рук и к витькиной башке приставил. Благо, я второй патрон в ствол не закладывал, иначе одним подсобником на Закарпатье стало бы меньше.

– Убью, падла!!!, – кричит немецкий гость русским матом, – да я всю душу в эту собаку вложил!

– И девять тысяч евро, – это я масла в огонь подливаю.

– Ролик, успокойся, – Витька осторожно пальцем ствол от виска двигает. – У нас тут таких моцартов – полдеревни. Я тебе щас с десяток притащу. Могу даже им задние ноги сломать. Пусть немецкие ветеринары опять тренируются. Титановые шурупы в собачьи кости ввинчивают.

– Я тебе в череп шурупы ввинчу, – Ролик зубами скрипнул.

– Ролик, ты только не нервничай, – Витька голубые глаза на ствол скосил, – от нервов заболеть можно. Вот у меня соседка, тетя Лида, тоже разнервничалась, когда от нее дядя Петя ушел. Так страдала, что к утру у нее настоящая борода выросла. Ты не поверишь, есть такая болезнь: у некоторых женщин от стресса начинает борода расти. Прикинь, подошла утром к зеркалу – а на лице борода. Теперь уж дяди Пети точно не видать. Ну, она по глупости ее сбрила, и зря. Доктор потом объяснил, что не надо было этого делать. А дядя Петя на следующий день вернулся.Оказывается он и не уходил совсем, а пошел в лес за грибами и заблудился. Но уже поздно, хули делать: тетя Лида с бородой теперь. Она ее поначалу брила, а потом перестала, оно и понятно – не женское это дело, бриться. Стала с бородой жить. Тетя Лида с бородой, дядя Петя с бородой: Так я этих соседей

через год перестал различать. Так и говорю теперь обоим -"Здравствуйте, тетя Лида"…

Не ясно, то ли вербальные технологии подействовали, то ли витькины глаза цвета адриатического моря, но Ролик вдруг обмяк, отдал мне ружье и отобрал у Витьки Моцарта.

– Похоронить надо, – Роланд ошейник с пса снимает, – все таки геройски погиб. На охоте.

– Кстати, Сальери, можешь расслабить сфинктер – ружье незаряжено. Повезло тебе…- успокаиваю Витьку.

Пошли к охотничьму домику место для могилки выбирать.

– Ты, Виктор – изощренный маньяк, – донимаю своего оруженосца по дороге. -Если до этого на тебе висела Линда, белая коза и еврейская курица, то теперь можешь еще и невинно убиенного Моцарта добавить. Кто будет следующим?…

Пока Роланд старой лопатой ковырял ямку за домиком, мадьяры уже костер развели, лука с перцем начистили, котелок с водой на огонь поставили и вовсю горланили венгерские песни. Красное вино, аккордеон и три убитых зайца были прекрасным завершением зимнего дня. Допрошеный Витька после короткого, но справедливого суда был приговорен к исправительным работам на кухне.

– Будешь зайцев потрошить, – кузнец ему свой кованый нож из инистого железа дает, – только не порежься. Он очень острый. Я им двух кабанов за раз ошкуриваю.

– Все будет джуки-пуки, пацаны. Я ж без пяти минут хирург.

Увидев Витьку с ножом, я решил не искушать судьбу и отправился за сарай помогать Ролику рыть могилку. Роланд с завидным упорством царапал мерзлый грунт и яростно чертыхался:

– Забрал бы дьявол этого Витьку-черта. Он, скоморох дешевый, со школы мне портит кровь. Если все его фокусы вспомнить, книгу можно написать… Теперь, мерзавец, Моцарта моего в могилу загнал.

– Да плюнь ты, Роланд, он ведь не специально, – оправдываю Витьку, – идем лучше горячего бограча покушаем. Рецепт себе зарисуешь… Успеем твою псину похоронить.

Роланд печально вздохнул, отложил лопату и направился к охотникам. Разделанные зайцы один за другим попадали в

кипящий котел и аромат прянностей щекотал ноздри. Витька при свете фар ловко ошкуривал последнего зайца.

Первый тост подняли не чокаясь. За упокой собачей души Моцарта. Слегка погрустили. Второй тост был за тех, кто еще жив, вопреки законам природы. При этом все почему то посмотрели на Витьку. Ну, третий традиционно – за любовь. После четвертого Ролик слегка повеселел и даже пытался напеть какую то тирольскую песенку. При этом все активно уплетали вкуснейший бограч-гуляш и жизнь становилась прекрасна…

– О! Похоже мне дробинка попалась, – вдруг радостно воскликнул Роланд.

– Это к счастью, – кузнец говорит, – ну ка дай гляну, что за калибр.

Взял, крутит в руках:

– Что то странная дробинка, – об штанину вытирает. – На шуруп смахивает. Причем, непростой шуруп. Легкий и крепкий, похоже на титановый сплав, я в металлах разбираюсь.

– Вы че, мужики, шурупы вместо дроби в патроны сыпете? – Витька смеется.

Но смеется как то неестественно, чересчур натянуто. Тут опять все на Витьку посмотрели, а я спрашиваю вкрадчивым голосом:

– Витюша, дружок, а ты куда мертвого Моцарта положил?

– Как куда, шеф, к зайцам: но там темно, сумерки, в темноте их хрен разберешь, а у меня куриная слепота…и нож острый…из инистого железа… я предупреждал…

В морозном воздухе повис терпкий запах мордобоя.

– Ах ты ж гнида!!!- вдруг кинулся на друга Ролик с миской через весь стол.

Никто его сдерживать почему то не стал.

Далее последовала некрасивая сцена, после которой я в корне изменил свои представления о немецкой методике воспитания. Роланд усердно колошматил Витьку миской по голове, мадьяры плевались, а меня слегка подташнивало.

– Если раньше, Виктор, меня интересовала ударная сила сопли при вылете из носовой пазухи, – я наблюдаю за процедурой насилия над подсобником, – то теперь меня занимает твоя способность столь длительное время оставаться в живых. Ты просто какой то мультипликационный персонаж, которого все

пытаются убить, но безрезультатно.

После сеанса целительных побоев к Вите ненадолго вернулся разум. Почесывая ушибы на голове, он изрек философскую мысль:

– Охота – жестокая штука…ну ее в пень… Может, шеф, на зимнюю рыбалку махнем. С ракетницы постреляем, я у бати возьму. Уху сварим. Я озеро хорошее знаю с крепким льдом.

– Видишь ли, Витя, я на пару секунд представил тебя на льду с ракетницей и ледорубом в руках и мне вдруг расхотелось рыбачить. Пожалуй, самым безопасным развлечением для тебя будет просмотр футбола по телевизору. Сегодня вечером "Карпаты" с "Металлургом" рубятся, полчаса до матча осталось. Если быстро доешь свой "хот-дог", то может быть успеешь.

– Так можете у меня посмотреть, – кузнец говорит, – я сейчас дочке позвоню, пусть антенну настроит.

А Моцарта мы все же похоронили, не целиком, конечно, только кости и шуруп. Остальное у охотников по организму рассосалось. Витька было открыл рот с целью озвучить одну идею, но я это пресек на корню. Кстати, мне в миске скоба титановая попалась и, что бы вы не подумали, что я вру, вот, смотрите: она у меня на ключах вместо брелка теперь.

– Ну, а че дальше то было, -Патефоныч титановый брелок изучает.

– А дальше было совсем зашибись, – отвечаю, – Поехал Витька с Роликом к кузнецу футбол смотреть. Кто выиграл я не знаю, да это и не важно… Кузнец с Витькой напились пива и поочереди стояли на воротах. Воротами послужил плазменный телевизор с большой диагональю, а мячом пивная бутылка. Роланд же сначала помогал кузнецовской дочери на чердаке антенну настраивать, а поутру был обнаружен абсолютно голым в ее кровати. Кузнец сначала вспылил, но Роланд, оказался человеком честным и благоразумным, поэтому сразу, не одевая трусов, попросил руки его дочери. Так и уехал в Германию Ролик с молодой невестой вместо собаки. А Витька был свидетелем на свадьбе. Так, Витюха?

– Истинная правда, шеф. Женили дурака…Так что, нам пожрать дадут?

***

(фрагмент)

Yodli

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204041838

Горы, баня и суровая старость Розалии Карловны

Над снежными Карпатами сияло ледяное солнце, а мы катились в катафалке на лыжный курорт Буковель. Мы – это я, Витек и Роланд. Мой верный Йончи остался дома с молодой женой, а Витька вполне мог справиться с работой, которую поручил нам Патефон. Работа была проста: установить подоконные плиты и затереть аккуратно швы на собраном камине. Камин был давно сложен в нужном месте, а именно в гостиной небольшого домика с рубленной банькой, оставалось лишь навести гламур. Ну, по наведению гламура мне нет равных. Тем более если рядом Витек… Для разнообразия Витька взял с собой лучшего школьного друга Роланда. Роланд тоже был не один – с ним передвигалась небольшая псина. Чувствуя угрызения совести после непредсказуемой гибели несчастного Моцарта Роланд усыновил, вернее удочерил некрупную собачку по имени Эльза.

– Настоящая китайская чихуа-хуа, – уверял Роланд, поднося собачку к самому Витькиному носу, будто тот мог различать породы по запаху.

– Не матюкайся, – говорил Витька и морщился. С собачками у него не складывалось. Собаки тоже плевать хотели на Витьку. Как правило, их встреча всегда заканчивалась печально и, конечно, не для Витьки. Балерина с домкратом смотрелась бы более

органично, чем Витька с собачкой… Но только не в этот раз. В этот раз, пацаны, скажу Вам прямо – собачка вернулась назад в Германию целой, невредимой и даже посвежевшей. И это благодяря мне. Предполагая последствия нежеланного контакта, я старался постоянно держать Эльзу и Витька на расстоянии, поэтому в машине мы ехали так: Витек за рулем, я посередине и Роланд справа с Эльзой в рюкзаке. В горах стоял крепкий мороз, поэтому на Эльзу был натянут изящный бирюзовый свитерок.

– И чего это Патефон забрался в такую глушь?, -ныл Витек крутя баранку, – какого лысого ему камин в горах приснился?

– Это он для любимой тещи старается, – объяснял я Витьке, – Лечебную избушку ей в горах построил, баню с процедурным кабинетом, ингаляционную камеру…. че там, бабла есть немеряно – можно повыеживаться.

А теща у Патефоныча была непростая. Суровая мадам с железной волей и несгибаемым авторитетом. Правда, здоровьем хилая. Но сердобольная. Очень любила зятя и очень о нем заботилась. Следила чтобы он держал вилку в левой руке, сморкал сопли в платочек и писял на унитазе сидя, чтобы ночевал дома и все честно украденое бабло приносил опять же домой. Чтобы ел, но не пил. Чтобы цвел, а не гнил. Спал, но не храпел. Срал, но не пер… ну, Вы поняли… Патефон от этой тещиной заботы не то, чтобы сильно страдал, но был в напряге. Здоровье у Розалии Карловны было слабое, а нервы у Патефоныча – крепкие. Он любил Ленку и потому терпел. Еще бы – у всех корешей были тещи как тещи. Непритязательные. Скромные. Понятливые. Быстренько состарились, покашляли и вовремя умерли. Эта же надумала неприлично долго хворать. Если у нее не болела печень, то у нее стреляло в ухе. Печень пришили новую, ухо продули. Если не щемило под лопаткой, то пощелкивало в локте. Под лопаткой помассировали, в локте поскребли. Если не тянуло в позвоночнике, то дергался глаз. Позвонок отрегулировали, глаз подшили. Ничего не помогало – теща интенсивно болела и хирела. Когда не болела, то хирела еще быстрей. Пока хирела успела оплакать трех мужей, кстати, умерли здоровыми, и двух племянников. Теперь собиралась замуж в четвертый раз, но после того, как разгрузила на даче шесть тонн бетона при помощи одного оцинкованого ведра совсем ослабла. К тому же у нее стало скрипеть в левой коленке. Патефон, благородный зять, продал ломбард и отправил тещу в Израль ремонтировать колено. Доктора-евреи поставили синтетический уплотнитель и смазали мениск, но нашли ожирение правого полушария мозга и инородные тела в деснах. В

коленке пропали скрипы, зато от морской воды у Розалии Карловны стало ломить суставы. Провели липосакцию мозга, десны имплантировали новые, в качестве бонуса нататуировали давно выпавшие брови, однако заменить все суставы современная медицина не решалась и Петифан понял, что если он скоропостижно не вылечит любимую тещу, то Розалия Карловна будет еще скрипеть, дергаться и щелкать лет эдак пятьдесят.

Тогда Патефоныч продал казино и автозаправку в городе и построил домик в горах. С баней и колыбой. В бане было все: процедурные кабинеты, позвоночные вытяжки и бальнеологические ванны. Грязь завозилась специально из Турции, вода из Баден-Бадена и специальные врачи из Америки. Те, которые лечили Майкла Джексона. Оставалось шлифануть мелочи и можно было переселять тещу. Вся надежда была на нас…

А нас на Буковели уже ждал Геннадий. У него были желтые зубы с черной канвой и толстые пальцы на правой руке. Левая находилась в гипсе. Геннадий был у Патефона одновременно и бухгалтер, и истопник, и сторож-менеджер. Параллельно он работал в местном пожарном депо инспектором по охране труда, но теперь был на больничном – Гена упал и сломал руку когда укреплял на стене инструкцию по технике безопасности . Свалился с табурета на огнетушитель.

Мы сбросили вещи в фойе и направились кушать. Стол в колыбе был уже заказан, оставалось выбрать блюда и Эльза на голубом поводке направилась с нами.

– Шо за порцкани крумпли,- поинтересовался Витек, листая твердое меню, – вкусно али нет?

– Это толченая картошка, – пояснил я Вите, – по французски "пюре" называется.

– Неси три порции, – оживился Витек,- мне, собакофилу этому и шефу – на меня показывает.

– Не-не, я не буду, – морщусь, -слишком экзотичное блюдо для меня.- Вон, мою порцию пусть Эльза кушает.

Принесли три тарелки, действительно, пюре, только с комками небольшими и прозрачная пенка по краю тарелки. Витька с Роландом принялись уплетать за обе щеки – проголодались с дороги. А я стал подкармливать хлебом Эльзу, которая расхаживала по колыбе, как у себя дома. Хлеб я макал в красное закарпатское вино.

– А что, Геннадий, – Роланд достал блокнотик и приготовился записывать новый рецепт, – нельзя было ваши <порцкани крумпли> нормально "пюре" назвать?Или это для

полноты фольклора?

– Фольклор – это одно, а у нас еще и аутентичность процесса соблюдена, – Геннадий хвастается, – раньше ведь как в селах было, на свадьбу или на поминки вся деревня сходилась, кто столы застилал, кто тарелки мыл, а беззубые старухи вареную картошку во рту переминали и в деревянную чашу порцкали сквозь десны. Древняя традиция, йоптеть. Так и у нас… Во-о-он видите, в окошке за баром старушка сидит? Это мама моя, она вам эти три тарелки и напорцкала, кушайте, пока теплое…

Эльза так заслушалась этим древним рецептом, даже хлеб перестала жевать, а Роланд с лавки вскочил, рот зажал руками и к выходу побежал, спотыкается. Чуть свою чиху-хую не раздавил.

Геннадий ржет как конь, лишь Витюше хоть бы хны: хавает и красные уши шевелятся, – Очень вкусное блюдо, -Витя губы хлебом вытирает,- мне такое мамка в детстве делала.

Подождали пока Ролик со свежего воздуха вернулся, Геннадий ему стаканчик вина красного нацедил:

– Хлебни, Роланд, оно кислотно-щелочной баланс стабилизирует.

Я собачку хлебом с картошкой кормлю и размышляю вслух:

– В принципе, пацаны, очень даже полезное блюдо эти "порцкани крумпли". Микрофлору кишечника укрепляет. Вот твоя мама, Геннадий, к своим семидесяти, поди, всеми болячками переболела? Так что, Витюша, она тебе свой иммунитет привила – никакая хворь уже не возьмет.

– Да я и раньше не болел, – Витя картошку вином запивает,- только ушибы и переломы бывали.

– Ну да, – Ролик отдышался, – при шизофрении ничего не беспокоит, можно годами не лечить.

Так, не торопясь, за познавательной беседой незаметно бутыль красного вина и выпили…

С утра пораньше мы отправились кататься на лыжах. Вы ж не думали, что мастер такой высокой квалификации, как Витя сразу кинется в позу креветки заполнять клеем в бане каминные швы. Витя приехал отдохнуть. А отдыхать Витя умел. Сочно, с размахом. И всегда бесплатно. Еще Витя умел классно кататься на лыжах, хотя, кто тут не умеет. У нас, на Закарпатье даже будущие мамы на сороковой неделе беременности катаются.А все мукачевские пацаны либо офигенные профи по слалому, либо непревзойденные инструктора по скоростному спуску. Особо хорошо научились спускать жен олигархов, пока те пьют водку в колыбе…. Спускают бережно, придерживая теплыми ладонями за

бедра.

Роланд, будучи давно не местным, лыжи не взял, а я с Витькой подобрал себе по отличной карвинговой паре. Витя выбрал слаломные палки и маску с двойным стеклом. Я надел шлем. Ролик тоже, на всякий случай, надел шлем и теперь аккуратно засовывал тепло одетую Эльзу в свой рюкзак. На лыжный подьемник собак не пускали. Засовывая, Роланд озабоченно ощупывал собачий живот, раздувшийся от вчерашней картошки. Собачонка поскуливала и отчаянно цеплялась маленькими черными коготками за борт рюкзака. Думала, видимо, что ее ждет какая то экзекуция.

– На хуа тебе эта чичи-хуа? -удивлялся Витька, ковыряясь в ухе лыжной палкой, – еще раздавишь случайно.

– Не раздавлю. – отвечал Ролик, затягивая шнуровку, – я ее спереди прицеплю.

Эльза высунула мокрый носик в узкую щель рюкзака и тихо покашливала. У нее была какая то импортная болячка в легких. Я тем временем заполнял свой новый гидропак фричем. Фрич, пацаны, это такой классный напиток, который пьют немцы. В гидропак заливается много сладкого темно-красного вина и чуть-чуть минеральной воды. В результате получается обалденный пузырчатый фрич. Пьется легко и медленно уносит сознание в сторону. А гидропак, кто не знает, это специальный рюкзак с вшитым полиэтиленовым баллоном. Из баллона торчит синяя трубочка с желтым краником. Такие гидропаки на спине американосы в Афгане таскают, да и европейсие велосипедисты их любят. Я тоже люблю – хули, сунул трубку в рот и погнал вниз по лыжной трассе. Катись и соси вино на ходу. Балдежь… Можно иногда дать и друзьям пососать.

Мы приобрели электронные карточки и стали в очередь на подьемник. На креселку присели как я и хотел: Витька слева, Ролик справа, я посередине. Сближать Эльзу с Витькой я не рисковал…

Было хорошо. Нет, было не хорошо. Было сказочно хорошо. Снежные ели сверкали монументами под белым солнцем в синих небесах, потрескивал крепкий утренний мороз и мой "Таймекс" на руке показывал минус двадцать семь по Цельсию. Я сосал фрич. Потом дал пососать Витьке. Затем пососал Роланд. Эльза сосать не умела, зато умела лизать. Всем опять стало хорошо. А так как мы сосали не хуже европейских велосипедистов, хотя американский спецназ сосет намного лучше, то в кресла мы уже упали слегка поддатые …

– Кайфово то как, -закатывал глаза Роланд, – просто

несказанно…

– А че, не хило, – подтвердил Витька отсасывая из моей трубочки, – Погнали на шестнадцатый лифт, шеф.

– Погнали, Витюха, там черный спуск, как раз наш уровень, -я впал в легкую эйфорию, -А Ролик обратно на креселке спустится, да, Ролик?

– Ой, братаны, -Ролик опьянел от фрича, горного воздуха и лез ко мне целоваться, – я бы так целый день катался…. Красота то какая, правда? Уезжать не хочется… остался бы тут навеки…

– А ты монетку кинь и вернешся. Я всегда чего то вниз кидаю. Вот, в прошлом году мобилку уронил, теперь каждый год приезжаю.

– Че сразу кинь?, Кинуть то нечего… , – стал щупать себя Витька. – Можно плюнуть просто. Я всегда плюну и все – тоже каждый год приезжаю.

Витька плюнул вниз.

Я тоже попробовал плюнуть, но плюнул себе на живот. Ролик отвернулся и молчал.

– Ролик, ты че, обиделся?, – толкнул я его локтем, – У нас как то не принято среди пацанов лобзаться… мы не немцы… Витька, че он молчит? Скажи ему что то ласковое.

– Слышь, Роландо, бля, повороти хайло, когда тебе вещают, – Витька попытался в воздухе пнуть его синей лыжей. – Не красиво это – в гостях быковать, муфлон облезлый…

Роланд не поворачивался и что то мычал. Эльза кхекала в рюкзаке. Я подергал Ролика сильнее и он замычал громче. Башка его намертво прилипла к оцинкованой стойке кресла и тут я понял, что дела плохи. Похоже, он решил поцеловать кресельную стойку взасос и теперь крепко примерз мокрыми губами к железу. А возможно и языком.

– Бля, Витюха, тут западня такая – примерз твой слабоумный друг… не отрывается.

– Вот баран, че ему облизать некого было?… Лучше бы к своей Эльзе примерз, бля… Чего делать то… Отрывать надо.. Интересно, шеф, если его резко за шлем дернуть – губы на железке останутся? Или только язык?…Я как то видел гаишника, к фонарю прилипшего. Ото был прикол… Ну че? Попробуем?

– Ты чего, Виктор? – я слегка протрезвел, – он же повар, а не гаишник. Чем он будет пищу пробовать? Если у тебя органы осязания ниже спины расположены, так это не факт, что у остальных людей тоже. У него ж язык – основной рабочий орган. Мозги включи, подсобник хренов.

– Да че, я только версию двинул…,. -пожал плечами Витька и принялся сосать мой шланг дальше. – Пусть так катается, он же

хотел тут навсегда остаться…

Роланд мычал, собачка покашливала и до верхней станции выгрузки оставалось еще минут пять подьема. Чтобы Эльза не задохнулась я слегка ослабил шнуровку рюкзака и она сразу, высунув свою маленькую головенку, принялась лизать Роланда в подбородок. Тот заныл. Вдруг, в какой то момент, Эльза застыла, внимательно посмотрела мне в глаза и издала в рюкзаке какой то странный звук. При этом ее глаза слегка выпучились и покраснели.

– Обосралась, падла, – зло сказал Витек и отвернулся в сторону. – Картошку по второму кругу напорцкала. Шеф, засунь ее назад… Подделка китайская.

Из рюкзака донесся кисловатый запах и Роланд принялся шумно дышать носом.

Эльза снова внимательно уставилась на меня, издала булькающий звук и опять принялась лизать Роланда в шею.

– Видишь, Ролик, – сказал издевательским тоном Витька,- как хорошо когда тебя любят животные.

Ролик тихонько взвыл.

Спрыгнув с кресла я сразу кинулся к дежурному оператору объяснять ситуацию.

– Не… ну, пацаны, – пожал тот плечами я тут его не отлеплю. Пусть назад едет. Там внизу спасатели есть. Врач. Я сейчас по рации брякну. – и принялся шуршать рацией.

Ролик с вонючей собачкой поехал вниз, жалостно провожая нас взглядом.

– Да не сцы, Роландо,- весело заорал ему Витька,- все будет джуки-пуки… мы мухой вниз слетим. Ты там отлепляйся пока….

И мы полетели вниз. Ну, кто не был на шестнадцатой трассе на Буковели, тот считай не жил. Летишь торпедой, как парашютист с закрытым парашютом, только сопли по морде растекаются. Орешь дико, но ни хрена не слышишь, зубы стучат, люди в стороны шарахаются… короче, драйв, экстрим и тихий ужас в одном стакане. Главное уверенно ехать и не ссать. А мы с Витюхой не из сыкунов, к тому же малость пососали фрича, понюхали собачьево дерьма и нас остановить не мог никто… Кроме вон того здорового мужика в зеленой куртке. Витька влетел в него с размаху. Лыжи слетели, мужик встрял головой в сугроб и долго пытался подняться. Витька резко вскочил,

матюкнулся, напялил лыжи и понесся вниз. Я успел увидеть это лишь одним глазом, потому что вторым я узрел небольшой бугор, попытался сманеврировать, но не удачно: мои ноги как на батуте подкинуло вверх и я со смаком хряпнулся спиной на укатаный снег. К счастью на мне был шлем и гидропак. Они смягчили падение.

Я лежал спиной на снегу и мне было невероятно легко и радостно. Для большего счастья я сунул в рот трубку с фричем, но фрича там не было: от сильного удара гиропак с красным вином лопнул и медленно вытекал на снег. Я судорожно пытался спасти драгоценные капли сильно втягивая воздух через трубку. Вокруг меня на снегу медленно расползалась огромная красная лужа. Сидящие над моей головой в креслах люди перестали смеяться и застыли в немом ужасе. Лужа увеличивалась прямо на глазах. Одна девушка заплакала, а какой то мужчина истерично закричал тонким голосом, показывая на меня пальцем:

– Я за это не платил!!!… Мы так не договаривались!!!… Снимите меня отсюда!!!

Подьемник остановился. Это, видимо, внизу пытались отлепить Роланда.

А отлепить его было не просто. Минус двадцать семь по Цельсию, как никак. Прибежали спасатели. Собралась толпа. Посыпались советы. Варианты. Предлагали: дернуть за голову, полить теплым глинтвейном, ударить током, приложить горячий утюг, нассать на стойку. Ролик вращал глазами и быстро синел. Потом пришел врач и Ролик отлепился. Подьемник двинулся.

Отлепленный Роланд сразу скинул рюкзак с Эльзой и принялся энергично дышать на пальцы. Врач легонько тянул его за локоть в санчасть. Эльза, почувствовав тем временем твердую почву, тихо выбралась из рюкзака и бегала по снегу, воняя и оставляя за собой коричневые полосы. Ролик показывал на нее пальцем и все принялись ловить Эльзу. Но это оказалось не просто. Попробуйте в лыжных ботинках поймать на снегу маленькую, скользкую собачку в вонючем свитерке , которая постоянно кашляет и пытается Вас укусить. В конце концов она забилась под кассы и злобно рычала…

Меня через полчаса подобрали спасатели и спустили вниз на оранжевых санках, но внизу, узнав что у меня ничего не болит, сразу пожелали набить мне морду… Людей стало меньше и день угасал. Витьки нигде не было.

Когда я подошел к катафалку, там уже сидел Ролик с Эльзой

в обкаканом свитерке на руках. Роланд пил горячий чай с медом и от обоих исходил специфический запах собачьего навоза. Затем появился раскрасневшийся Витька. Он тяжело дышал и был перевозбужден:

– Бля, пацаны, не курорт, а собрание маньяков… Я, сука, целый час от того козла в зеленой куртке бегал. Какой то агрессивный мудак, просто. Гнался за мной по всем трассам, кричал что то, руками махал…. Выпускают же таких из дурки…

– Это Витя,- говорю,- он тебе намекал, что неплохо бы лыжами обменяться. Не модно теперь в разных лыжах кататься. На ноги глянь, умник.

Витя глянул на вниз. На левой ноге у него был синий "Фишер", а на правой серый "Атомик". Причем "фишер" был на сантиметров десять длиннее.

– Оп-па, – удивился Витка, -… Прикольно … а почему я не почувствовал?…

– Это потому что у тебя органы осязания не ниже спины. Я ошибся. У тебя они вообще отсутствуют. Атроффировались. Ладно, полезли в катафалк, гонщик домотканный…

Вечером пошли в тещину баню париться. Организмы отогревать. Не, ну нельзя ж так резко начинать работать. Надо проверить объект сначала. Привыкнуть. Сидим в парилке, потеем, привыкаем, Гена на камин ароматную водичку из ковша плещет. Благодать. Витек принялся Геннадия веником по ягодицам шлепать, спрашивает:

– А банька с чего рублена?… Дуб?…Ясень?… пенис дяди Васин?

– Стены тут еловые, а внутри тополем обшито, – Гена по доскам гипсом стучит, – Для бани самое лучшее дерево:Крыша соломой покрыта для аутентичности. Печь-каменка из речных окатышей сложена, все как книжка пишет, йоптеть.

– А не воспламенится? – интересуюсь я ненавязчиво, лежа в солярисе , -все таки дерево, огонь, искры:

– Загореться никак не может, у меня вся проводка в металлорукавах спрятана и розетки в коробках Бергмана установлены, – хвастается Геннадий, – и дерево пропитано специальным раствором. Антипирен называется.

– На каждый антипирен найдется свой фаермен, – отозвался Витя, – солому как не пропитуй – полюбому вспыхнет:

– Слышь, подсобник,- обиделся Гена, -я, как никак, бывший пожарник, в этих делах разбираюсь, йоптеть, так что, работай веником, Витюшка.

Витька веником дальше Гену бьет, приутих, замыслился чего

то :.

Я баньку изучаю; в принципе неплохо все составлено, по науке, печь асбестовым шнуром изолирована от дерева, окошечко в двери есть, даже градусники и приборы какие то на стенах..

– А все таки, стремно солому на крыше держать, – Витя из раздумий вышел:- может таки полыхну…

– Йолы-палы, да ты заколебал!, – возмутился бывший пожарник,- хер она загорится! Если загорится, я в одной простыне в гастроном за водкой побегу, уснуть мне на рельсах,!…-и берет из печки полешко светящееся, на улицу выходит.

Ну, мы за ним наружу, естественно, интересно ведь как пожарные горючесть материала испытывают. Гена с размаху факел под крышу воткнул и к нам развернулся:

– Во! Видишь теперь, подсобник?!…Не горит ни хера, йоптеть!!! Ан-ти-пи-рен!!!

– А по моему, горит, – Витька мокрым веником на вспыхнувшую кровлю показывает.

– Блин, в натуре, горит!, – Роланд ржет.

– Йолы-палы, пацаны, тушите давайте!,- экспожарник возбудился,- у меня гипс, йоптеть! Снег кидайте на крышу!!! Огнетушитель тащите!!!

Я гляжу, очень энергично горит, даже потрескивает. Принялись снегом закидывать, простыни попадали, холодно, а тут еще из ресторана кухарки повылазили – такое шоу не каждый день увидишь: четыре голых мужика резво скакачут вокруг огнища и громко матюкаются. Между нами металась маленькая собачка.

Генина мама выволокла на крыльцо здоровый огнетушитель и Ролик кинулся ей помагать.

– Хули Вы там вошкаетесь, – орал Гена, – кидай его сюда!!!

Витя кинул с размаху огнетушитель в огонь. Там вскоре что то хлопнуло.

Геннадий обреченно издал такой протяжный звук:

– Ы-ы-ы-ы-ы….

– Чего то антипирен некачественный, -озабоченно изрек Роланд, держа свою чиху-хую на руках, – или его дождями смыло?!

– Один хрен, какой антипирен:- Гена совсем раскис, – и так сгорела дотла, родимая, уснуть мне на рельсах:.

А Витек, негодяй, стоит и радуется.

– Чего веселишься, Витюша?, – спрашиваю,- там же и твои сатиновые трусы в горошек сгорели.

– Фиг с ними, с трусами, я вот, представил, шеф, как прикольно Гена будет в одной простыне у гастронома смотреться.

Интересно, успеет водку купить или сразу в дурку заберут?

Домой мы вернулись быстро. Дорога домой всегда кажется быстрее, тем более мы ехали отдохнувшие. У меня были румяные щеки, у Витьки румяные уши, а у Ролика опухший язык.Эльза перестала кашлять. От беготни по морозным горам у нее в легких передохли все бациллы, а от порцканой картошки появился иммунитет и теперь она звонко тявкала. Исцелилась. А вот с Розалией Карловной было хуже. Долгожданная баня то сгорела и внезапное выздоровление откладывалось на неясный срок.

– Да все нормально, пацаны! -неожиданно радостно встретил нас Патефон, – Манать ту баню и дрова. Главное что тещу я наконец то уболтал на серьезное излечение. Берется один опытный канадский врач. Только, говорит, надо предварительно тело заморозить. Лет на двести. Мол, когда Карловна выйдет из криогена, тогда уже смогут новые кости выращивать прямо в человеке. Он предлагал, вообще, голову отдельно заморозить, а тело потом вырастить свежее. Без дефектов. Но теща че то не доверяет ему. Боится, что ноги кривые вырастут. Согласна только целиком морозиться. Так что, вопрос решен, будет рядом с Джексоном лежать. В субботу едем в аэропорт. И это…, – Патефоныч наклонился поближе и заговорщически прошептал, – главное доктор толковый попался. За отдельную плату обещал таймер на четыреста лет крутануть… Ленка пока не знает… Ну, наливай!

Патефоныч энергично потер ладони над головой.

На столе появилась очередная бутыль свежего фрич-тоника.

***фрагмент

Yodli

© Copyright: Валдис Йодли, 2012

Свидетельство о публикации №21204041811

Средневековый демотиватор

– Ну, слушай…Прошлой весной собрались у Ромы в кузне, Димычу железку выплющиваем – он у нас должен на городской ярмарке средневекового рыцаря изображать. Это у нас каждую весну на день города в замке Фестиваль Ремесел устраивается, так там на потеху публике мужики друг друга мечами лупят, девки пляшут на помосте, каких то бродяг казнят, короче, весело. Туристов – тьма тьмущая, граница рядом, сплошные немцы, чехи и мадьяры.

– А, так это в мае, вроде?-Витя спичкой в носу ковырнул.

– Точно, в конце мая, – уточняю,-….Словом, побольше жару в горне нагнали, Ромка по моим эскизам меч немецкий выстукивает, я прутиком изгибы корректирую, Димка уголь дробленый подкидывает, торопимся, пока Константиныч не нарисовался, он начальник кузнечного цеха, любит, зануда, как раз в субботу припереться, жопой чует, что мы мутим че то внеплановое. Только успели долы в лезвии продолбить, кто то в дверь шкребется.

– Бля…, наверно Константиныча принесло, – Димон шуганулся, – иду открою…. – Спокуха, пацаны! – кричит, – это Славик приполз, отбой тревоги.

А Славик, он у нас местный комбинатор – на папиных харчах репу отъел, ленивец редчайший, тяжелее кошелька в руках ничего не держал.

– О, Славик должок принес, неужто совесть в тебе проснулась.

– Да отстебитесь, пацаны, бабки в жизни не главное, тут такая фишка, -руками в воздухе круги рисует, -надо мне срочно кольцо накидное отковать. Я крутой аттракцион на завтрашний карнавал задумал – все просто ошизеют,- достает телефон, показывает кострукцию какую то с тремя дырками.

– Шо за хрень? -спрашиваем- ты че машину времени изобрел?

– Ну, вы долботрясы,- смеется, -это колодки такие, в средние века туда жуликов засовывали, типа, голова посередине и руки в стороны. Я такие в Чехии видел недавно – два евро – одно фото, прикиньте кассу. Пока вы тут, черти копченые, железки долбите, умные люди богатеют. И потеть не надо, эти ж европейцы, лохи, сами туда лезут фотаться.

– Какой то не гуманный аппарат,- говорю, -может прищемить чето.

– Да нихера не прищемит, Петрович-столяр все продумал, даже подушечку кожаную под шею, короче, не фиг завидовать, сошлепайте мне кольцо в кредит, а там разберемся.

– И че, сошлепали колечко?,- Йончи увлекся рассказом.

– Сошлепали…С утра пораньше прикатили в Паланок, Димыч доспехи рыцарские натянул, готовится к турниру, Рома наковаленку притащил, горн раздул – собрался подковки да розочки сувенирные выстукивать. Народу – тьма, гончары, ткачи всякие, кожевники плетки продают, сумки шьют , кузнецы монеты чеканят, ряженые шуты повсюду ходят. Гильйотину посредине поставили. Я просто по площади шарюсь, снимаю камерой всю эту движуху на память. Тут Славик прикатил с Петровичем, свою конструкцию раскладывает. Я поближе подтянулся, интересно же:

– Вот, Славик, яркий пример отсутствия мозга у человека, – показываю на его колодки,- тут же ни хера не продумано. Смотри, дырка для головы маленькая, будет шею давить, а для рук отверстия, наоборот, большие – руки выдернуть не фиг делать. Я же вижу, я пластанатомию изучал, сюда засунуться нереально, ставлю пиво.

– Херово изучал, дизайнер, смотри, все зашибись помещается, – бошку в дырку сунул, – и руки не выскальзывают, – руками в дырках шевелит.- Давай, чеши за пивом, пикасо хренов….

Тут Димыч подошел, кольцо кованое накинул, стоим любуемся:

– Ну как, Славик, удобно?

– Очень удобно,- говорит.

– Тогда, Димыч, неси фломастеры,- командую, -будем цеховую кассу поднимать. Роман, сколько денег этот червь скользкий тебе завис?

– Двести баксов, – оторвался Рома от наковальни.

– Йолкин дрын, долго придется стоять, хорошо что Славик кожаную подушечку предусмотрел.

Тот дятел креветкой скрючился, башкой в дырке вертит, смеется:

– Трындец, пацаны, вы юморные, …я сам шутник, но вы смешнее, – ржет дурень, – Ладно, повеселились и хватит, открывайте деревяшку, мне некогда.

– А ты куда торопишься, Славка? Спешишь Роману должок вернуть? Димон, давай фломастер коричневый сюда…

Я фломик взял, принялся у Славика на морде макияж

наводить, сначала усы нарисовал, бородку клинышком и щетину добавил. Тот клювом вертит, изворачивается, пробует меня за фломастер укусить:

– Архитектор, падла, я, сука, вырвусь, раздавлю тебе голову, гнида!

– Не вертись Славик, рисовать мешаешь, но кричать можешь, нам реклама нужна. Оп-пля, пацаны, первые клиенты!

Из автобуса толпа туристов выпала и сразу к нам, че то по румынски лопочут, улыбаются, камеры повынимали. Славик рычит, с носа сопли текут: – Покалечу, нах…, самоубийцы, руки-ноги переламаю, твари!! !

Даже раз так взвизгнул, что румыны в ладоши захлопали. Одна мадам от толпы отделилалась, к Славику подлезла, позирует мужу. Фоток нащелкали и десять евро дают.

– Во бля, нехилое начало, – радуюсь.

– На похороны себе оставь, – Славик сквозь зубы цедит.

– Ладно, пацаны, пошутили и хватит, иди Димка, выпускай быка на волю… хотя, стой, вон немцы идут. Хули думать, подсекай, пока клюет.

Толстый немец привел двух телок белых, сиськи восьмой номер, похожи как две капли воды, видать сестры. Как принялись Славику харю с двух сторон дынями своими зажимать, а немец счастливый только щелкает. Лишь бы не задушили, думаю, день только начался, жалко терять такого артиста. Фотосессию закончили, двадцать евро дают. Поперло, мужики!

Только хотели Славика освобождать, приперся Евгений Яношович, куратор фестиваля :

– Ну как тут у Вас ребята, все в порядке? Вижу возле Вас людей много, наверное, что то интересное придумали.

– Да вот, Евгений Яношович, демонстрируем средневековые методы воспитания преступника. Он, по легенде двести золотых луидоров кузнецу задолжал, Будет стоять пока родственники не выкупят.

– А че это он у вас злой такой? Веселее надо быть, праздник все таки.

– Так это артист специально нанятый, всю ночь перед зеркалом репетирорвал, тексты учил. Макияж себе даже сделал, все по взрослому.

– Бля-я-я…., вырвусь, порву нах…, шакалы!

– А вот матерные слова надо из текста убрать, -говорит, -телевидение снимает.

Отвалил куратор, а сзади уже очередь собралась – всем хочется такую картинку на память иметь. Одна мадьярка в кожаных шортах пробилась, плетку вынимает, видать только купила, Славику в зубы вставила, позирует. Тот выплюнуть не может, мычит че то. Я еще фломастером ему на лбу "SLAVE" написал. Венгерка пятьдесят евро в руку сует и на славкину задницу показывает, мол, дайте плеткой пошлепать мальчика… Йоханый карась, да мы бы и за пятерик разрешили бы, а тут полтос…

Только Славик плеткой по попке получил, чех какой то с топором в костюме палача пришел, минут пятнадцать позировал.

– Слышь, Димыч, как думаешь, сколько денег этот чешский палач отвалил бы, если б мы дали ему Славика казнить. Сто евриков отстегнул бы?

– Черт его знает, надо спросить, хотя, я б и сам ему тыкву отфигачил.

– Если что, телефон мой,- говорю,- Славику на том свете он не нужен.

Но чех то ли мараться не захотел, то ли деньги зажал, не сложилась славкина казнь.

Ближе к обеду народу поуменьшилось, по пивнушкам разбрелись.

– Ладно, Димыч, иди отстегивай бродягу, никогда не подумал бы что садо-мазо такой приход дает, сто восемьдесят евро набралось, остальное он сам принесет.

– Я вам, твари, венки на могилу принесу, – рычит Славик.

– А че я его буду отстегивать, -Димыч говорит, -он же меня убъет сразу.

– Не убъет, ты с мечем и в доспехах, если кинется, проткнешь ему печень скрамосаксом.

– Ты, дизайнер, первый умрешь, -Славик глазами вращает, – в мучениях сдохнешь.

– Видишь, Димыч, мне опасно к нему приближаться, он совсем облик Славика потерял, Канибал Лектор какой то сделался, так что я валю отсюда. Пусть его вон тот молдаван в красных штанах освобождает, он уже полчаса на славкину задницу пялится. Славик, ты как относишься к альтернативному сексу?

– Э-э-э, пацаны, подождите, – голос у Славы ослаб, – не уходите, я это…. погорячился малость, вы меня отстегните и я пойду себе потихоньку, никого трогать не буду, честное слово.

– Как думаешь, Димыч, поверим преступнику, искренне

говорит?

– Поверьте, поверьте, – стонет, – и деревяшки эти себе заберите, видеть их не хочу. И вообще, пацаны, я в туалет хочу и пить тоже хочу, отпустите, не то помру от жажды и цистита. Я исправился, уже хорошим стал. ..

– Ладно, Вячеслав, поверим, но сначала снимем короткое видеобращение блудного сына к отцу, читай по тексту.

Камеру достал, снимаю, Славик бубнит по бумажке:

– Дорогие папа и мама, всю прежнюю жизнь я был неблагодарным сыном, ленился, книг не читал, работать не хотел. Теперь я исправился и готов стать на путь праведный. Отныне никаких казино, тусовок и проституток. Никакого онанизма и порнухи. Начинаю новую жизнь. Ваш любящий сын, Вячеслав.

– Ну, вот и молодец. Отстегиваю…

В понедельник зашел в кузню к пацанам, те довольные, смеются, эту штуковину перевоспитательную в цех притащили, ходят руками щупают. Только планку откинули, Константиныч заходит:

– Что лодыри, опять в субботу уголь жгли, на всякую муйню переводили?! Уволю всех нахер! А это что за дрянь тут у вас стоит?

– Да, это Константиныч, -поясняю,- такой демотиватор средневековый. Работает безотказно. Вчера дал положительный результат.

– Демо…чего? Шо за мудотня, как работает?

– Да тебе не подойдет, у тебя кисти рук маленькие, а голова большая….. я же вижу, я пластанатомию изучал.

– Херню ты изучал, дизайнер, смотри как все помещается, и не выскальзывает ни фига.

Ну, тут Димыч кольцо кованое накинул:

– Пацаны, он сам туда засунулся, все видели….

*(фрагмент)

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204100517

Дом, который купил Патефон

Мы медленно катились в роскошном джипе по вязкому асфальту кривых переулков. Мы – это Патефон и я, его карманный дизайнер. За темными стеклами "Ауди" томился расплавленный город, текли битумные кровли и дохли от зноя воробьи. А нам ехалось хорошо – в автомобиле были прохладные кожаные диваны, климат контроль, нежная музыка и прочие достижения автомобильной инженерии. Мы направлялись смотреть дом. Патефону взбрело в голову переселить родную тещу, Розалию Карловну, в отдельное логово и с этой целью он вчера выгодно приобрел новое жилище. Выгодно, потому что вместо договоренных восьмидесяти тысяч долларов суетливый маклер получил только половину. Сорок тысяч. Их он получил в качестве аванса и, после подписания бумаг у нотариуса , вместо вторых сорока тысяч Патефон плотно вложил ему в хилую ладошку боевую лимонку с выдернутой чекой. Маклер было всхлипнул, но глянув на понимающее лицо Патефона, уныло побрел на военный полигон избавляться от нежданного сувенира. Так Патефоныч удачно сбил цену и теперь на сэкономленные деньги хотел произвести для тещи внутренний ремонт. Мои же пацаны, Йончи и Витек, как раз закончили шпаклевать Патефону тоннель, прорытый под Боржавой на ближайшее венгерское село. Купить кусочек границы у Патефоныча не вышло, поэтому он приобрел в Венгрии, сразу за лужанской таможней, старенький домик. И такой же домик приобрел на нашей стороне. Как вы догадались, вскоре их соединил подземный узкий переход. Но достаточно широкий, чтобы в нем можно было протащить ящик водки и блок сигарет. Впрочем, это уже другая история… Так вот, мы подъезжали к купленому дому и Патефон изливал мне свою творческую мысль всеми доступными ему способами – выпучивал глаза, брызгал слюной и жестикулировал:

– Смотри, Валдис, – увлеченно махал он руками , – хочу бабахнуть Карловне пожизненный рай на земле. Ты же знаешь, я ее ценю почти как Ленку. Так что, забивай в проект самое лучшее, мне капусты не жаль… Эх, линять на бабло, так красиво… Хули, один раз живем, а зелени еще натрусим. Главное, золота побольше и гранита сочини… Красного гранита.

– Ты че, мавзолей ей воздвигаешь? – спрашиваю, – не захворает она от гранита?

– Ты рисуй, художник,… проецируй, – Патефоныч бросил руль и принялся чертить на лобовом стекле толстым пальцем кривые дуги, – арки такие хочу… Чтобы все в арках было.

Сантехника – цветной фарфор. Джакузю с электричеством в воде. Радио в душевой. Я по дешевке с Венгрии притащу… Карнизы лепные. Панели дубовые и теплые полы с подогревом. Плитку покучерявей, с блеском и полировкой…

– Подскользнется и убьется на хрен твоя теща…

– Не сцы, ты рисуй, проецируй… Не подскользнется. У нее такие когти на ногах. Ты бы видел. По стенам может бегать. Как геккон. И это… Камин большой такой залепи в гостинной. Из мрамора…

– А что, есть дымоход готовый?

– Ты без дымохода лепи, вопросы не задавай глупые, дизайнер. Не задохнется… Ей избыток кислорода даже вредит. Перевозбужается резко…

Так, брызгая творческими идеями, Патефон привез меня на объект. Будущее место для нашего подвига из окна джипа выглядело весьма презентабельно: двухэтажная постройка покрыта блестящей черепичной кровлей. Сияли белоснежные пластиковые окна с плотными шторами и ярко-розовый фасад с такими же розовопопыми ангелочками внушал оптимизм.

– Любимый ее цвет, -понимающе кивнул Патефон, поймав мой взгляд. – Хотя, ты знаешь, я больше зелень люблю. С характерным шелестом… Короче, адрес известен – завтра запускай своих фанатически настроенных работничков. Поехали…

– Так что, не зайдем даже? – я приоткрыл дверцу и горячий воздух сразу хлынул в салон, – глянуть бы, че там внутри.

– Да нету там ни хера, – махнул рукой Патефоныч, – голые стены. Я сам туда не ходил, че я там не видел… Так, прямо из джипа и купил. Давай, Валдис, приступай завтра к ремонту… не тяни, а то Карловна уже так хочет переселяться, аж вздрагивает во сне. – и Патефоныч сунул мне в нагрудный карман ключ, завернутый в рулон твердых купюр…

Следующим днем я с Йончиком и Витьком прибыл на нашем катафалке к дому. Мы удачно припарковались и принялись выгружать орудия героического труда – ведра, лестницы и ящики с ремонтным инструментом. Ключ от дома был быстро извлечен из рулончика поэтому мы без труда попали вовнутрь. А вот внутри нас ждал сюрприз. Даже сюрпризом увиденное назвать было сложно – это был некий возникший из бредового сна шизофреника пространственный парадокс. Логическая загадка. На мгновенье я решил, что еще сплю и слегка подергал себя за ухо. Йончи открыл рот, а Витька озабоченно присвистнул:

– Вот это матрешка…- удивленно протянул он, – дом в доме.

Обосраться и не подняться…

Действительно, это был дом-матрешка. Внутри нового, купленного Патефоном дома, находился еще один, старый, с битой черепицей на крыше, прогнившими деревянными окнами и закопченными стенами. Воняло плесенью. Всюду висела паутина и валялись пластмассовые корпуса от разбитых часов. Полы сгнили. Половина стекол в окнах была разбита, видимо, когда строили новый, наружный дом, то не очень то церемонились со старым, внутренним. Расстояние между стен обоих домов было чуть больше полуметра и местами расширялось так, что некрупный человек мог свободно обойти старый дом по периметру. Внутри дряхлого дома кто то был.

– Патефон!,- кричал я в трубку телефона, -Ты че нам подсунул, нах?! Это ж ни хрена не новостройка! Дом с призраками, ядреный корень, подмостки абсурда и кошмарный сон! Приезжай скоро, пока нас тут зомби на фарш не пустили!!!

Когда Патефоныч примчался на своем климатизированом "Ауди" из дома вдруг выскользнул прилизанный человек с тоненькой папкой под мышкой. Сунул Патефону сухую ладошку и чинно представился:

– Савелий. Магистр международного права. Новый хозяин дома. Рад знакомству. Заходите, друзья, не стесняйтесь, – Похлопал он по плечу онемевшего Патефона, – как быстро Вы приехали. А по телефону мне сказали, что только со вторника приступят к работе. Ну Вы молодцы!

– Э-э-э, не стучи копытами, магистр, тормозни,- Патефон дернул за пиджак прилизаного, – Ты реально заблудился в городе, сайгак. Это моя недвижимость. Тут бумаги есть… – и Патефон полез в бардачок за документами.

Стали разбираться. После предварительного ознакомления нарисовалась такая полукриминальная картина.

Новый дом построил уже покойный, часовых дел мастер, Шими Вундермахер. Строил сам, своими вундермахерскими ручонками и, так как жить ему было негде, старый дом не разрушал. Жил в нем, спал, кушал кошерный черносив, по ночам чинил часы, а днем опять сооружал вокруг себя новые стены. Для кого он их сооружал было неясно – детей у Шими не было, ближайшая родня жила в Новом Свете на Брайтон-Бич, остальные рассыпались еще дальше и кому достанется вся эта архитектурная головоломка для соседей оставалось удивительной загадкой. Пока дом строился, часовщик немного заболел: от таскания

стропил и досок появились боли в пояснице, от сырого раствора ломило руки, от извести пропало зрение и появился глухой кашель. А как только на кровлю нового дома опустилась последняя черепица часовых дел мастер Вундермахер слег в постель. Лежал он у добросердечной соседки тети Лиды и она, может из жалости, а может из корысти, стала ухаживать за ослабевшим доморощенным строителем. Позвали лекаря. Пришел доктор-гомеопат (классическую медицину Шими не признавал) и назначил лечение какими то редкостными пилюлями. В пухлых пальцах он держал маленький зеленовато-коричневый шарик и убежденно твердил:

– Дорогой друг, Шими, – водил он пахучим шариком перед носом часовщика, -только катализная вытяжка из фекальных масс синего кита спасет тебе жизнь. Это не просто шарик – это чудесная квинтэссенция океанических связей природы. Энергетический сгусток живородящих организмов. Импульс внутреннего роста… Первобытная сила… Всего три шарика в день, разбавленных в теплом козьем молоке и через месяц ты здоров как буйвол… Но они не дешевы, Шими, сам понимаешь, киты, Камчатка, Ледовитый океан…

Шими понимал и, так как выбора не было, перевел крупную сумму денег, без малого сорок тысяч долларов на банковский счет доброго гомеопата. Для того, чтобы оплатить счет он обратился к маклеру и срочно продал построенный дом. Затем Шими Вундермахер позвал к себе ребе и поинтересовался, может ли он принять в лечебных целях не кошерный шарик? Ребе лизнул шарик, сказал – "Можно"- и удалился. Тетя Лида нагрела козье молоко и тщательно растворила там китовую какашку. Часовщик Шими тяжело вздохнул, затем выпил до последней капли целебный раствор, икнул и тихо испустил дух. Тогда тетя Лида догадалась, что это была не "чудесная квинтэссенция океанических связей природы", а обычный утренний кал жены гомеопата. Но было поздно.

А дом приобрел Патефон. Законно. Теперь оставалось разобраться с новоиспеченным владельцем Савелием. У него тоже оказались бумаги на дом. На старый дом, тот что внутри. Оказывается, этот дом ему завещал любимый дядя-часовщик еще лет тридцать назад, когда Савелий был румяным пионером и учился дудеть в горн. Незаметно для окружающих из пионера Савелий превратился в комсомольца, потом стал студентом юрфака и постепенно эволюционировал до уровня магистра международного права. За плечами у него был богатый гражданско-процессуальный опыт, на стене масса почетных

дипломов, а в спальном шкафу хранилась завернутая в целлофан черная шапочка с красной кисточкой. Савелий был битый волк.

– Будем судиться,- спокойно, с еле скрываемым наслаждением, сказал Савелий, закрывая папочку, – пусть восторжествует истина.

– Ну да, восторжествует- почесал складки на шее Патефоныч, – ты там судись пока, параграф, а мне некогда. Теща не ждет – я ей неожиданный рай пообещал. Так что пацаны, ведра в руки и вперед на баррикады. Ремонтируйте хату, не хер ждать, пока этот конь будет по судам тягаться…

– Хех, интересно, как же мы там работать будем?- озадачился я, – там же хрен развернешься – зазор маленький. Йончи еще пролезет, а Витька?

– Это твои проблемы, дизайнер. Баксы взял – полезай в хомут. Смотреть надо было хату сразу… Кто тебе мешал?

И мы стали работать. Первичный осмотр дома изнутри сразу показал, что из строительных инструментов у часовщика были только пинцет и лупа, а мерял он… да хрен он мерял, строил даже не на глаз, а на ощупь. Стены были сложены из каких то невероятных гипсовых блоков вперемешку с битым кирпичом и пемзой. Отовсюду из стен торчала проволока, сплющенные ведра, резиновые сапоги и расколотый рукомойник. Однозначно, Шими Вундермахер творил свой Вавилон из старых вещей, подножного мусора и вообще, всего, что попадалось ему под руку. В стене возле кухни я даже обнаружил замурованый дуршлаг и железнодорожную сахарницу. Йончи печально пожал плечами:

– Будем штукатурить, шеф, – выставлял он веревочный отвес, – только раствора пойдет немеряно – тут все стены гуляют по толщине. Местами прийдется по пятнадцать сантиметров накидывать. Ну что, выставлять маяки?

– А как же.-грустно сказал я. И Йончи стал выставлять маяки.

Тем временем Савелий приготовился к битве. Как опытный юрист он прекрасно понимал, что дело с домом-матрешкой весьма скользкое, двусмысленное и запутанное. И что лишь от его профессиональной подготовки теперь зависит исход судебного разбирательства. Естественно, он сразу подал судебный иск против маклера, продавшего Патефонычу дом. К Патефону Савелий особых претензий не имел: ну, купил человек дом. Законно купил. Он же не знал, что внутри еще один стоит. А вот маклер, подлец, знал и теперь должен был привлечен к ответу. Однако маклер на все судебные повестки не отвечал, и когда за ним домой пришли судебные исполнители, то старушки, сидящие

у подъезда, сказали, что не видели его уже давно. Около месяца. Провели расследование, хитрого маклера не нашли, но узнали, что месяц назад на военном полигоне местные мальчишки видели огромное количество ворон, которые что то клевали в траве. Перед этим они слышали хлопок. Выехавшие на место следователи обнаружили в поле небольшую воронку и рядом испорченные очки.

Тогда Савелий подал в суд уже на Патефона. Предметом иска было нарушение санитарных норм по инсоляции помещений и магистр Савелий требовал срочно снести новый дом. Мол, мало солнца падает в окна. К иску он приложил инвентарное дело на свое имущество тысяча девятсот пятьдесят седьмого года. Патефон тоже был не дурак и подал встречный иск, в котором требовал снести старый, внутренний дом, так как он заплесневел, воняет и еще больще нарушает санитарные нормы проживания. К тому же травмирует его тонкую душу и вносит смятенье в отношения с близкой ему тещей Розалией Карловной. Старой больной женщиной. А еще мешает ему расставить резные диваны и домашний кинотеатр. И к судебным материалам тоже приложил инвентарное дело две тысячи первого года. Старый дом там не значился. Возникла беспрецендентная правовая коллизия. Внимательно изучив материалы, городской судья сначала пребывал в некой прострации, но когда магистр международного права Савелий потребовал приобщить к делу выдержки из "Гражданского Кодекса", впал в ступор. Тогда Патефоныч оперативно приобщил к телу судьи холодное пиво, горячую баню и ароматный шашлык. Судья вышел из ступора и признал Патефона потерпевшим. Патефон торжествовал.

– Сносите на хрен эту халупу, пацаны, – радостно сказал он и сунул мне в карман еше рулон хрустящих денег.

К тому времени мы уже почти закончили внутренние штукатурные работы и готовились шпаклевать стены. Здесь нужно отметить невероятно высокий уровень йончиного мастерства. Как он крепил маяки я еще понимаю, но каким образом он умудрялся метать раствор из ковша в полуметровом пространстве – это для меня непостижимый секрет. Хотя, более таинственным остается метод затирки раствора внизу, у плинтуса. Там же присесть не возможно. А лежа тоже не метнешь. Это потом Витька мне признался, что Йончи штукатурил верх ногами: Витька держал его за ноги, а Йончи работал. Правда, уронил братуху пару раз лицом в раствор. Ну, ничего, отвлекся… Бывает. Кстати, Витьке работалось наиболее комфортно – у него постоянно рядом имелась точка опоры, поэтому он часто впадал в

послеобеденный сон в самых неожиданных местах. Однажды я его нашел спящим стоя между карнизом старого дома и откосом нового. Плечи его плотно упирались в стену, голова с открытым ртом склонилась назад, а ноги свободно висели в воздухе. Похоже, шел куда то, зажало, уснул…

– Сносите!, – кричал Патефон, размахивая решением суда. – Теща уже чемоданы спаковала, а Вы тут ковыряетесь!

– Не сносите. – из старого дома неспеша вышел Савелий тоже с бумажкой в руке. – Во первых, я тут уже давно прописан, а во вторых, я подал кассационную жалобу во львовский Апелляционный Суд. Битва не кончена. Справедливость восторжествует.

У Патефоныча шевельнулись ноздри и дернулся глаз.

***

В кабинете главы апелляционного суда было уютно. Темнозеленые шелковые обои красиво оттеняли многочисленные сертификаты и награды, висевшие в вишневых рамочках на стенах. На полках в глубоких шкафах золотились корешки толстых фолиантов и умных книг. На большом письменном столе из корня канадского дуба красовалась серебрянная Фемида с завязанными глазами и весами в руках. В углу стояло чучело медведя с удивленной мордой. Тяжелые зеленые портьеры с бахромой охраняли владельца кабинета от прямых солнечных лучей и любопытных взглядов. Перед судьей справа лежало объемное дело, а слева – черный плотный пакет. История с "домом в доме" тянулась уже третий год и была весьма запутана.К тому же ни у одного претендента не было "акта на землю". А земля первична, как известно… В разрезе современной юстиции это был парадоксальный нонсенс – дом вроде был, и в тоже время был внутри еще один дом, а какой из них главнее разобрать не мог никто… Туда неоднократно направлялись разнообразные комиссии, санитарные врачи и строительные эксперты. Писались акты обследования, технические отчеты об исключительной аварийности и, наоборот, необычайной надежности и сейсмоустойчивости объекта. Подключались лицензированные конструктора и непревзойденные архитекторы, а дело так и не двигалось с места. Все писали правильно и верно, но гениальные выводы моментально друг друга взаимоисключали как только судья брал бумаги в руки и начинал знакомиться с делом. Нужно было принимать окончательное волевое решение. "И вот так всегда, – горько вздохнул судья апелляционного суда, – пишут, пишут, марают бумагу почем зря… А истину всегда должен устанавливать честный профессионал".

С этими словами он не спеша развязал свой шелковый

галстук и, взглянув напоследок на фигурку Фемиды, тщательно замотал им голову так, чтобы ничего не видеть. Затем в правую руку взял большую папку с документами, собранными магистром международного права Савелием. В левую руку он бережно взял плотный целлофановый пакет черного цвета, принесенный утром неизвестным гражданином. Слегка поколыхал руками в воздухе, как бы изображая из себя большие живые весы. Задумался. Прислушался. Опять поколыхал. Черный плотный пакет перевесил.

– Вот так бабло,… тьфу ты … добро торжествует над ложью.- сказал апелляционный судья и сбросил повязку с глаз.

Патефон вновь ликовал.

– Сносите на хрен! -радостно кричал упертый зять тряся судебною бумажкой изо Львова, – моя Розалия Карловна уже новое постельное белье пошила. Хочет переселяться. Давай, Валдис, что бы я завтра эту кучу мусора у себя в доме не видел, – и снова заложил мне в карман пачку денег.

– Не сносите, – опять я услышал твердый голос Савелия. Позади него стояли два крепких мужчины в черных костюмах.- Не стоит торопиться, дело пошло на Киев. В Высший Хозяйственный Суд. Мы еще поборемся и справедливость восторжествует. Заносите мебель! -сказал он черным мужикам и те занесли в дом ржавую раскладушку.

Я стоял рядом с Патефоном и отчетливо услыхал скрип его зубов.

Дело, действительно, пошло на Киев, однако, чтобы не терять времени, мы приступили к внутренней отделке интерьера. А так как полы были в силу известных причин недоступны, то Йончи занялся декоративной обработкой стен. Витя ему помогал. Потолки мы оставили на потом – пусть суды закончатся. Как и полагается, мы начали с проклейки стен сеткой. Йончи уже приловчился работать в стесненных условиях, приобрел гибкость в суставах и плавность движений. Легко становился на мостик с ведром в зубах и грациозно мог шпаклевать, сидя на шпагате. Похудел на двадцать килограмм и приобрел цепкость обезьяны. Витька же, наоборот, слегка округлился и в одном месте, возле кухни, уже почти не пролазил. Ну там, по правде говоря, и я чуть было не застрял – узкое место. Пару лет назад оттуда пришлось даже выковыривать одного эксперта по строительству. Приехал с очередной судебной комиссией из Ужгорода и заклинился в заднем проходе. Те побродили, поговорили, что то пописали да и уехали назад. А этот остался. Крикнуть не может – грудную

клетку сперло и назад не лезет… В общем, если бы с утра его Йончик не обнаружил по запаху дорогого одеколона, то пришлось бы беднягу на военный полигон везти. Еле извлекли инородное тело из заднего прохода… Так вот, подойдя вплотную к отделке стен, я применил свою любимую технику пальцевой живописи венецианских мастеров. Витя называет ее "срали-мазали". Суть метода заключалась в нанесении густой разноцветной суспензии прямо на стены голыми руками с последующим приданием фактуры. У Витьки это прием получался особенно хорошо. Йончик убеждает, это потому что в детстве Витька по себе дерьмо любил размазывать. Работа кипела. К тому же "венецианки" Патефон нам протащил через свой подземный тоннель в избытке. Выглядело эффектно и живописно. По крайней мере, Патефону нравилось, хотя он и не видел, верил на слово. Не мог протиснуться вовнутрь.

Тем временем судебные тяжбы медленно подходили к концу. Патефон чудесным образом выиграл очередной суд, Савелий начинал терять силу, но виду не подавал. Глава Киевского Хозяйственного Суда уже добирался на работу на новенькой "БМВ" и приобрел домик в горах. Магистр международного права Савелий немного погрустил и подал жалобу в Европейский Суд по правам человека. Патефон шустро прыгнул в Европу и вскоре глава Европейского Суда бороздил адриатическое море на симпатичной яхте с сияющим баром на корме. А Савелий получил короткое письмо, в котором европейские судьи ему ясно давали понять что его человеческие права никоим образом не ущемлены, не стиснуты и не сжаты. И рекомендовали заключить мировую. Магистр Савелий впал в отчаяние, шапочку с красной кисточкой вынул из целлофана, бросил в мусорное ведерко. Потом откупорил бутылку теплой водки, выпил и лег спать.

Ему снился неприятный сон. Поначалу все было хорошо: он выиграл все сложные суды, заселился в дом, начал новую счастливую жизнь. Женился, завел детей, стал главой Апелляционного Суда и получил судейскую мантию. Потом он резко проснулся, встал с кровати включил ночную лампу и захотел выйти из дома. Открыл дверь и вышел. Но попал в узкое неосвещенное пространство. Деревянная дверь его дома вдруг неожиданно захлопнулась сзади, а другая, железная дверь Патефона была крепко заперта. Сильно пахло известью и клеем, под ногами хлюпала холодная жижа и босые ноги мерзли. Он оказался в узкой щели между двух домов. Хотелось бежать. Савелий стал судорожно искать выход наружу, ломать двери, бить

окна, но они были намертво заколочены. Вокруг были лишь темные липкие стены и с каждой минутой они давили на тело все крепче… Дома сближались. Савелий издал нечеловеческий хриплый рык, истошный крик, который может издать только магистр юридического права, проигравший все суды… И вновь проснулся.

Ранним утром он сидел с трясущимся лицом перед желтым листом бумаги и мягким карандашом писал такой текст: "Уважаемый Петр Фомич (Патефон), буду весьма признателен Вам, если Вы выделите немного своего времени для обсуждения одной деликатной проблемы. Я готов сделать Вам деловое предложение, которое вряд ли оставит Вас равнодушным. Если Вас это интересует, то будьте любезны быть вечером в четверг у ворот наших домов. С глубоким почтением, Ваш Савелий." Затем он сложил письмо в конверт и прийдя на почту, отправил его заказным письмом.

Вечером в четверг Патефон неспеша вылез из своего джипа и подошел к сморщеному седому человеку. Это был магистр Савелий. Патефоныч тоже за девять лет судебных разбирательств изменился: появился небольшой живот и несколько новых складок на затылке. Они крепко пожали друг другу руки. Издалека их можно было принять за двух старых добрых друзей.

– Я слушаю, – сказал Патефон и стал слушать.

– Я устал, – сказал Савелий, -мне не нужен этот дом и я готов его продать. За разумную цену.

– Сколько?- заинтересованно спросил Патефоныч.

– Сорок тысяч, – тихо сказал магистр.

– По рукам!- хлопнул его по плечу Патефоныч. -Тянуть не будем, а то Розалия Карловна уже купила сервиз на двенадцать персон. Вот сразу аванс. – и он вложил в хилую ладошку магистра пачку денег. – Остальное потом, как дом перепишем у нотариуса… Валдис, – В мой нагрудный карман опустился хрустящий рулон, – завтра бери Йончика с Витьком и начинай крушить эту беседку…

– Простите, а Вы не подскажите где здесь улица Карла Маркса пятьдесят шесть?, а то я не местная, – вдруг перебила их сделку худенькая девушка с рыжими волосами. – Ни одной таблички на домах. Случайно не этот розовый дом с ангелочками?

– Этот. -в один голос ответили Савелий и Патефон.

– Ой как хорошо! – обрадовалась девушка, – это же дом моего троюродного дедушки Шими Вундермахера. Он перед смертью

оставил мне наследство – участок земли. Вот и государственный акт на землю прислал. Только там нужно аварийный дом демонтировать. Но это чепуха, правда?

– Где же ты раньше носилась, овца недоеная, – Патефоныч взялся за сердце, – Бля, это не часовщик, а какой то зловещий дьявол…

– А раньше я в университете училась, в Соединенных Штатах, – звонко ответила рыжая девочка, – на юридическом факультете. Потом магистратура – два года и аспирантура – три. Теперь я – магистр права. Если что, обращайтесь с вопросами.

Патефон смачно плюнул, а Савелий всплакнул.

***

Спустя какое то время в кабинете главы Апелляционного Суда сидел в кресле из слоновой кожи усталый господин. Солнце безуспешно пыталось пробиться через плотные зеленые портьеры и на столе вместо золотистых фолиантов теперь лежал тонкий электронный планшет.

– Опять бумагу марают, – грустно сказал председатель суда,- Вот опять!…опять все приходится решать самому! Никто не хочет работать.

С этими словами он горестно вздохнул и принялся развязывать шелковый галстук. На столе из корня канадского дуба прямо перед ним стояла серебрянная Фемида. Справа лежало дело "Дом в доме", а слева плотно заклеенный черный пакет, принесенный утром неизвестным человеком. Из угла на судью взирал удивленный медведь.

И опять победило баб…, тьфу ты…. добро.

Yodli.

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204041803

Спасатели

На озеро мы приехали втроем: Йончи-плиточник, Витек и я – ихний шеф. Стоял знойный день и мы решили слегка поплескаться в теплой воде. Йонас пребывал в отличном настроении – он вчера приобрел новый гидрокостюм и теперь мог испытать его в естественной среде. Витя жарил шашлык на берегу и завистливо косился на брата:

– Йончик, блин, не жлобся, дай поплавать. Ты мне брат или сопля зеленая? Мамка всегда говорила, что с младшими делиться надо. И не забывай кто тебя сюда привез…

А привез нас, действительно, Витя, правда по дороге в его катафалке мы чуть не сдохли от жары. Ни кондишена, ни климат-контроля, в натуре, гроб на колесах. Интересно, как он летом жмуриков возит. Они ж воняют…

– Когда мамка это говорила,- ответил Йончи, натирая себя мыльной водой, – она ж не знала что у меня брат долботрясом вырастет. Я тебе дал уже раз поплавать… Ты зачем в костюм нагадил?… Имбецил, дайвинговый зимний гидрокостюм за шестьсот баксов, а он внутри кучу навалял. Не, ну скажи, шеф, не слабоумный у меня брат?

– Ты сам слабоумный, костюм за шестьсот баксов, а молния заедает. – Витька усердно раздувал угли для мяса,- Этот костюм,

Йонас, полдня снимать надо, любой усрется… К тому же, нефиг было меня салатом с селедкой кормить. Ладно, надоел, иди уже плавай, ихтиандр хренов, и груз побольше привяжи. Чтоб не всплыл обратно, дебил подводный.

Ихтиандром Витька называл брата неспроста. Тот и вправду, нырял как рыба, плавал как пингвин и, ко всему прочему, вчера отмочалил дома нехилый номер. Получил новый костюм на почте и пришел домой. По дороге забрел в трактир, хлопнул пару бокалов пива за покупку и вернулся поздно. Жена уже уснула. Йонасу же нетерпелось примерить обновку. Он пробрался в ванну, намылился по технологии и без усилия натянул на себя новенькую неопреновую кожу. Костюм сидел как влитой. Йонас был пьян и счастлив одновременно. Он стоял перед зеркалом в полный рост и с восхищением разглядывал прорезиненые оранжевые вставки на камуфлированом фоне. Минут через десять созерцания себя, бесстрашного подводного охотника, наконец то Йончи удовлетворился. И вдруг почувствовал невероятную усталость.

" Пойду прилягу на минуту", – подумал Йончи и на ослабевших ногах побрел к кровати. …

Йонасу снился прекрасный сон: он плыл по дну огромного океана, держа в руке морской арбалет. Вокруг парили разноцветные медузы и серебрились диковиные водяные растения. В лучах подводного солнца изящно извивались рыбы, а одна, самая крупная и красивая подплыла к нему, заглянула прямо в глаза и вдруг завопила страшным голосом:

– Ихтиандр!!! Ихтиандр!!!

Это кричала его жена. Она проснулась в полночь от того, что к ней прижималось холодное скользкое тело. Оно и понятно, обнаружить вместо мужа в постели резиновый менекен – любой бабе крышу сорвет. Я бы, наверно, обоссался. Но Йончи включил свет, налил жене стакан водки и Зинка успокоилась. Правда, до утра уже никто не смог уснуть.

Поэтому сегодня Йончи постоянно зевал и протирал глаза, стоя на берегу.

– Смотри не задремай там на дне, а то еще спасать тебя придется.- злорадно сказал Витька и кивнул на старый костюм, тот, в который нагадили. – Хорошо, что в комплекте есть запасной.

– Дяденька, а Вы там поплавайте, – вдруг откуда то возникла маленькая девочка с щенком в руках. – Там в прошлом году лодка затонула. – Девочка показала ручкой в сторону камышей.

– На кой хрен нам лодка, – отозвался Витка. – Нам лодка не нужна. К тому же дырявая. Иди гуляй , девочка.

– Она алюминиевая.- из за девочки показался седой старичок. Он был смотрителем на озере.

– Алюминиевая?- Витька резко вскочил на ноги. – Бля, Йончи, это ж под сто килограмм цветмета будет. Пацаны, чего клювом щелкать. Нырять надо срочно. У меня в машине лебедка есть – вытащим на берег не хер делать. Ты, Йончи, только тросом лодку цепани, а остальное будет джуки-пуки. Кстати, дед, там утопленников нет? Все спаслись?

– Спаслись. – дед медленно расставлял слова. – Их четверо было, не считая собаки. Три охотника и инспектор по техминимуму . Инспектор ружья осматривал и случайно курок нажал. Прострелил дно. Охотники пушки в воду побросали и до берега добрались. Только пес утонул. Он привязаный к лодке был. Захлебнулся , бедняга. Красивый пес – курцхаар.

– Значит так, Йонас, пес – тебе, ты всегда охотничью собаку хотел, а мне лодку. Ты и без лодки классно плаваешь. – Витька возбужденно бегал по берегу, – Вот только шефу что?… Ружья?!

Витька расстроенно посмотрел на меня.

– Мне ничего не надо, – сказал я, уловив в глазах у Витьки нездоровые огоньки. – Мне просто интересно в спасательной операции поучаствовать. Считайте типа, я Ваш спонсор.

Витька бросился разматывать трос, а я приступил к одеванию гидрокостюма. Того, в который нагадили. Ну, дерьма там уже не было, однако некая аура в виде специфического запаха присутствовала. Тем не менее, азарт и чувство опасности уже сделали свое дело: в моей крови бродил адреналин и я мелко подрагивал в предвкушении таинственного погружения. Ведь я с детства мечтал о всяких приключениях, зачитывался Жюль Верном и Фенимором Купером, хотел стать или пожарником, или каскадером… Однако, жизнь сделала меня представителем самой мирной и самой древней профессии на земле – дизайнером интерьеров. Поэтому экстрим приходилось искать на стороне. Дайвинговый костюм был натянут насухо, но в девятимиллиметровом неопрене я не мог долго стоять под солнцем – изнемогал от жары, поэтому сразу полез в озеро. Моя задача была подстраховывать Йония на воде.

Витька бодро руководил операцией. Кстати, для тех, кто не в курсе: Витька – гениальный мастер пространственных коллизий. Его умению создавать взаимоисключающие сюжеты мог бы позавидовать любой режиссер. Виртуоз абсурда, апологет

психологического конфликта и легендарный долботряс – это все Витька. Изумительно комбинируя во времени и пространстве простые предметы, Витька умудрялся создавать композиции невероятной сложности: свинья на балконе седьмого этажа, полковник разведки, покусанный пчелами и менты, застрявшие на груше – это его неугасимый талант. А как он Моцарта ушатал… ладно, чего то понесло меня… Короче, Витька раздавал приказы:

– Йончи, дурень, зачем пневморужье с собой взял? Собака давно мертва, отдай ружье шефу! Шеф, не тупикуй, держи ружбайку и линь трави помалу… девочка, отойди. Как Йонас лодку зацепит – дай знать, махни рукой. И смотри, братуху не проткни случайно. Он нам теперь очень нужен… да отойди же ты, – метался Витька по берегу от кромки воды к своему катафалку.

Йончи взял в руку трос, сделал четыре глубоких вдоха, затем сильный выдох с целью удалить из легких остатки углекислого газа. Потом опять медленно вдохнул и исчез в зеленой глубине озера.

– Профессионал! – восхищенно сказал старичок Витьке.

– Конечно,- кивнул головой Виктор.

Наступила долгая пауза. Я медленно плавал над местом затопления лодки, пытаясь безрезультатно разглядеть силует Йонаса. Прошло больше минуты. Йончи не показывался. Я стал нервничать. Кончалась вторая минута и Витька метался на берегу.

Две с половиной. Я запереживал. Старичок, девочка и щенок неотрывно глядели на воду.

– Профессионал? – озабочено спросил старичок Витьку.

– Щас узнаем, – ответил Витька. – Если вынырнет, то да. Если нет – то, однозначно, – нет.

– Три минуты прошло, – я почувствовал недоброе и стал махать Витьке рукой. – Тяни трос, вытаскивай Йончия. Как бы не захлебнулся. Может он там за корягу зацепился?

– Насрать на Йончия, лодка нужна. Там алюминия на сто кил. Йончи сам всплывет. Через месяц. Хотя,.. на нем дайверского барахла на две штуки баксов навешано. Одно подводное ружье двести сорок долларов. Нож с серейтором… Жалко… Черт, не брат, а махровый осел – нет чтоб машину купить, все бабло на подводные игрушки переводит. Так и будет до гроба с манометром в жопе на велике ездить.

– Витя, гнида сухопутная, тяни трос или я тебе колеса гарпуном пробью, – я начал злиться и для большей

убедительности потряс ружьем в воздухе..

– Тяну, шеф, тяну, – Витька стал показательно суетиться у лебедки, – зачем нервничать. Все будет пармезан.

Вдруг вода забурлила и всплыл Йончи. Он выплюнул трубку, тяжело дышал и глотал слова:

– Фух! .. Трындец…. Зацепил… Глубоко…Метров… Двадцать… Устал.

– Собаку видел?, – озабоченно спросил Витька.

– Видел, – отплевывался Йончи. – Но она мне не понравилась…Тьфу… цвет потеряла. И шерсть не блестит… тьфу…

– Ясно, с собакой разобрались, – сказал я, – осталось алюминий вытащить. Ты, Йончи, лезь на берег, снимай костюм и помогай Витьке на тросе. А я в воде буду ситуацию контроллировать. Да, и под колеса машины подложите пару кирпичей, а то еще покатится.

Далее картина развивалась так: Витька укрепил машину и, сидя в кабине, стал крутить лебедку. Йончи в одних трусах и с ножом на ноге стоял на берегу и палкой поправлял трос. Девочка со старичком отошли к сторожке и с интересом наблюдали за происходящим. Под сторожкой спала какая то здоровенная псина, наверно, мамаша щенка. Я плавал с ружьем вдоль берега. И, как оказалось, не зря.

Пока лодка была в воде все шло как по маслу: трос медленно накручивался на вал и вот уже показался нос заиленой лодки. Но затем лодка зацепилась кормой за камень на берегу и мертво стала. Лебедка стала скрипеть, а Йончи принялся палкой орудовать под килем.

И тут произошло неожиданное. Воистину, кому суждено сгореть, тот не утонет. Раздался резкий щелчок, трос лопнул и Йончи с криком схватился за правое ухо. Вернее, не за ухо, а за то место, где оно ранее произростало. Само ухо сделало в воздухе изящный пирует и шлепнулось в воду прямо передо мной. У Йончия из под руки хлестала кровь. Девочка заплакала, старичок засмеялся, а собака под будкой проснулась и загавкала. Витька продолжал крутить лебедку, а я принялся ловить в воде йончино ухо, которое порхало вокруг меня, как розовая бабочка и быстро уходило на дно.

– Глуши лебедку, Виктор! – заорал я дико, – замотай башку брату какой то тряпкой потуже. А я за ухом.

И я нырнул. Злосчастное ухо, отделившись от Йончия продолжало жить своей жизнью, как хвост ящерицы: как я не пытался его схватить, оно кружило вокруг моих пальцев и планировало все ниже. Мы опускались на дно. Чувствуя, что мне не хватает кислорода, я принял единственно правильное решение – выстрелил в него из ружья и, к счастью, попал. Гарпун пронзил его прямо посередине.

– Вот твое ухо, -сказал я выныривая и протягивая ухо на гарпуне, – положи в чистую воду и дуй в больницу. Витька, лодку потом выймем, тащи братуху к доктору.

– А ты, шеф, приколист, – сказал Витька, но прочитав на моем лице гнев, завел движок. – Йолкин-дрын, похоже шашлыка не будет, -пробурчал себе под нос и повез Йонаса в город.

Я поплавал еще около часа для снятия стресса и неспеша выбрался на берег. Как раз вернулся Витька и подходя весело махнул рукой:

– Все чики-чпоки, шеф! Там на дежурстве как раз толковый доктор попался. Военный айболит, афганец бывший. Сказал, что пришьет – хрен оторвешь. Хотя, в афгане, говорит, они на такие травмы даже внимание не обращали. Зеленкой мазали и опять в строй. Да я б и сам пришил, шеф, я ж почти врач. У меня даже иглы с собой есть хирургические.

– Да, ты бы пришил. Верх ногами. Лучше помоги мне костюм снять, че то молния заела, – я пытался стянуть с себя неопреновый толстый покров.- Только быстрей, Витька, а то зажарюсь на солнце.

– Во, а я что говорил, шеф, херовый это костюм. Надо было его сразу выбросить, – Витька энергично дергал молнию , -Бля, еще хуже застряла. Не идет, тварь. Может мылом помазать?

– Витька, поспеши подлец, а то я тебе жопу мылом помажу. Щас подохну от жары…

– Держись, шеф, если не мылом, то маслом можно полить. Ты только сознание не теряй. Э-э-э шеф, ты чего? Ты так не шути… Может тебя назад в водичку положить?

– Лучше сразу в больничку, – услыхал я откуда то сверху голос девочки. Потом я потерял сознание…

– Гипертермия, – надо мной стоял крупный мужчина с ваткой в руке. – Холодный компресс, Ниночка, и пакет со льдом в пах. Тоже спасатель? – обратился ко мне здоровяк.

– Угу, – я пытался кивнуть , но не мог: на голове лежало мокрое полотенце. Справа, на стуле валялись фрагменты

неопренового костюма, аккуратно разрезанного ножницами на части.

– И много Вас там?- поинтересовался доктор.

– Еще один, – ответил Йончи. Он сидел рядом на койке с забинтованой головой.

– Приготовьте еще койку, Ниночка, – сказал доктор и вышел из палаты.

Витьку привезли под вечер. Его покусала собака. Та самая, которая спала под сторожкой. Смотритель не успел предупредить Витьку, чтобы он не брал в руки щенка. А Витька не успел запрыгнуть в машину. Смотритель привез его на Витькиной машине и вся больница уже бурлила слухами. Еще бы: третий раз к главному входу подъезжает катафалк и оттуда кого то выносят. Вскоре по лечебнице ходила уверенная версия, что неподалеку в озеро упал военный вертолет. Кушающий печенье у окна дядька рассказал мне, что из девяти выжило трое, причем, одному снесло полчерепа винтом, но врачи его залатали. Второй получил сильные ожоги от взорвавшегося топливного бака, а третий остался без обеих ног – ему их оторвало шасси. И что завтра в город прибудет министр обороны, а может, и сам президент.

Поутру нас осмотрел завотделением. Я уже был в полном порядке, только голова побаливала.

Йончи сидел с забинтованой головой в той же позе, что и вчера . Витька лежал на животе и играл в крестики-нолики в старом кроссворде. Собака покусала его за ягодицы, поэтому на спине Витька лежать не мог.

– Так кого вы там спасали?- спросил заинтересованно доктор.- к нам что то больше никто не поступал.

– Пса одного спасали. Охотничьего.- ответил я.

– Спасли?

– Нет. Он еще прошлой осенью утонул. Теперь испортился. Шерсти почти не осталось. Пришел в негодность, – ответил за меня Йончи.

– Чудненько,- сказал доктор, – Запиши, Ниночка, осмотр у психиатра этим двоим. Пусть Валерий Семенович у них рефлексы проверит. А третьего можно выписывать, похоже, он самый здоровый среди Вас. – доктор посмотрел на Витьку, задумчиво разглядывающего кроссворд.

Через год мы опять приехали на это же озеро. Витька целую зиму бредил лодочным аллюминием и купил новый трос. Но лодка уже была на берегу. Ее вытащил старичок с внучкой и

теперь под ней жила собака. Потому что лодка оказалась пластмассовая.

Yodli.

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204041785

Витька, пчелы и гранитные русалки

Шестнадцатого августа ровно в полдень я пилил сухое дерево. При этом у меня было одухотворенное лицо, размеренное дыхание и в заднем кармане брюк находилось ровно двенадцать тысяч американских долларов. Вокруг, как бы сопровождая тихий визг пилы, мирно жужжали пчелы и напротив меня стоял босой Григорий с мобильным телефоном во рту. Каким образом я, выпускник столичного университета, оказался в незнакомом городе спиливающим сухую вишню на чужом участке пояснить было не просто. Еще сложней было свести в один логический ряд внезапную кучу денег в моем кармане, Григория с занятым ртом, а также улыбающегося Витьку, стоявшего рядом с бензопилой в руках. Впрочем, учитывая паталогическую витькину жадность, или как он говорит "бережливость", можно объяснить многие загадки в этом мире… А если учесть витькин дар незаметно менять судьбы людей на расстоянии и во времени, то вся отечественная экстрасенсорика тихо скукоживается на глазах, бледнеет конструктивный психоанализ и на поверхность бытия всплывают тайны человеческого подсознания. Ведь Витька, этот неуемный творец-разрушитель, покруче любого телепата: вот, к примеру, этому Григорию в корне жизнь изменил. Кардинально. Можно сказать, наизнанку вывернул. Григорий, он же Жорик, ко мне обратился пару месяцев назад за профессиональной помощью. Это его Патефоныч направил:

– Валдис, там к тебе мой корешок подъедет. Совсем не

бедный. Надо ему ремонт забульбенить. У него трехкомнатная на Корзо в Ужгороде… Там Славик взялся поначалу, но, как всегда, бабосы сдернул и в сторону… Нужно помочь, типа. Только ты ему поменьше вопросов задавай – здоровее будешь.

– Ноу проблем, – отвечаю,- любые пожелания клиента претворим в реальную жизнь. Закочевряжим хату по полной, Патефоныч, и будет твой дружбан пребывать в нескончаемом восторге.

На следующий день встретились в Росвигово, сижу в Тойоте Прадо, складки на затылке у клиента считаю. А клиент, веселый такой дядька лет пятидесяти, в цветастой рубашке и красных шортах, подбородок на руль положил и волосатые ноги чешет:

– Твою работу видел, дизайнер, у Патефоныча. Понравилась. Хочу дома такую же красоту создать. Сколько будет проект стоить?

Я на затылке у него семь складок насчитал, говорю задумчиво:

– Семьсот долларов… и половину вперед.

– Да что мы – дети? – смеется,- зачем половину? Я тебе сразу все заплачу.

Вытаскивает из целлофанового пакета жменю американских денег. Семь купюр выдернул:

– Держи, только не пропади…, а то дал тут одному мукачевскому Славику три штуки – до сих пор прячется.

Поехали в Ужгород квартиру смотреть. Я "полтора брата" с собой прихватил, Йончика с Витькой – место для будущего подвига показать.

Жора ходит по квартире, руками машет, брызжет мозговыми полюциями:

– Хочу,- брюликами в часах сверкает,- побольше гранита: На подоконниках, в прихожей, в ванной…

– Так он фонит, -предупреждаю, -лишняя радиация нам ни к чему.

– Мне уже как то пакарабана, – отмахивается, – детей вряд ли буду делать…эх, бабы… теперь для моего хорька нужна хорошая приманка. К тому же у меня под Житомиром начальник карьера – мой фронтовой товарищ. Ему зеки на шару напилят этого камня сколько хочешь.

Принялся я квартиру обмерять, правда, пришлось Витькину рулетку взять – мою заклинило. Ну я, понятное дело, человек экономный – не могу старую рулетку выкинуть. Но Витька,

жадная тварь, мог бы уже новую себе купить. Он, еврейская душа, своей рулетке на ленточной пиле внезапное обрезание сделал, так и таскается теперь с укороченной. Правда, Витька, хоть и жлоб, но честно предупредил:

– Шеф, там в начале десяти центов не хватает. Отпилил случайно. Ты в уме добавляй.

Рисую план квартиры, размеры пишу, в уме сантиметры недостающие плюсую. "Все пучком-торчком, – думаю, – наконец то хоть немного бабла подкосим, а то уже полгода без капусты кукарекаем…"

На следующий день Жорик за мной на джипе прикатывает:

– Собирайся, дизайнер, – говорит, -поехали гранит заказывать.

– Так я ж еще проект не нарисовал… Только творческую концепцию искать начал…

– По пути нарисуешь. Надо теперь ехать, а то меня потом две недели не будет. Срочный заказ.

Прыгнул к нему в машину, чуть очки на сидушке не раздавил, даже не успел кофе хлебнуть. Да ладно, по дороге выпьем. Первым делом я за Витькой-подсобником заехал – надо же кому то образцы гранита в кузов складывать. Поднялся на этаж, давлю кнопку звонка. После короткого шуршания дверь открылась и на пороге явился Витька. Морда у него была сплющена как то сбоку, на красной щеке красовалась прилипшая пивная крышечка, а спортивные штаны были в свежих мутновато-белесых пятнах. Глаза закрыты.

– Витюха, дружок, – шлепаю его легонько по щекам, – Проснись, милый. Я понимаю, ты сейчас у черты самопознания и пал к корням экзистенциализма, но надо ехать. Свои юношеские опыты завершишь потом, -бью сильнее. – Проснись, падла! Идем гранит грузить!

Витька что то промычал, поднес руки к носу и понюхал пальцы. "Ну все,- думаю, -кранты. Если Витька понюхал пальцы – полный амбец."

А я Вам скажу, нюханье витькиных пальцев – это очень плохой знак. Это начало конца и конец апокалипсиса одновременно. В прошлый раз он так же понюхал пальцы и через полчаса росвиговский рынок сгорел дотла. Пальцы пахли керосином – я их тоже нюхал. Или вот недавно – понюхал Витька свои отростки и на тебе – грянула помаранчевая революция… До сих пор разгребаем… И так у него с детства – нюхнул щупальца и сразу во дворе на пару алкашей стало меньше, а у соседа по

площадке на одну судимость больше. Плохая примета.

– Значит так, Виктор, – говорю я осторожно, – пожалуй, я сам поеду гранит таскать, а ты с Йончиком оставайся. Квартиру к ремонту готовьте, обои старые со стен смывайте. Только соседей не затопите… да, и это… дай сюда свою обрезаную рулетку. Мою заклинило чего то. И смотри, наломаешь дров – убью тебя как туркмен верблюда.

– Как это?- Витек один глаз разлепил.

– Сделаю надрез под третьим ребром, просуну руку и крепко сожму твое гнилое сердце. Буду держать, пока не перестанет биться. Умрешь от аритмии. Всосал методику?

– Все будет джуки-пуки, шеф. Не трепыхайся почем зря. Замочалим хату по взрослому.

Запрыгнул к Георгию в джип,… опять очки, бля… говорю:

– Витька с нами не едет. Нельзя ему.

– А что такое? – Жорик удивился.

– Он пальцы понюхал, – отвечаю. -Два раза.

– Ну и что?, -хмыкнул Жора и тоже, гад, понюхал пальцы,- Мылом пахнет.

"Еще один нюхатель нашелся, -злюсь мысленно,- эх, вернуться бы живым домой…"

Жорик темные стекла поднял и как чесанул по горным серпантинам, трындец… я два раза успел с жизнью распрощаться. Сто семьдесят минимум шпарил. Пока до Нижних Ворот доехали я чуть не обкакался, а потом мне все как то фиолетово стало – расслабился, качусь на кожаном диване, кондишен холодом обдувает, с носа сопли текут и в голове мысли вертятся: "Убьемся…ну да все равно…, хорошо что деньги жене оставил, полгода протянет как нибудь."

Идем на сверхзвуковой, шансон мурлычет и гайишники в стороны шарахаются. Под Красноармейском один сержант остановил таки – вышел прямо на асфальт посреди шоссе и полосатую палочку прямо в лобовое стекло ткнул.

– Опасного преступника конвоирую, – Георгий синюю корочку с золотыми письменами дал и на меня показывает.

– Почему он у Вас без наручников, товарищ полковник?, – мент интересуется.

– Если дернется, застрелю, нах…, -Жорик черный ствол из под сиденья достает.

– Счастливого пути, разведка, – гаишник под козырек взял.

На закате солнца прикатили в житомирские карьеры. Там Георгия уже старый друг ждал: под навесом на клеенку пару бутылей водки выставил, сало нарезал, картошки в масле принес. Ну, если русские после первой не закусывают, то русские украинцы не закусывают совсем. Только занюхивают.

Сидим, лечим водкой мой насморк, занюхиваем салом, а Жорик былые подвиги вспоминает. Примерно к концу второй бутылки у меня пропали сопли и нарисовалась биография клиента. Оказывается, он еще в перестроечные времена, будучи майором внешней разведки, помог в Чуркестане какому то чингизу на трон взойти. Ну, не сам конечно, с подразделением "Альфа"… Так вот, после инаугурации новоиспеченный президент в порыве чувств одарил Георгия эшелоном верблюжьих шкур и дал зеленый свет до Чопа. Наш разведчик не щелкал клювом: шкуры обменял в Венгрии на несколько вагонов хорошего токайского вина, вино загнал в московские рестораны, поднял бабла немеряно и теперь не знает куда деньги грамотно воткнуть. Вот, решил новую квартиру облагородить.

На московских ресторанах мы уже допивали третий флакон шайтан-кумыса и должны были перейти к обсуждению особенностей чешской планировки квартир тридцатых годов… Но меня почему то взяли под руки и отнесли в большую комнату с тюлями на окнах. Насморк исчез и вместе с ним пропал мой голос. В ушах гудела ирландская волынка, визжали скрипки и дребезжали бубенцы…

Я лежал на замусоленом диване когда стены вдруг сдвинулись и мебель ритмично закружилась по комнате. Тюлевые шторы задевали мою голову и в отрывном календаре, летящем на тумбочке, я пытался разглядеть рецепт горохового супа …Так, набирая скорость, комната вертелась всю ночь и лишь засветло эта карусель прекратилась.

Обнаруживший меня поутру Жорик, почесал сначала ноги в красных шортах, потом поискал пульс у меня на шее. Затем поднял меня с влажной простыни и перенес утомленное алкоголизмом дизайнерское тело на переднее сидение джипа. Одел на меня свои черные очки:

– Поехали гранит выбирать, архитектор. Я буду образцы показывать, а ты глазом моргай. Если раз моргнул – значит "да". Два раза – "нет". Понял?

Я моргнул один раз: Хули тут спорить, все равно речь отнялась, лежу как корнеплод на грядке, даже губы не слушаются… Организм полностью перешел в вегетативное состояние и атрофировался. И ладно бы только губы, а то ведь и

сознание какое то перфорированое стало: вроде бы все помню, но отдельные фрагменты выпадают. Вот вижу – Жорик в красных шортах за рулем Тойоты сидит, а зачем – убей не помню. Еще всплыл в мозгу роскошный бюст учительницы французского, однако город, в котором я нахожусь – напрочь выбило из головы. Ну, еще вспомнил, что я дипломированый архитектор… ага, значит приехали что то построить… Или сломать, один хрен…

Покатили по карьерам, ну там, Маславский, Богунский, Белогорский… все изъездили. Я полный багажник образцов наморгал. Остался Лезниковский карьер, едем туда.

На входе охранник встречает, видать служивый – плечи в наколках: ВДВ-78 и прочие тигры с розами. Бегает вокруг джипа, куски камня подносит, а я левым глазом подмигиваю изредка.

Вдруг этот десант разрисованый хватает моего Жорика за руку и тянет в шаткий сарай, мол, сейчас покажу штуку одну невиданной красоты. Пару минут из сарайчика доносятся возгласы восторга, потом к машине выбегает Георгий. Хватает мою, вернее, не мою, а витькину рулетку и бежит что-то мерять. Затем пулей выскакивает обратно, из целлоффанового кулька пачку долларов отслюнявил и джип свой к сарайчику задом перестроил. Гляжу в зеркало: татуированый с подельниками в багажник каменюку офигенную запихивают, а Георгий счастливый как юный жених скачет рядом, покупку пенопластом обкладывает.

Оказалось что купил он резной камин из серого камня. С гранитными русалками на фасаде. Десантник его три года выпиливал, теперь толкнул удачно.

Отъехали из карьеров, Жорик жмет на Ужгород и радуется:

– Вот удача, Валдис, как раз в размер попал. Ровно метр десять ширина. У тебя там в проекте ниша нарисована промеж колонн, метр двенадцать записано: я глянул – четко встанет!

"Хер там у тебя встанет,- думаю, – ты же, разведка, десять центов с витькиной рулетки не отнял… Я ведь моргал как мог, да хули теперь – недоморгал… Загрузили, едем."

Вернулись в Ужгород, я постепенно из мешка картошки опять в социальный элемент превратился: членами овладел, голос вернулся, правда, слабый. Витька с Йонасом сразу бросились камин выгружать, жилы рвут, каменюку на второй этаж тянут. Ну, я, само-собой, помочь им никак не мог, поэтому меня Жорик по-тихому вернул прямо к жене в объятия.

Поутру просыпаюсь от звонка. Жорик звонит в недоумении:

– Архитектор, друг, поясни такой феномен: принесли этот камин в квартиру, а он, сволочь, в нишу не лезет… Восемь сантиметров лишних торчит. Теперь голову ломаю; то ли квартира усохла, то ли камин разбух. Загадка века, бля…

– Приеду, разберусь, – слабым голосом отвечаю, – только не вздумайте, Георгий, нишу разбивать – весь дом завалится к ядрене-фене… Там несущие колонны в стальном бандаже все перекрытие держат. Похоже, придется Вашим русалкам гранитные сиськи ампутировать.

Два дня мозгами скрипел, как бы этот камин фантастический в нишу засунуть так, чтобы чешский дом в центре Ужгорода не завалить, но верно сказано: нельзя выдавить невыдавливаемое и вжать невжимаемое. Никаких вариантов, хоть плачь… Вдруг Жорик прикатывает, светится от счастья:

– Валдис, поехали со мной, – ладони потирает, -я такое место своим русалкам нашел!

Качусь в Ужгород, а в мозгу воспаленные мысли бродят: "либо нишу раздолбал, дурачок,… либо в спальню своих девок каменных сунул, но там же места нет, фиг к постели проберешься."

Однако, как оказалось, Жорик нашел гениально простое решение: он квартиру продал каким то чучмекам и сразу купил новый дом на Авангарде. Огромный домяра с двумя гаражами и бассейном. А гостинная такая, что четыре камина можно поставить. К тому же самопроизвольно разрешилась проблема с забитыми дымоходами в предидущей квартире: Витька, этот питекантроп, туда мусор и остатки гипсовой шпаклевки сбрасывал, лень было на улицу таскать. Ну, они и забились до верху. Хорошо, хоть соседей не залил, подсобничек хренов.

Пришлось интерьерами дома заняться. Хули, я же бабки взял вперед, теперь не отвинтишься. Полтора месяца с Йончием и Витьком повкалывали, но ремонт закончили. Красота получилась несказанная: стены травертином одели в цвет слоновой кости, шведский паркет из нигерийского зебрано, карнизы в кракеллюрах, вишневая мебель в буйволовой коже, люстры с орлиными головами да канделябры позолоченные, лиловые портьеры с кистями и бахромой, а посреди этого благолепия царит гранитный полированый камин с хвостатыми русалками на фасаде. И, то ли от этих девок каминных, то ли от вина токайского, но у Жорика вдруг мужская сила появилась – стала у него одна мамзель отираться с серьезными планами на жизнь. Вежливая такая фифа, все время нас кофем угощает с печеньем.

Вроде Анжелой звали, не помню уже.

Дело подошло к свадьбе. Жорик внезапно захотел жениться и торжества были назначены на субботу. То есть на завтра. Мы как раз закончили свою работу, Георгий был доволен и со мной щедро расчитался. Собственно, это и объясняет факт наличия в заднем кармане моих брюк двенадцати тысяч долларов. Приглашенные гости, а это были его старые друзья-туркмены в цветастых стеганых халатах, сидели в гостинной на ковре и кормили друг друга изюмом. На смуглых лицах были белоснежные улыбки, а пальцы искрились от обилия алмазов в перстнях из белого золота. С туркменами также был молодой немецкий инженер – он приехал в Ужгород осматривать газовые системы. Дело в том, что Георгий только что удачно воткнулся в газовый бизнес и теперь подвязался поставлять туркменский газ в немецкие поселки. Стал ключевым звеном, так сказать, между Европой и Азией. Думаю, и свадьбу он затеял с тем, чтобы свести воедино нужных ему деловых людей. Теперь он приводил в порядок двор : косил траву, спускал из бассейна грязную воду и ходил по саду выискивая засохшие деревья. Похрамывая, утром Витька уронил Жорику на ногу тяжелый пакистанский комод икрустированный перламутром, внешний разведчик внимательно осматривал каждое дерево. Возле пасеки, она Георгию досталась с домом, он обнаружил старую вишню, которая никак не вписывалась в идиллическую картину предстоящей семейной жизни. Было принято волевое решение немедленно спилить дерево.

– Валдис, -сказал мне Жорик, массируя поврежденную стопу,- зови сюда своего Витьку. Будет вишню пилить. Только не ори – пчелы тишину любят.

– Э-э-э нет, Витек и пчелы – понятия несовместимые. Это как говно и мед. Вроде жидкое, но пахнет по разному. Лучше, Георгий, я сам помогу. А Витька пускай пока Вашу сломаную бензопилу посмотрит. В моторах он разбирается неплохо, – сказал я, втайне надеясь, что Витька отхерячит себе часть тела и навеки станет инвалидом. И тогда я заживу спокойно.

Тем временем Витька качался в гамаке у сарая и сосредоточенно ковырял в собственном носу. Вытащит медузу на пальце и рассматривает изумленно на солнце минут пять, мол, как же я сложно оказывается устроен. Рядом с ним сидел немецкий инженер и терпеливо объяснял принцип работы ультразвуковой рулетки. Коробочку с надписью "Bosch" немец бережно держал в руках и тыкал в ней разные кнопочки. Рулетка

изредка пищала и показывала цифры.

– Ну, давай, архитектор, – оживился Жорик,- ты пили потихоньку, а я буду ствол палкой придерживать, корректировать траекторию падения, чтобы он на маточные ульи не упал.

Жорик взял лежащий у сарая здоровенный дрын и уперся им в крону дерева. Мобильный телефон он взял в рот, потому что в трусах, а Жорик был одет по летнему элегантно – трусы и часы, не было карманов. Класть же Нокию последней модели на влажную траву он не хотел.

Я стал неспеша елозить по стволу ножовкой. И, то ли размеренный звук пилы, то ли тихий гул пчел, но я медленно вошел в состояние трансцендетального идеализма – погрузился в себя полностью и впал в медитацию… И в тот момент, когда я размышлял о тонкостях субповерхностного свечения предметов и анизотропной фактурности бликов, вдруг неожиданно сзади прозвучал чей то голос. Я сразу даже и не понял, что это говорит Витя.

– Шеф, ты че тут пилой мурыжишься, -весело сказал Витька, – отойди-ка, щас я мигом эту вишенку чвикну.

В руке Витя держал отремонтированную бензопилу. Я вопросительно глянул на Георгия и тот, сжав зубами телефон, что то яростно замычал и закрутил головой.

– Одобряет,- сказал Витька и взревел мотором.

Сделав профессиональный надрез до середины ствола, Витька переступил на противоположную сторону и хотел было опустить вишню прямо на дико вращающего глазами Жорика. Но не успел. Пчелы, возбужденные ревом пилы и бензиновой вонью, повылетали из ульев и угрожающе загудели вокруг Виктора.

– Бля, нервные твари,- отмахивался Витька от пчел бензопилой и одна чуть его не укусила, – ну их в задницу, шеф… Короче, я помог как смог, ты тут остальное сам допилишь…

С этими словами Витька бросил бензопилу на траву и стремглав кинулся к Тойоте разведчика, стоявшей у гаража. Жорик зарычал. Он из последних сил удерживал дрыном старое дерево и, похоже, торопился его положить между ульев. А так как Витька скрылся на горизонте со скоростью комсомольца, страдающего поносом, то пчелы набросились на меня. Хотя, это странно: я то вел себя тихо и ничего плохого никому не сделал… так хрен им объяснишь… Одна укусила меня в шею и тогда я, не желая Жорику зла, бросил ножовку и шустро ломанулся к Витьке в джип. Вишня тихо скрипя наклонилась на Жорика. Убегая, я

услышал как хрустнул телефон в его зубах. Вокруг зудели разъяренные пчелы, а я с подсобником сидел на передних сиденьях Тойоты и словно в широкоформатном телевизоре наблюдал как Георгий пытается резкими выдохами избавиться от насекомых, лезущих ему в ноздри.

На теле у внешнего разведчика появились первые малиновые пятна. Руки у Жорика дрожали от напряжения. Сухая вишня медленно, но уверенно кренилась на пчелиные семьи.

– Витька, сын шакала,- схватил я подсобника за горло, – сейчас разведка прорвется через ульи и хана – твой жизненный цикл резко сократится. Станет ярким, но короким. Как у полевой мышки.

– Не сцы, шеф, – Витька легонько попробовал разжать мои пальцы, – Жорику пчелы только на пользу пойдут. Ты знаешь какие у них укусы лечебные? Вот у меня сосед, дядя Петя, тоже так излечился… Прикинь, как то в деревне копал глубокий колодец, метров десять уже выкопал, только разогнулся вина хлебнуть, вдруг – хлоп! – сверху на него свинья упала. Она, падла, нажралась виноградного жмыха у старого преса и захмелела слегка. Пошла, видать, посмотреть что это там хозяин внизу колупается, подскользнулась и прямо на него. И что интересно, так удачно слетела – точно на железный лом, дядя Петя его как раз в левой руке держал. В правой у него бутылка с молодым вином была. Так этот лом вошел свинье в глаз, а вышел через жопу. Виртуозный прыжок. В цирке такого не увидишь. Хорошо, что нетрезвая была, похоже, даже не сообразила по пьяне что с ней приключилось. Ну и дядя Петя, конечно, пострадал – левую руку отшибло и позвонки перекосило… Достали его из колодца, положили на траву, бутылку из руки еле выдрали – мышечные спазмы, йошкин кот… И вот, шеф, такая ситуация нехорошая: тетя Лида в истерике, хули, колодец не выкопан, нетрезвая свинья мертва, муж сломлен и пьян одновременно, трава не кошена, скот не доен, пчелы разлетелись…

– Ты на хрена мне это рассказываешь, гнида?- я сжал крепче витькино горло и перевел взгляд на полковника разведки, плюющего в пчел, летающих у его носа.

– Я к тому, шеф, что они, пчелы, всегда на пользу, – Витька побагровел и стал слегка хрипеть, – они то дядю Петю и вылечили. Он сидел как то под навесом, дыню кушал. Ходить не мог, спину перекосило, так тетя Лида его каждое утро на улицу выносила, а сама шла огород копать. Он то не мог – все болит, жалуется, мол, даже волосы на голове болят, а сам дыню жрет с кожурой. Похоже, только зубы у него и не болели… И вот, на эту

дыню с соседней пасеки пчелы слетелись. А может и не пчелы, не важно… Ну, дядя Петя, само собой, их отгонять стал, дует на них, прям как Жорик сейчас на своих. А те намека не поняли и стали дядю Петю кусать. И тут, шеф, однозначно, пчелы целебное действие возимели – после десятого укуса дядю Петю со скамейки как ветром сдуло – восемьсот метров до гастронома (я знаю – бегал) пробежал меньше чем за минуту. Мировой рекорд. И это босиком, без кроссовок и с дыней в руке. Вся деревня была в восторге, а тетя Лида как обрадовалась! Сразу ему лом в руки и вперед, иди колодец докапывай… Так что, расслабся, шеф, скоро Жорик будет как новенький. Главное, после укусов жало отсосать…

– Вот, этим ты, Витька и займешься. Будешь у Жорика после укусов жало отсасывать. Если выживешь, скоти…

На этом моя речь оборвалась, потому что снаружи раздался невероятный хруст и вишня, словно по команде, рухнула прямо на маточные ульи. Несколько пчелиных домиков разлетелось в щепки, поднялся столб пыли и пару секунд оттуда доносилось только жужжанье, рычанье и треск. Затем из этого облака, как в замедленном фильме, грациозно вырвался Жорик. С легкостью молодого оленя Георгий перескочил через кусты роз и с разбега, прямо с мобилкой в зубах, прыгнул плашмя в бассейн. Он не хромал. За ним двигалось гудящее облако насекомых.

– Видишь, вылечился!… а интересно, шеф, – спросил Витька, – в бассейне вода осталась? Или он всю откачал?

– Иди посмотри, потом расскажешь.

– Да я, шеф, еще тут посижу. Куда спешить… пусть Жорик отдохнет, …но заметь, бежал он как новый…

Спустя пару часов, вечером, мы сидели на террасе и пили немецкое пиво. Напротив сидел разноцветный Георгий. Лицо у него опухло от удара о дно бассейна – воды там было по щиколотку. Одна сторона была лилово-зеленая и с заходом солнца становилась благородного синего цвета. Правое ухо было, как у всех, розовое, а левое почему то коричневое. Надеюсь, это был ил. На желтых плечах красные укусы пчел очень точно воссоздавали рельеф дунайской равнины. Невеста, стоявшая сзади, заботливо растирала спину Жорика слезами, капающими с ее глаз и водкой, которую он жадно пил прямо из горла. Йончик паковал инструменты в катафалк. Витька пикал бошевской рулеткой. Из гостинной доносился сладкий дымок – это туркмены курили траву. Им сказали, что у славян принято перед свадьбой

испытывать жениха на прочность, традиция, йоптеть, так что обошлось без международного конфуза. Только немецкий инженер куда то пропал…

На обратном пути я, щупая деньги в кармане, увещевал Витьку:

– Видишь, Виктор, если б не твоя поспешность, был бы жених цел и здоров. Нас на свадьбу пригласил бы… А ты, подлец, все испортил под конец. Не можешь без фокусов. И главное, все это из-за твоей кастрированной рулетки.

– Насрать на свадьбу, шеф. Я, если захочу, и без приглашения прийду. А насчет рулетки – это да… Надо модернизироваться, – Витька достал из кармана ультразвуковую рулетку и пикнул кнопочкой, – я вот с немцем поменялся. Ну, типа, как футболисты после матча футболками меняются. А мы ж не футболисты… вот, рулетками обменялись. Правда, я забыл ему сказать, чтобы он в уме десять центов добавлял… впрочем, хули там, сам догадается… как никак, немецкий инженер, йоптеть.

Я снова пощупал деньги через ткань, как бы не веря что это не сон, а Витька поднес руки к лицу и понюхал пальцы… И я совсем не удивился, что в эту зиму Германия, да что там Германия, пол Европы осталось без туркменского газа.

Yodli

*фрагмент.

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204041668

Передача данных

И все же, как изменился мир: взять к примеру, простой процесс – обмен информацией. В смысле, передачу данных о человеке. Раньше было элементарно: хочешь оставить свой след потомкам – закажи портрет у художника. Либо скульптор слепит бюст. Кто побогаче, тот в полный рост и на коне может себе гобелен позволить. Кому вовсе денег не жаль – тот в групповой композиции на потолочных фресках остался. Для людей попроще – петроглифы и наскальная живопись.

А теперь все изменилось. Ну, книгопечатанье я еще могу стерпеть – сам писатель после стакана водки, а вот цветная фотография, интернет и прочие высокие технологии – это перебор. Загадили все вокруг цифровыми данными, просто тошно.

Особенно меня возмущает фри-вай-фай и бесперебойный протокол сети… йолки, язык можно вывихнуть… Так вот, я решил бросить вызов всему этому буйному разгулу информационных потоков и возродить древние методы передачи данных.

В конце-концов, я ведь тоже носитель информации… в смысле, не я, а моя хромосомма. По крайней мере, так ученые по телевизору твердят. Вот я и решил свою хромосомму внедрять в массы, так сказать, идти в народ вековыми тропами. Начал со

своего двора и не ошибся – через пару лет все окрестные девушки сделались мамочками. Со временем мастерство растет: уже весь двор в белокурых ребятишках, вот только с соседкой по площадке, Екатериной Матвеевной, никак не состоится результат. Сколько я к ней в информационный портал не тыкался, все бесполезно, похоже она уже из репродуктивного возвраста вышла – шестьдесят восемь лет, как-никак. Хотя, сам процесс ей нравился, до сих пор меня на травяной чай кличет.

Так вот, принялся я себя плодить. Ибо не плодить себя – грех. Будь я кособокий карлик с кривыми ногами, тогда другое дело – сидел бы в двоичном коде и не рыпался, но ведь я красив как бог: рост – метр девяносто восемь (в кедах – два метра ровно), синие глаза, белые кучери везде, кубики на животе играют и спортивные икры в гольфах. Гляну на себя в зеркало – сразу хочу размножаться. Ну, и девчонки тоже не против такого обмена опытом.К тому же девушки у нас, на Украине, простые, без лишнего жеманства. Я как встречаю симпатичную, сразу ее спрашиваю:

– Хочешь белокурого мальчика с хорошими рефлексами?

– Угу, – кивает головой.

– Ну, тогда готовься к передаче данных. Сейчас залью тебя генетическим потоком.

И так я наловчился юным девам свои хромобайты впрыскивать, что просто до конфуза доходило. Пошел в городском бассейне поплавать, вдруг рядом какая то девица захлебываться начала. Ну я, само-собой, кинулся спасать – снизу поднырнул и свой модем ей по самую базу данных засунул. Она сразу всю воду из легких выплюнула… хех, Вы бы мой модем увидали, тоже глаза на лоб вылезли бы… Помните стекляные бутылки из под кефира? Так вот…сантиметров тридцать, не меньше во время обмена информацией. Короче, из бассейна девица вылезла уже будущей мамой. До сих пор помню ее благодарный взгляд.

Или вот, к примеру, возвращался из Одессы поездом домой. В вагоне женская сборная по волейболу ехала. Ну, и у меня в купе три волейболистки разместились. Я сразу без предварительных ласк и спрашиваю:

– Девчонки, а стране нужны белокурые волейболистки?

– Нужны,- улыбаются.

– Тогда записывайтесь в очередь. У меня специально для Вас лучшие хромосоммы припасены.

Две сразу согласились, а третья что-то пробурчала и на верхнюю полку полезла.

"Ладно, – думаю, – не хочешь стране спортсменов давать – хрен с тобой."

Всю ночь я этим спортсменкам информационный поток сливал. Модем перегрелся, а им все мало. Лишь под утро успокоились. Только чай принесли, тут третья с верхней полки слезает. Выспалась и чаю хочет. Ну я, типа, помогаю ей спуститься, только вот она неудачно оступилась и своим широкополосным скоростным каналом прямо на мой модем и соскользнула. Лишь ойкнула спросонья. А те две внизу зааплодировали, мол, мастер я каких еще поискать надо. Жаль, в олимпийских играх этот вид спорта не прописан, а то без медали не остался бы…

Вернулся я домой и сразу на международный симпозиум по защите информационных данных. Какая то итальянская фирма его замутила, а мне же интересно чем это они свои данные придумали защищать. Брожу по залу, вокруг полно незаполненных ячеек памяти… Подхожу к одной со свободными яйцеклетками:

– Синьорита, у меня для Вас есть важная информация. По передаче данных.

– Как интересно! – говорит.- Поделитесь, коль не жаль.

– Ну, не при всех же, – отвечаю, – предлагаю уединиться.

Приехали к ней домой, Марина (так ее звали) в душ пошла, а я на кухне чай с коньяком пью. Готовлю организм к сбросу хромосомм. Вышла Марина полотенцем обвязанная, а я уже в полной боевой готовности – сижу в одной майке со стаканом в руке и модем пульсирует. Да, а майку я никогда не снимаю, после армии в ней даже в бане парюсь. Вот такой я стеснительный. Короче, эта Марина на мой трансфокатор взглянула и сразу полотенце с себя стряхнула. Ну, у нее тоже антенна для 3g модема … хех, есть за что подержаться, давно таких не видал. И точка доступа очень чувствительная оказалась, как раз моя частота данных. Словом, полились в Марину хромобайты густой струей, лишь брызги на белье летят, а она стонет:

– Ну, Петенька, давай… еще, родимый…Петруша…

– Что за Петенька?,- спрашиваю, – при чем тут Петенька? Меня Валдис зовут…Зачем нам Петенька?

– Ускоряйся, Петенька, – лепечет и сама за спину мне глядит.

Я обернулся и занемел – в дверном проеме какой то шкаф небритый стоит и с неподдельным интересом за научным процессом наблюдает. Меня с Марины как ветром сдуло, пытаюсь мимо Петеньки в проем скользнуть, бормочу, типа, забыл дома овсянную кашу с плиты снять. Сгорит на хрен вместе с квартирой. Но Петенька оказался ловкий парень – пузом меня к дверному косяку прижал и стальными пальцами за мошонку ухватил. Не пускает, мол, залазь обратно на Маринку – закачка незавершена.

Вот, попадалово, братцы, вариантов всего два – елозить дальше по Маринке либо петь фальцетом в городском хоре. Ну, когда Вас держат холодными руками за яйца поневоле выберешь первый вариант. Парень явно не шутит: оторвет базу данных вместе с семенными железами и в форточку выбросит. А я ж не пересохранился… Довелось на Маринку вновь карабкаться. Только модем обмяк от волнения.

– Надо спиртом протереть, -говорю,- тащи, Петя, с кухни коньяк.

Не успел Петя на кухне скрыться, как я уже мчался вниз по лестничной клетке. Хорошо что ночи у нас теплые, таксисты добрые и майка на мне была: так и бежал по улице как волк из мультфильма с майкой на коленях. А ведь, упаси Господи, зимой мог бы и заморозить базу данных.

После того случая решил я более обстоятельно к собственному размножению относиться.

Хватит по случайным порталам и форумам шастать – пора свой сервер завести, пока вирус какой не зацепил. Собираюсь жениться.

Так что, дамы, кто желает иметь серьезные отношения с целью внедрения хорошего генетического кода – я готов. Мой адрес можете взять у модератора по форуму.

С уважением, Ваш Валдис Йодли.

2011 год.

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21205150707

Подлокотник

Вот иногда гляну на себя со стороны и сам себе поражаюсь – до чего я совершенен. Я не про внешность в этот раз. Про внутреннюю гармонию.

За что ни берусь – все довожу до идеала. Наверное, во мне где то японская кровь течет. С дедом все понятно – он был столяром в Севастополе, а вот бабушку, похоже, с Окинавы занесло. И это стремление к внутреннему равновесию, видимо, по наследству передалось. Такой я взаимоуравновешенный, что на меня кто ни глянет, сразу говорит – "инь-янь". Только жена путает буквы – "хрень-дрянь" называет.

Причем, вот эту внутреннюю гармонию я в себе совершенно случайно обнаружил.

Как то делал интерьеры одному стоматологу, Эрику, да я о нем рассказывал уже… так вот, выбрасывал Эрик старую мебель на свалку (ему новую из Италии привезли) и среди мебели был диван старинный. Резной диван из мореного дуба.

– Эрик, -говорю,- ты чего, сознанием пошатнулся? Куда такую красоту выкидываешь?

– Да он старый уже, рассыпается. И подлокотник один отломан. Хочешь себе – забирай.

– Хочу, конечно,- сказал я и забрал.

Приволок домой этот диван. По дороге он растрясся

маленько, пару ножек отвалилось при выгрузке. Витька с Йончиком помогли антиквариат в подвал снести. А жена недовольна:

– Опять рухлядь со свалки притащил. С молью и тараканами. И так места в доме нет, теперь еще куча мусора в подвале появилась.

– Жена, не бухти , – унимаю любимую, – ты всмотрись повнимательней – антиквариат! Какая симметрия и плавность линий! Мореный дуб, резьба в стиле имперского барокко, позолота…. была. Настоящие пружины… Тут только подлокотник новый вырезать, всего делов то… у меня же дед – столяр. Работы – максимум на две недели.

– Ну-ну, -головой покачала, – хочу посмотреть на результат, внук столяра.

И так это она со скрытой иронией произнесла "внук столяра", что я заподозрил будто она сомневается в моих столярных возможностях.

"Хорошо, – думаю, -я тебе еще докажу что я не только внук столяра, но и гармонично развитая личность. И люблю все доводить до конца. Вот починю диван, ты же меня на нем и отблагодаришь."

На следующее утро я направился в хозяйственный магазин. Купил набор немецких стамесок и рулон наждачной бумаги. Кусок мореного дуба мне друг Вася подогнал. Говорит, рабочие подняли со дна реки у старой плотины когда русло расчищали. Но я то знаю, что он его в краеведческом музее спер. На вид дубу лет двести: черный снаружи и внутри. А твердый, гад… Это я уже потом осознал, когда принялся по нему стамесками ковырять. Две стамески сразу погнул и одну в штопор закрутил.

Звоню Ваське:

– Слышь, Василий,- злюсь в телефон -ты чего мне подсунул!? Это же не дуб, а железное дерево, какое то. Я об него три "штаеровские" стамески загубил.

– Ну ты, Валдис, еще пластмассовыми ложками резал бы, – смеется, – немецкие стамески – это китайский пластилин сделаный на берегах Хуан-хэ руками вьетнамских рабочих. Ими даже линолеум резать не получается. Там металла меньше чем у меня в почках. Не инструмент, а отходы человеческой жизнедеятельности. Любой уважающий себя столяр работает коваными стамесками ручной работы. Ковать надо.

Начали мы стамески ковать. Соорудил я в подвале кузню небольшую, Васька мне вентилятор для поддува организовал, наковальню в бочке с песком укрепили, горн соорудили. Ведро с маслом. Куем.

Три дня ковали, кучу подшипников перевели – а результат хреновый. Поковки либо лопаются, либо гнутся. Никак золотую середину нащупать не можем. Не складывается гармония. И будущий подлокотник уже пылью покрывается.

– Так дело не пойдет, – говорю,- надо, Вася, опыт у профессионалов перенимать. Сознание расширять… Кстати, насчет сознания, … там пиво еще осталось?

Стал я по интернету рыскать. Прописался по разным сайтам, втерся в доверие к мастеровым и стал у них секреты кузнечного мастерства выуживать. Поначалу нихера было неясно: какие то там зоны горения, терморежимы, ликвационные волокна, отжиги и отпуски, дикий дамаск… черт ногу сломит.

Полез я в справочную литературу.

Обчитался книжек по материаловедению до потери сознания. Жена говорит, что засыпая я Васю звал и два раза ночью вскакивал с криком : "Вынимай пакет из горна – горит уже!". А под утро плакал во сне от того что флюс кончился.

Однако, несмотря на побочные явления, через какое то время я был уже близок к совершенству: легко варил многослойный дамаск, знал основы термообработки металлов назубок и даже на форумах раздавал советы начинающим. Правда по кузне было сложно передвигаться от количества пивных бутылок и когда я вышел на поверхность, то обнаружил, что жена на восьмом месяце беременности. Говорит, что это случилось когда мы с Васей первый клинок калили. Еще говорит, что если бы не лопнувший унитаз в туалете, то она бы чувствовала себя белой госпожой у которой живут два негра в подвале. А выглядели мы, действительно, как два негра. И помыться негде – душ месяц назад как сломался. Жена еще донимает, мол, надоело под яблоней какать и мыться у соседей – пора бы сантехнику починить.

– Твои сантехнические проблемы нарушают мое душевное равновесие.- отвечаю. – Я только ступил на Путь Мастера, а ты с

лопнувшим унитазом. Не мешай совершенствоваться, женщина.

И опять нырнул в подвал.

К тому времени я овладел всевозможными приемами ковки: ковал по-японски – стоя на коленях в белом халате и качая ногой меха. Правда, потом отказался от этой техники потому что халат быстро испачкался. Я его у жены на время взял, а стирать негде. К тому же Вася иногда промахивался и бил меня кувалдой по шее, чем сильно искажал мой внутренний баланс. Было больно. Затем я принялся ковать в непальской манере – держа заготовку между пальцев левой ноги и стуча мелким молоточком. Вася тем временем голой пяткой счищал окалину с раскаленной заготовки. Но этот способ мы тоже забраковали – Вася пятку обжег и неделю мог стоять только на одной ноге. Затем мы попробовали ковать в старонемецком стиле – стоя спиной к наковальне и ударяя молотом по заготовке с разворота. Получалось сверхмощно и эффективно, но пришла жена и сказала что от нашей ковки в доме потрескались потолки и розетки со стен повыпадали. При этом из за нее выглядывал какой то сопливый малец.

– Это твой папа, сынок, – сказала жена и пошла наверх.

Я думаю, она имела ввиду меня.

Как бы там ни было, мы вернулись к классическому русскому стилю. К тому времени мы обросли бородами и температуру поковки я мог определять поднеся к волоску на бороде. Если скручивался волосок – шестьсот градусов, дымился – семьсот двадцать. Процессом закалки тоже овладели в совершенстве, кстати, байки про закаливание клинка в теле рыжего раба – абсолютная ложь. Проверено. Только потом Вася две недели присесть не мог.

В конце-концов мы все же отковали набор прекрасных стамесок из волнового дамаска, но беда в том, что я напрочь забыл для чего. Когда к нам спустилась жена с бутербродами, то рассказала про диван, имперское барокко и настоящие пружины. И про подлокотник. Рядом с ней стоял мальчик в синем пиджачке.

– Сходил бы завтра в школу, муженек, – сама ребеночка по головке гладит, – у сына Первое сентября. Первоклассник у нас в доме.

На Первый Звонок я конечно не пошел. Во первых – отмыться без воды к утру нереально. Во вторых – я нарыл в сети технологию мокумэ-ганэ и Васька уже пакет с медью и железом сложил в контейнер. А мокумэ-ганэ, я Вам скажу – это не железки плющить. Это вершина мастерства. Апофеоз гармонии души.

Только уголь нужен хороший. Желательно дубовый.

Принялись мы уголь жечь.

Я опять на форум полез, в "мастерскую на Ганзе". Коллеги все разжевали, объяснили подробно. Только забыли сказать про меры предосторожности. Хорошо что не в подвале, а в огороде у сарая додумались огонь развести. Так что пока мы пиво пили деревянный сарай сгорел. Ну там ничего особенного не было, так, … четыре пары горных лыж с ботасами, два монтебайка и доска для серфинга. И еще комплект зимней резины на мой джип, газонокосилка и дизельгенератор. А… еще там норковая шуба висела, жена ее оставила на морозе , чтобы моль вымерзла. Да и хрен с ней, все равно не носит. Зато уголь отменный получился.

А вот с мокумэ с первого разу не сложилось. Не сложилось ни со второго, ни с десятого. Распадается и все. Видать, где то душевное равновесие пошатнулось и тонкии материи сопряжения молекул стали вновь нам неподвластны.

– Да и наплевать, – говорю, – я хоть и японец, Вася, но не до такой степени. И вообще, на кой ляд мне это мокумэ-ганэ. Я же хотел кованными стамесками подлокотник из мореного дуба вырезать. Диван реконструировать. Пора резать.

Принялся резать. Стамески в дуб идут как по маслу. Вот оно блаженство души и равновесие миров. Лишь обидно, что я на втором завитке себе палец глубоко порезал. Так что подлокотник уже Вася домучивал. Я ему только стамески на водяных камнях подводил. Тоже, скажу я Вам, медитативное это занятие режущую кромку на камнях полировать. Один раз я даже уснул.

Проснулся от того что передо мной стояла жена. В руках у нее была какая то бумажка с печатью и рядом стоял высокий парень в спортивном костюме.

– Как ты вырос, сынок, – говорю и протираю глаза спросонья, – тебя что, в армию забирают? Попрощаться пришел?

– Это не сынок, – жена бумажку в руки мне тычет.- это сантехник наш. Все в доме починил и счет принес для оплаты.

Деньги давай.

Ну что делать, пришлось бутылки сдать из под пива. С сантехником расчитались и еще жене на новую шубу хватило. Да, а диван так и не удалось починить: я его искал два дня по всему дому, пока друг Васька не вспомнил, что на уголь он какое то резное дерево пустил с позолотой.Сжег диван, мерзавец. Я пообещал жене новый диван вырезать, но она упала на колени, и слезно просила купить простой недорогой диван в магазине. И потом добавила, что она искренне верит, что я "внук столяра". Уже без иронии в голосе.

Но нотки злорадства я уловил…

Валдис Йодли.

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204061380

Дубовые двери, Ван Гог и фиолетовый Михалыч

***(фрагмент)

Докатились до заправки, залили топлива, благо дело, Егорыч спонсирует. Я так в уме прикинул, на те деньги, что на бензин потратили можно было два новых ГАЗ-она купить…Хотя,… бабло Егорыча, мне как то пох…

– Откуда ты этого Егорыча выкопал? – Йончи спрашивает.

– Да он сам выкопался пару лет назад, – отвечаю.- я тогда в столярке работал.

– Не может быть!- Йонас говорит, – ты, Валдис, и там успел отсветить?

– Мужики, Вы че, думаете я всегда дизайнером был? – удивляюсь,- Хрен там, в трудные годы приходилось и ручонками работать. Меня тогда друг Вася к себе в столярку пристроил, чтоб я с голоду не помер, ну, я и стусовался с местными мастеровыми. Меня, правда, особо тяжелой работой не грузили, я им всякие двери-окна рисовал для блатных клиентов, иногда помогал че то поднести и, вообще, лицо фирмы, типа. Потому что остальных столяров можно было клиенту показывать только после предоплаты, они, млять, здоровенные все лоси двухметровые. Камуфлированые, руки в шрамах, у каждого половины пальцев нет и, физиономии добрые такие с недельной щетиной. А как

фургон ясеневых досок разгрузят, шутки набок, лучше пару метров дистанцию держать – могут хребет переломить ненароком.

Так вот, с утра мужики размялись, две фуры мокрого ясеня на платформу сложили, сидят в столярке, обедают. Михалыч, рязанский спецназ, с Димычем домино стукают об стол, Васька с банки котлеты хавает, я кофе пью – на улице жара нереальная, лето, йолы-палы. Тут, не успели расслабиться, прикатывает какой то прыщь задристаный в галстуке:

– меня Глеб Егорыч заслал, надо ехать в транспортную прокуратуру двери ставить. А ну быстренько, пролетариат, поднялись и поскакали в город изделия приколачивать.

– слушай, засланец, -Михалыч молвит,- ты че ослеп? У людей обеденный перерыв, сука, тебя не учили по уставу докладывать, сопля в пиджаке?.

Тот надулся:

– Я – помощник прокурора Константин Романович, попрошу не грубить.

– Ну,- говорю, -если ты помощник, то вон бери сундуки с инструментом и в синий бусик складывай, помогай, сам напросился.

Михалыч злой после вчерашнего, просто атас, он на похоронах вчера нажрался в зю-зю и поутру хотел с нычки похмелиться, а жена отследила движения и лекарство его конфисковала, вот он сидит и план ужасной мести в башке складывает. А тут, бл…, еще выползок какой то из жопы Глеба Егорыча. Да, а Глеб Егорыч – это главный линейный прокурор, кстати, мужик правильный, афган прошел и уважение к мастерам имеет. Наши ему чето дома с дерева слепили, так он теперь решил притон прокурорский тоже облагородить. Короче, сдриснул этот пафосный ушлепок на улицу, ждет, пока народ трудовой аккамуляторы зарядит. Мужики по станиславскому паузу выдержали и пошли инструмент в бус грузить, злые, матюкаются: жара шо пипец, так еще надо в железной консерве куда то трястись. Этот глист зеленый в тенечке спрятался, наблюдает, тварь.

– А где тут у вас кондишен включается,- спрашивает.

– Там же где и подушки безопасности,- отвечает Димыч, он водила у нас. – Прыгай в кабину Михалычу на колени, дохляк, будешь дорогу показывать.

– Это я с виду тощий, говорит, а так я жилистый и даже местами слегка накачанный, и вообще, мышцы – это херня, я могу любового шварца завалить, я давно искусство крав-мага практикую, все болевые точки на теле изучил, могу пальцем

человека убить.

– Во, бля, тебе голову напекло, Константин, какого такого ты мага практикуешь? Надо Егорычу сказать пущай тебя у дурколога проверит, опасно такого помощника иметь, сука, ткнет пальцем и хана, крути пельмени, мать родная.

– Дураки вы, -обиделся, -книг не читате, борьба есть такая, да чего вам объяснять, то показывать надо…

Подъехали к жэдэпереезду, шлагбаум перед носом закрылся, сидим в бусе как в микроволновке, наслаждаемся знойным полуднем, тут спереди с авдюхи Патефон выскакивает, жулик наш авторитетный. Загорелый бычара, накачанный, в одних шортах:

– Здоров, пацаны, вы то мне и нужны, надо мне мою биту воспроизвести по новой, ту, кучерявую менты забрали, курвы.

– Ты гонишь, Патефоныч, у тебя нереально чето забрать, тем более менты, они ж от тебя сами по кустам прячутся.

– Та не наши, крымские гайцы копченые, они с калашами, мудилы, но дробовик я отбил, бумаги есть, а биту изъяли, суки, типа, ударно-дробящее. Я ведь на море свою паранджу повез, объясняю этим баранам островным, мол, как я на пляже без ствола буду ей тело охранять? Не сосут тему, бл…, попадись мне щас какой мусоренок взял бы за ноги и в стороны дернул, козлика…Бля, шо за вонь у вас, -носом крутит,-…ладно, щас деревяху принесу. Я у тещи ее оторвал, до сих пор дуется, мамина мама, млять.

Патефон к машине пошел, в багажнике ковыряется только ноги волосатые торчат, а я гляжу прокурорыш наш транспортный чего то в Михалыча вжался, побледнел,

– Тебя что, укачало, Константин? смотри не блевани на торпеду.

– Та не мужики, просто морда этого астероида знакомая очень, …вроде, в розыске он у нас… Точно, наши следаки за ним уже полгода почву нюхают.

– Бля , Константин Романович, ты вынул щасливый билет! Чеши ловить скоренько, пока не отпетлял злодей, покажи налогоплательщикам, что ты не зря свой хлеб с икрой жрешь. И вообще, ты ж, гад, впаривал нам про пальцы свои волшебные и болевые точки. Время мастерство демонстрировать. Я уже дохера точек на Патефоне усмотрел, иди йопни его пальцем в висок или кадык вырви – тебе медаль дадут.

Тут Патефон деревяху притащил, красивая зараза, какая то полосатая вся:

– Вот теща столик имела африканской породы, а я его на донорские органы расчекрыжил. Оп-па! Михалыч, ты че, ориентацию поменял, жена знает про твои эксперименты? Шо за

петушок сыкливый на тебе греется? Не мусорок, часом?

– Да не, -говорю я за Михалыча,- это к нему племяш из города приехал от игровой зависимости лечиться. Обдолбился в "Готику", теперь думает, что он кровавый маг и всех может одним мизинцем убить. Шизофрения в последней стадии, так что держи дистанцию.

– А-а, ну тогда лечите парня, чао!

Короче, паровоз пропустили, трясемся дальше,

– Мужики, че то дохлятиной воняет, Константин, ты что ли газы пустил?

– А я не чувствую ничего, -Димыч говорит,- у меня насморк.

– Надо водкой лечиться, – мрачно Михалыч изрек.

– А ты кого, Михалыч, вчера так хоронил, что ужрался в дупло.

– Та, бл…, кореша старого, точнее козла одного.

– Не понял! Кореша или козла? А ну подробности в студию.

– Да тут такая бодяга получилась, пацаны, шо просто финиш. Был у меня корефан армейский Шони, мы еще в восьмидесятых в Рязанке служили, потом дембельнулись и как то его жизнь на обочину сразу киданула, с женой развелся, забухал, по зонам пошел и так добродил до полного отмирания тканей всего организма. А так как он служивый, положили его в морг Львовского военного госпиталя. Тетя Клава, мамка его, уведомление получила и все, хочу, говорит, у нас похоронить, везите тело со Львова сюда и звиздец. Причем, давно ослепла уже старуха, сына лет двадцать не видела, хоть пощупаю, говорит. А как везти, это ж не ведро яблок, труп, жара, вонища. Пофартило только, что у них там какой то полкан пограничный тоже в госпитале кони двинул и наши погранцы спаковали его через перевал в Чоп с почестями хоронить. Ну, заодно корешка моего Шони завернули. По пути скинули покойничка нашего и погнали солдатики в Чоп. Ну, бабы его, Шандора, умыли, переодели, на стол положили и по ритуалу, отпевают с попами вместе. Тетя Клава у ног рыдает, соседи собрались, причитают, вспоминают, какой Шони был хороший, отзывчивый, идут, прощаются по очереди. Я тоже подошел к дружбану старому, слезы-сопли текут, наклонился поцеловать его в последний раз, смотрю – че то не то. У Шония только одно ухо было, он второе сразу после Рязанки потерял, то ли оторвали, то ли отстрелили, не помню, но факт, что уха не было, у него еще погоняло было Ван Гог. А это ни хера не Ван Гог – с двумя ушами козлина какой то. Звоним погранцам в Чоп, мол, у вашего жмурика сколько ушей было, – а фиг его знает, мы че будем уши считать, похоронили с почестями на

военном кладбище и кранты, откапывать не будем. Патовая ситуация, нахер, салют стрельнул, фанфары продудели, аминь. Старушка в истерике, верните Шония, а хер его вернешь, вояки не идут на обмен, давай, говорю, этому ухо отфигачим, хоть не Ван Гог, но похож будет, ножик достал, но, бля, мужики оттащили, типа надругательство. Короче, закопали этого полкана вместо кореша, а Шони-алкаш теперь на Алее Славы возлежит промеж генералов. Вот такая рокировка, пацаны, хер проссыш теперь куда венки носить…

До прокурорского логова доехали без приключений, только гайцы достеблись, мол, почему школьник на руках, но Константин им какую то бумажку показал, что он не школьник, а помощник транспортного прокурора.Отбились, короче. Прикатили в эту контору, а там на входе секюрити торчит, нас увидал, задергался, хули, четыре моджахеда небритых в камуфляже завалились, железом обвешаны , у Васьки "стерх", "оборотень" и финка на поясе, у Михалыча топор в руках, охрана в бронике не знает за что хвататься, за телефон или за пистолет. Созвон-перезвон, пропустил, тварь.

Ставим двери, Васька коробки клинит, я пенку дую, за нами Михалыч с Димычем замки врезают, доводчики прикручивает чтоб какого прокуренка сквозняком не пришибло. Вокруг эти пинкертоны снуют с папками под мышкой, через головы переступают, вроде мы не люди, а мешки с картошкой, один остановился, смотрит озабоченно:

– Вот вы неправильно петли прикручиваете, надо сначало нижние, а потом верхние, я знаю, у меня дядя столяр. И шурупы у вас неправильные, надо было черные брать, а не желтые, кстати, балон тоже надо в другой руке держать и под углом, я видел как дядька пенит. И клинья нужны дубовые А еще..

– Слушай,- говорю,- чеши на север, умник, не то я тебе щас перфоратор в анус засуну.

Обиделся, ушел,

– Костя, шо за шакал плюгавый, убери его нах…

– Да это мой шеф, начальник отдела внутренней безопасности, Демьян Васильевич.

– Тогда понятно че он такой важный, и так бл…, херово, все трусы мокрые от этой камасутры, еще, сука, лысый дятел мозг выклевывает.

Тут Димыч приходит:

– Меня Михалыч к вам прислал, типа я воняю, и у него голова болит.

– Я думаю, у него голова от другого болит, хотя, дай я тебе

ноги понюхаю, бля, в натуре воняет, как тебя Наташка терпит, ты че, со свадьбы носки не менял?

– Хули их менять, они у меня фартовые, а у Наташки тоже насморк, – Димыч сел у окна, мокрые носки снимает, – надо за окном повесить, пусть проветриваются.

Только Димыч ноги в аквариуме сполоснул, тут опять этот внутренне-безопасный нарисовался:

– А ну ка, что это у вас на поясе, -до Васьки дободался.

– Рабочий инструмент,- Васька говорит, -ножи, стамески, резцы.

– А ну ка, покажи мне этот ножичек, -смотрит, падла, на финку Васькину, я ему ее год назад сковал, восемьсот слоев ушки с подшипником и ручка пальмовая,- это тоже инструмент?

– Это хозбыт, дурбецало, читай инструкцию.

– Ну, это еще доказать надо,- и берет, тварь плешивая, салфеточкой аккуратненько за больстер клинышек,- надо на экспертизу отправить, будем протокол изъятия составлять, доказательную базу строить.

– Слушай, племянник столяра, ты нам поработать дашь? Уже, бл…, солнце на горизонте, а нам еще домой звиздовать. Ты просто демон какой то, а не Демьян…

– Что у вас тут происходит?!?! – сзади Глеб Егорыч вырос – ты вижу, Демьян Васильевич, уже всех преступников переловил. Зайди ко мне в кабинет минут через десять. Да, ножичек ребятам верни, будь добр.

– Во-во,- говорю,- сходи на водные процедуры, промой мозги, которых нету.

К вечеру двери поставили, инструменты в бусик складываем, тут этот особо важный павлин на полусогнутых приполз, хвост поджал, с жопы вазелин капает :

– Мужики, тут недоразумение вышло, вы не дуйтесь и для выпрямления ситуации вот вам презент от меня,- достает из портфеля литровый пузырь "Финляндии".

– Во, бля, Демьяша, как тебе клизма помогла то. Васька, зови Михалыча, будем от алкоголизма лечиться.

Отвалил этот пинкертон железнодорожный, только на прощанье помощнику наставление дал: – вот ключи, Константин Романович, закроешь кабинет и проследи, что бы все было четко, типа, ремонт недавно закончил, да и на столе бумаги серьезные.

Кушаем "Финляндию", даже Косте дали нюхнуть, Димыч с кармана банку сгущенки достал, типа закусь. Тут Васька возьми и ляпни, мол, в армейке мог банку такую залпом выпить.

– Не гони, Василий, -говорю,- друзьям не хорошо врать.

– Не, ну я ж молодой был, дурной, хули там…

– Да че делов то,- Костя отозвался, – я хоть щас могу выпить.

– Бля, еще один трепач нашелся, ты уже одного пальцем затыкал до смерти, иди к мамке под юбку спрячься, задротыш хренов.

– А вот выпью, спорим?! – не унимается.

– А спорим!- тут Васька финку пальмовую достал,- станешь счастливым обладателем, если справишься. Но в разе пролета ставишь еще литр "Финляндии". Вскрыли баночку, этот дуралей присосался, глаза зажмурил, пьет.

– Лучше соси, -говорю, – не шлангуй, работай деснами, глотай нектар.

Тот уже полные щеки набрал, мычит, с носа то ли сопли, то ли сгущенка капает, глаза выпучил, задыхается.

– Бля, мужики, щас сдохнет Константин, где будем тело прятать?

Те ржут, суки: Михалыч икает, Димыч в конвульсиях на полу корчится:

– Ой, пипец, живот болит, помру от смеха, спасите.

– Я придумал, -говорю, -положим Демьяну под диван, типа, сюрприз.

Тут прокурорыш побагровел, ручками машет, щеки раздутые, скачет по кабинету.

– Только не на меня, -Михалыч кричит.

– Только не в аквариум, – я кричу.

Димыч беззвучно бьется в судорогах. Тут этот маг кровавый, видать, понял что проглотить не суждено, кинулся к окну открытому, но, гад, пару шагов до финиша не дошел – как блеванет эту всю жижу сладкую, да прямо на рабочий стол Демьян Василичу, только брызги на стены полетели…

– Надо было моющиеся обои клеить,- говорю.- Пошли, пацаны, не будем Косте мешать за порядком следить, а должок он потом подгонит.

Едем домой, прохлада вечерняя обдувает, зашибись.

– Ну, мужики, день удался, двери установили, железнодорожного помощника перевоспитали, организм подлечили, только Михалыч неотмщеный остался. Эй, Михалыч, ты че молчишь? Слышь, мужики, а где Михалыч? Забыли, бля….

Короче, пришлось с полдороги за Михалычем возвращаться. Охранник, падла, пускать не хотел.

– Деталь важную забыли,- убеждаю,- от станка фрезерного, не тупи, служивый. Тебя же завтра казнят.

Приходим в кабинет к Глеб Егорычу, там Михалыч, свинья рязанская, лежит на столе пузом кверху и спит мертвецким сном.

– Все, кранты, -говорит Василий,- если Михалыч в кому впал, разбудить нереально, он еще в Рязанке мог поперек ступеней башкой вниз спать.

– Пацаны, у меня план мести вызрел, -говорю,- знаю как жену Михалыча ушатать. Давай его на мобилу сфотаем и смс-кой отправим, типа, помер Михалыч при исполнении. Пущай прочуствует, гадюка злая, кого потеряла…

Сложили Михалычу руки на животе, промеж пальцев букетик цветов вставили с прокурорской вазы, свечка правдоподобней смотрелась бы, конечно, но не нашли. Васька на мобилу щелкнул Михалыча прямо на столе: просто "Успение гроба господнего" получилось, кнопки на мобиле тыцькает, отсылает.

– Васька, ты задрал с мобилой играться, бери Михалыча, понесли в бус.

– Да, йо-майо, подождите, пацаны, че то я тупанул вроде, это чьи цифры последние два-восемь-два?

– Как чьи, -говорю,- Глеб Егорыча, ты что, лошара, ему Михалыча заслал?! Ну ты пошутил, бля, Егорыч может шутку не понять.

Ладно, херня, сгрузили наш спецназ в бусик, правда, по дороге чуть башкой на бетон не уронили, хули, туша сто тридцать килограм. Тронулись домой, Димыч торопит, мол, Наташка ждет и у него кочерыжка чешется.

– Не сцы, Димыч, поможем тебе с Наташкой, друзья для того и сделаны, чтоб другу помогать.

Под утро почти домой подкатываем, бл…, гайцы придорожные тормозят:

– Ваши документы, че везем в такую рань. Выйдите из машины пожалуйста.

Ну, хули, вышли три ваххабита камуфлированых, перегар такой, что сержанта к обочине шатнуло. Димыч в трубку дует, тужится, а мы пошли кузов открывать. Гаец глянул и удивился, там Михалыч лежит фиолетовый, руки на животе и букетик держит.

– Он че, не живой, что ли?, -мент шепчет.

– А ты его поцелуй, может оживет,- говорю.

Гаец наклонился к Михалычу, думаю, пипец некрофил, щас в натуре поцелует, нюхает его чето, тут Михалыч видно от свежего воздуха в сознание пришел, глаза открыл и говорит:

– Здравствуй, Люся, я вернулся…

Бля, я думал милиционер обгадится щас, у него ножки подломились, икает:

– Николаша, пропусти людей, спешат…

Только отъехали, Димыч по тормозам:

– Пацаны, я носки свои за окном прокурорским забыл!

От жеж, шляпа, пришлось новые носки Димычу на день рождения дарить.

Yodli

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204061474

Подводная охота на угря

Небесный купол, сотканый из разноцветных нитей, был безмятежен и красив одновременно. Я созерцал его и наслаждался каждою ворсинкой, сплетающей хрустальное пространство: и солнца красный диск, и кроны ароматных сосен, и белоснежный шелковый песок в сандальях – все было частью самого меня и в то же время – отраженьем мироздания. "Похоже на волшебный сон, – решил я, медленно перетекая в невесомость, – Прекрасный сон без горя и смешных забот… без Йонаса и идиота Витьки…" И, как бы в подтверждение догадки, легонько укусил себя за палец…

Однако, боль так и не наступила, а вместо боли идеальный мир вдруг исказился: погасло солнце, треснул горизонт и небо расползлось на лоскуты как старенький пиджак во время стирки. Сквозь кроны сосен проступили лица двух больных уродцев и одно из них принадлежало Витьке.

– Эти глаза напро-о-о-тив, -пел гнусаво Витя,- Калейдоскоп огне-е-е-ей!

В стаканчике, который он держал в руке, плескался черный и душистый кофе. Я открыл глаза:

– Свинья ты, Витя, мерзкая…, – глотнул я кофеина,- Впрочем, нет. Свинья – разумное созданье и догадалась бы не потревожить шефа … Дай сахару, шакал!

– Так, шеф, мы скоро подъезжаем, – оправдывался Витя осторожно, – тут полчаса и мы на месте… Добро пожаловать на Шацкие Озера! …Вон, Ролик уже весь чешется от возбужденья.

Помимо Витьки и меня в машине были Йонас и Роландо. Ну, с Йончиком и так понятно – он охотник и рыбак известный, а Ролик прицепился к нам, желая претворить в натуру древний и таинственный рецепт. Он вычитал в старинной книге, что раньше пироги с угрями пекли в домашних печках на дровах . И вот, теперь мы ездили по Шацку в поисках избы со старой печью. К тому же, необходимым было и наличие добротной бани. Дело в том, что Витька, отъявленный целитель и пророк, задался целью излечить своего школьного друга Роланда… Тот малость ослабел здоровьем и последние три дня чихал, чесался, пил различные таблетки.

– Таблетки – зло! -заявил авторитетно Витя. – От них одни болезни и тоска… Вот у меня знакомый, дядя Петя, он тоже как то сильно захворал. Сначала появился у него ячмень на веке – он его лечить. Пошел в больницу, там ему пилюли… Дядя Петя их сожрал – ячмень на глазе сдулся, но покраснела кожа за ушами и высыпали прыщики в паху. Он к доктору, а тот опять таблетки и, хули думаете, прыщи в фурункулы преобразовались, а на груди все волосы повыпадали. И ноги облысели аж до пяток. Теперь у дяди Пети ноги стали сексуальны, но сильно мерзли по ночам. Конечно появился насморк. Он снова в клинику, а там уколы прописали. Два раза уколол лекарства – полные кранты: понос четыре дня, потрескались все ногти и появились язвы в области гортани. Наверно умерли полезные микробы в организме… Врачи тогда назначили массаж, клистир и грязевые ванны. Так у него усох язык и кожа сморщилась на ягодицах … Вам, пацаны, смешно, а тетя Лида в шоке – от мужа через месяц только кости и глисты остались. Ко мне уже два раза подходила, интересовалась тарифами на ритуальные услуги…

– И че? Похоронили дядю Петю?- запереживал вдруг Ролик.

– Да хрен там лысый… Возобновили дядю Петю народным способом : налили водки с перцем и забрали в баню. Попарился и сразу же в холодный ручеек . На следующий день все болячки как рукой сняло – ни поноса, ни фурункулов, ни язв… пропала даже перхоть. Исцелился… Но на радостях ушел в запой надолго…

Мы колесили по вечернему селу и вдруг наткнулись на добротный домик. Хозяйка – подглуховатая старушка Александра.

Она была худа и низкорослa, а на седой голове под голубой косынкой виднелись редкие пучки волос. Жиденькие усики под красным носом нисколько не портили ее спокойный облик хранительницы очага. И печь с дровами, и бревенчатая баня на берегу озера- все было приготовлено для нас. К тому же, баба Саша умело гнала самогон из груши и этот факт стал веским аргументом при выборе ночлега на три дня. Но непосредственно перед охотой мы пить не стали: любому дураку известно, что алкоголь и дайвинг – нестыкуемые вещи. И тело мерзнет, и потеет маска… короче, мы решили, что в случае хорошего улова, по возвращении, не раньше, попробуем хваленый грушевый первак.

*

В вечерних сумерках я с Йончиком проверили давление в ружьях, зарядили аккумуляторы в подводных фонарях и, натянув гидрокостюмы, медленно спускались в воду. Витюха тоже изъявил желание поплавать. Я был не против. С экипировкой, правда, было у него не очень хорошо: в одной короткой ласте, без ружья и с оторванными обтюраторами на рукавах он выглядел печально. Ружье ему давать мы не рискнули. После того, как год назад он пустил на дно четырех поляков на резиновом плоту, гарпун от Вити мы держали на безопасном расстоянии. Вторую ласту он утопил уже давно, а обтюраторы порвал зимой, когда сдирал с себя обледеневший неопрен. Подводный нож мы тоже отобрали: пусть плавает с китайским фонарем – для всех так будет безопасней . К тому же Йончик мне поклялся, что в случае пропажи Витьки, он его искать не будет. И несмотря на то, что городской фольклор не вынесет утраты такого персонажа, я спорить с ним не стал.

Подсобник Витя, оттолкнувшись от катамарана, лихо прыгнул в воду, чем вызвал сильное волненье: катамаран шатнуло вбок и Роланд, потеряв опору, мгновенно изобразил пять сложных поз из "Бхагават-Гиты". И непременно рухнул бы в ледяное озеро, не поймай его Йончик за бедра. Взмахнув руками и прижавшись задом к Йонасу, Ролик сохранил равновесие и собственную жизнь: он плавать не умел. Витя засмеялся.

– Витюха, дрянь! Всю рыбу распугаешь! – я злобно кинул в подсобника пучок травы с песком.- Плыви отсюда нахрен!.. подальше в камыши. Что б я тебя не слышал, калейдоскоп огней ядреных.

Витя фыркнул трубкой и уплыл. Я тоже погрузился в темноту и включил фонарик…Подо мной раскинулся волшебный невесомый мир. Внизу, в стекляной толщине лежали бревна щук и из кустов торчали морды хищных судаков. Не торопясь, я двигался по дну, хватал руками мягкие растенья и кончиком гарпуна легонько трогал глупых окуней. Здесь, под водой, я был властелином абсолюта: ведь точно так же, как неведомые боги бьют острогой людей на выбор , так и я – в любой момент мог продырявить насквозь и щуку, и сома, и скользкого угря. И даже гада-Витю, попадись он мне случайно.

Но Витька от меня был далеко. Он плыл вдоль берега в поисках сетей. В дырявых рукавицах долго плавать он не мог, руки мерзли и знобило тело.

Примерно через час он двинулся обратно и вдруг наткнулся на браконьерские ловушки. Ловушки на угря здесь называют "барабаном". Витя занырнул на дно и медленно поплыл по сетке к узкой горловине. И вдруг, не ожидая такого чуда, он увидел шустрого угря. Тот, бедолага, заблудился в "барабане" и, не найдя обратно выход, лежал на дне ловушки. Витя ликовал. Еще бы – изловить угря без снасти и ружья – такое у охотников не часто происходит. Он сунул руку в "барабан", схватил добычу и рванул на воздух. Крепкий угорь, почувствовав угрозу, обвился кольцами вокруг руки, шипел, бросался маленькой злой пастью. Имей при себе Витька нож, проколол бы голову клинком и поединок завершился бы победой, но под рукою был один фонарик. Угорь извивался, бил хвостом по Витьке и тот напоминал Лаокоона, рвущего морского змея в клочья. Сообразив, что так ему не победить, Витя решил его утихомирить, а именно, прокусить основание черепа у рыбы. Так делал Йончик, если не было с собой ножа. Ногами Витя нащупал твердую поверхность и приблизил угря к лицу:

– Эти глаза напро-о-отив! – Витек взглянул в черные бусинки глаз и поднес к открытому рту миниатюрную головку несчастной рыбы. Оставалось лишь нанести "поцелуй смерти".

Но вдруг произошла непредвиденная мистификация: скользкий угорь, осознав, что с ним не шутят и жизнь его близка к финалу, бросился в единственно свободное пространство – горячее витино горло. А так после разговора с братом у Вити отсутствовало несколько передних зубов, изворотливое создание без помехи устремилось вниз. Одуревший Витька пытался было вытащить его назад, но руки отчаянно скользили, а глотка, как

назло, рефлекторно засасывала длинную рыбеху. Угорь моментально провалился в желудок подсобника.

– Ни хера себе… калейдоскоп огней…, – ошалело потрогал Витя распухший живот. – Йоханый петух… как же его достать, собаку? Пацанам скажу – не поверят. Некислый эпизод, однако…

Живот слегка пошевелился. Витя икнул и побрел к берегу.

*

На кухне у бабы Саши было уютно и тепло. Гудела русская печь. Роланд разжарил каменку и теперь ловко потрошил угрей, принесенных Йончиком. Рядом лежал убитый мной крупный судак. Щук я не стрелял. Надоели щуки… Через печную заслонку на стены рвались желтые полосы огня, весело плясали языками на фарфоре в буфете и выхватывали из сумрака длинный нож в ловких руках Ролика. Довольный Йончи бережно взял со стола пузырь прозрачной жидкости с плавающими в ней желтыми корешками, хлюпнул ею одинаково по трем стаканам и открыл рот, желая сказать тост… Отворилась дверь. В темном проеме показался Витя. Увидев его белое как унитаз лицо, я сразу понял, что случилось что то необъяснимое.

– Потрогай, – Витя подошел к брату и положил его руку на свой живот, – Шевелится.

– Мальчик? Девочка?, – озабоченно спросил Йончик.

– Скотина, – простонал Витя, – я щас подохну, а тебе приколы. В меня угорь залез, пацаны… Че делать? Может посрать пойти?

– В натуре, шевелится, – Ролик приложил ухо к животу. – и булькает че то там… японцы в такой ситуации делают харакири,- он протянул Вите острый нож.

– Себе сделай, придурок, – отмахнулся Витя, – Шеф, спасай…, ты умный… от этих дебилов толку нет.

– Надо привязать тебя ногами к потолку и бить в живот, – я понюхал жидкость, налитую Йончиком. Однако, крепкий состав запузырила старушка. – А ты, Виктор, в это время глубоко дыши открытым ртом и кашляй. Может он выпадет. Впрочем, гарантий никаких – наука такого случая еще не знала…

Витя застонал.

Слушай, Витька, а на хрена его вынимать? Пусть себе шевелится. Они, угри, самые живучие рыбы. Мы тебя будем по

ярмаркам водить, за деньги показывать – хоть какая то польза от тебя будет.

– Это Вас надо за деньги показывать, клоуны дешевые, – Витя насупился. – Дайте водки, гады!

– Э-э-э нет. Тебе теперь нельзя, – отодвинул стаканы Йончик. - Плод перевозбудится. Беременность сорвешь. Тебе тертые яблоки надо кушать и морковь.

– Козлы, – резюмировал Витя и, постанывая, полез на печку. – засуньте себе морковь в жопу. И тертые яблоки туда же.

– Обиделся.- подмигнул Йончи. – Вообще то, я всегда подозревал, что Витька – не тот, за кого себя выдает. На самом деле моего брата в детстве похитили инопланетяне и высосали мозг. Обратно подсунули безвольного гомункула с вялыми рефлексами и подавленой волей. А после сегодняшнего случая с угрем я уверен – это не Витя. Пришелец, йопта… Чужой.

Вошла баба Саша. В руках она держала простыни и березовые веники – баня была растоплена. Ролик как раз закончил кулинарные приготовления. По его рецепту длинную рыбу нужно было закрутить в тесто и, получившийся рулон, завернуть спиралью. Затем все обмазывалось яичным желтком, посыпалось молотым орехом и ставилось в раскаленную печь. В результате должен был получиться вкусный рулет с нежным мясом угря.

– Ты, Виктор, остаешься за главного, – я чокнулся стаканом с Роликом и Йончи. – Но водку не трогай, а то взбесишься,… хех, человек-угорь…йадрена-матрена.- Я выпил содержимое стакана. Занюхал березовым веником. – И мир без нас не спасай, герой домотканный. Не будь эгоистом.

– Только Вы не долго, пацаны, – промычал Витя, – мне одному страшно че то…

– Не сцы, через два часа вернемся,- Ролик шмыгнул носом и тоже выпил. Передернул плечами. – Ты же сам мне предписал баню с водкой. Буду лечить насморк.

Витя накрылся стеганым одеялом и отвернулся к стене лицом.

*

Не знаю, братцы, какие псилоцибиновые коренья плавали в бутылке у бабы Саши, но лишь они могли послужить причиной той супрематической картины, которая затем нарисовалась в

моем ослабленном мозгу. Вначале все шло хорошо: мы разместились благополучно в бане. Я сидел рядом с Йончиком в предбаннике и вымачивал в деревянной кадушке березовые веники. В парилке истекал седьмым потом абсолютно голый Роланд. Вдруг приоткрылась дверь и тихо вошла, завернутая в простынь, баба Саша. Голова ее была обвязана синей косынкой, а в руке позвякивали стаканы с самогоном. Судя по босым ногам, кроме обнаженного сморщенного тела, под простынью ничего не было… Редкие усики под старушечьим носом зашевелились:

– Что ж Вы, петушки мои ненаглядные, мерзнете? – вкрадчиво произнесла баба Саша и стала медленно, как во сне, разматывать простынь. – Сейчас я Вам кровушку разгоню, птенчики мои зеленоглазые.

Мы с Йончиком настороженно переглянулись и в его глазах я прочитал испуганный вопрос: "Шеф, а это обязательно? Или попробуем договориться?" Мысленно он со мной уже попрощался… Я оценил расстояние до входной двери. Тем временем баба Саша окончательно сбросила простынь и, держа стаканы в руке, подошла ко мне поближе. Я, превозмогая отвращение, навел резкость и с удивлением обнаружил у нашей "старушки" между ног приличных размеров мужской детородный орган. Там же находились и довольно крупные человеческие тестикулы. Грудь же, напротив, отсутствовала… Напрочь. Точнее, грудь была, но острая, как у индюка, и густо покрыта седыми волосками. Я с облегчением вздохнул. Такая быстрая смена пола сразу объяснила наличие усов у "бабы Саши"… Вернее, дяди Саши. Правда, появились вопросы насчет синей косынки.

– А-а-а, это?- дядя Саша понимающе ткнул пальцем в голову. – Уши у меня болят, пацаны. Застудил. Голову обвязываю платочком, что бы ватки не повыпадали. Так что, ребятки, париться будем или мой хрен разглядывать?

Йончик, не долго думая, выбрал первый вариант и с веником наперевес направился к парилке. Но дверь открыть он не успел: из дома, со стороны кухни раздался дикий крик. Это кричал подсобник Витя. Он орал ужасней и страшней раненого слона. Такой звериный рык мог издать первобытный монгол, пронзенный стрелой китайца или трезвый токарь-фрезеровщик, уронивший литровую бутылку водки на ступени гастронома в пятницу вечером.

– Рожает! – воскликнул Йончик и бросился к двери. – Схватки начались! !

– Может его угорь за аппендицит укусил?!?!- я кинулся вслед за ним.

– Ребята, а банька? – засеменил за нами дядя Саша со стаканами в пальцах.

Мы распахнули дверь кухни. Картина, отразившаяся на сетчатке глаз, могла бы послужить непревзойденным сюжетом для психоделического блокбастера: обезумевший Витя в одной майке скакал по деревянному полу сумрачной кухни, орал диким зверем и бил голыми пятками блестящих извивающихся змей… "Забористые растения баба…, тьфу ты, дядя Саша накрошил в самогонку. – я онемевшими руками потрогал себе лицо, – От обычной водки такой хиромантии в мозгу не происходит". В углу комнаты, под лавкой, извивался угорь с раздавленной головой. Жерло печи было открыто и в тесте виднелись пустые дыры. Это живучие рыбы выползли наружу и скользили вдоль стен… Мы зажгли свечи. Витя сидел на лавке и тяжело дышал. Ступни ног у него были перепачканы тестом.

– Выпей лекарство, брателло,- Йонас протянул ему полстакана огненной воды. – Убей в себе угря.

Витя молча отвел руку брата. Положил руки на живот. Там что то задергалось.

– Тертые яблоки есть? – спросил печально Витя.

– Надо у Ролика спросить. Он тут знаменитый повар… – Я оглянулся по сторонам. – А где он, кстати? В парилке остался!

Мы бросились в баню.

Багровый Ролик лежал в парилке на спине и крепко спал. Впрочем, мы надеялись, что спал. Потому что ни дыхания, ни пульса у него не наблюдалось. Голова его свесилась набок и была так горяча, что я не мог дотронуться. С носа вытекли зеленые сопли.

– В воду его, в воду давай! – Йончик рванул Роланда за ноги и потащил к озеру.

Я подхватил немецкого куллинара подмышки и поспешил следом.

– А если не всплывет? – озабоченно спросил я . – Че Витьке скажем?

– Ну… скажем, что утонул… Да они, шеф, не очень то и дружили.

С размаху мы швырнули неживое тело в ледяную воду. Нас окатило фонтаном брызг и через секунду на поверхности показался Ролик… Теперь, когда мне говорят, что Иисус умел ходить по водам, я безоговорочно верю. Потому что сам видел, как Ролик шел по глади озера… вернее, он не шел, бежал, еле касаясь ногами поверхности. Вылетев на берег, он согнулся пополам и из горла у него выплеснулось что то жидкое.

– Выздоровел. – сказал я и набросил на Роланда простынь. Со ступеней дома за нами наблюдал печальный Витя. Руки он держал на вспухшем животе.

Домой мы добрались почти без происшествий. У Роланда пропал насморк и аллергия. Думаю, глисты в нем тоже передохли. Витин рецепт помог. Йончик возвращался без добычи, а я привез крупного судака. Правда, Ролик хотел и его запечь каким то древним способом, но я воспротивился:

– Все, пацаны, достаточно экспериментов! С вами, петушки мои зеленоглазые, не отдых, а калейдоскоп огней какой то… Хоть один из нас пусть привезет домой рыбу. – Я потрогал витькино брюхо. – Как, Витя? Еще шевелится твой молчаливый скользкий друг?

Витя уныло грыз морковку.

*

– А, так это тот Витек, что угря живьем проглотил? – Глеб Егорыч поколыхал пальцем в вине. – Или брешут люди?

– Ну чего сразу брешут… я сам видел. Хотя нет, я не видел, щупал – так вот этот угорь толкался в животе у Витьки – просто фантастически. Как маленький ребеночек.

– И что, выкакал твой подсобник назад рыбеночка?

– Ага, – я глотнул вина, – выкакал… через ротовое отверстие в голове. Эх, вкусное вино, Егорыч, накапай еще.. Короче, поплавали мы на Шацких Озерах, рыбы набили, в баню сходили, но домой то ехать надо. А кроме пупканутого Витьки за руль и сесть некому: Йончик всю жизнь на велике передвигался, Ролик только на автоматике ездит… немец, йопта, … а я, как сел за баранку, так сразу и слез оттуда – та ну нах, Егорыч, у меня столько силы в руках нету, чтобы руль этой "буханки" без гидравлики поворачивать. Короче, пристегнули Витюху к катафалку, а он, подлец, крутится, вертится – угорь видно в животе возбудился. Хорошо что мы Витю тертыми яблоками с морковкой накормили, создали подходящую микрофлору для

угря, так сказать.

– Это зачем?, -удивился Егорыч.

– Ну, старый способ транспортировки рыбы… Вон еще Сабанеев писал, что если рыбе под жабры сунуть яблочные дольки, то она неделю может жить без воды. Раньше, при царе, так живых карпов в Москву доставляли. Целыми корзинами… так вот, накрошили мы в Виктора яблочек, морковки натерли, сахаром присыпали и лимонную клизму через ректальную вену ввели – хоть бери да запекай на огне, мерзавца. Угорь крутится в брюхе, но не так сильно как раньше, видать, сахарин ему понравился. Поехали, одним словом… Катит Витя по шоссе, как хер в стакане болтается – носит его от обочины к обочине. Едет криво, но медленно – боится по тормозам жать, чтобы угорь на руль не выплюхнулся. И, как назло, сразу за поселком нашу похоронную колдыбайку патруль тормозит. Че то там эпидемически-экологическое на машине у них написано. Баба в белом халате с приборчиком суетится и два мента ее охраняют. Один постарше, с белым нарывом на носу, к Витьке подходит, посмотрел так ему внимательно прямо в глаза:

– А ну дыхни, – говорит.- Что то у тебя глаза красные.

"Ну, -думаю,- тут тебе и смерть пришла, милиционер ты мой бесценный… Если ж Витька щас дыхнет, то эта грымза в халате с тобой до вечера будет возиться."

– А может не надо? – говорю я вежливо. – У него дыхание совсем несвежее… не ментоловое ни хрена. Зубы последний раз в пионерлагере чистил. Кстати , он с того времени и не пьет – шибанутый аскет. Бродячий оракул-целитель… хотите, Вам прыщ на носу вылечит?

– Дыши давай, прыщеватель!

– Да трезвый, я, командир, как овца! Три дня, йома-йо, ни капли спирта во рту! – Говорит бледный Витька и дышит рыбьей отрыжкой прямо в нос менту. – Жру сырую морковь вторые сутки, йопта!

Гайца от такого рыбного перегара аж скособочило. С левого глаза сразу все ресницы высыпались и нарыв на носу открылся.

– Они что, тебе по очереди в рот насрали? – на нас показывает и сам отхекивается, сморщился и ладошками машет. А хули ж ты думал: запах средневековья с рыбных рядов

донесся… я ведь предупреждал. Мент скупую слезу пустил, дыхание затаил, но не унимается. Принципиальный.

– Идем в трубку дышать, Виктор Филипович.

– Товарищ милиционер, – я вмешался. – может давайте пацифистский союз заключим? Он трезвый, клянусь здоровьем его мамы… просто пришпандоханый маленько. Натуральный образ жизни проповедует, не моется годами, ходит без трусов. Непризнанного пророка из себя корчит. Мы ведь с Вами христиане, товарищ капитан , а христиане к юродивым всегда снисходительно относились.

– Идем за мной, юродивые христиане! – Милиционер рукой махнул и в свою эпидемическую будку зашагал. А за ним тетка с хитрым приборчиком стучит каблуками от возмущенния:

– Да у них превышение вредных выбросов, Николай Васильевич! Будем протокол составлять! Штрафные санкции!

"Ах так! Штрафные санкции?!- у меня от гнева аж пукательный орган сжался, – Хорошо! Сейчас я Вам устрою превышение выбросов. Отпротоколю Вас по самые фалопиевые трубы!… Вы, инспектора экологические, сегодняшний витькин энерговыброс на всю жизнь запомните."

– Идем, Витюха, – беру подсобника под руки,- оставим женщине незабываемый штраф на память. Пусть за ним поухаживает.

Разместились в будке, тетка протокол пишет, а я психологическую почву деликатно подготавливаю:

– Эх, снова невезуха, – вздыхаю горько, – опять мне за тебя, Витька-мразь халявная, штраф платить прийдется…

– А почему это Вы будете платить? – тетенька удивилась и ажурная башня из склееных волос дрогнула на ее голове . – Транспортное средство не на Вас же зарегистрировано?!

– Вы понимаете, мадам, – говорю я скорбно, – Этот Виктор Филипович – такой тунеядец и скряга, каких свет не видывал. Какой там штраф… за десять баксов готов себе коленку просверлить, уродец… Причем, насквозь. Жадный до капусты ужасно. Недавно, дармоед, американцам половину своего желудка выгодно продал и вживил в себя неясное биосущество, чтоб ему пищу измельчало в животе. Все из за денег, мадам. Вон, видите у него правый глаз косит слегка?

– Вижу, – женщина оторвалась от протокола и прищурилась на Витю. Мент незаметно поплевал через плечо.

– Это временный протез.- Я печально поджал губы. – Он свой глаз в Венгрии за тыщу двести долларов сторговал, а себе страусиный имплант хочет вживить. Он значительно дешевле. Тоже синий… Вы не знали, что у страусов глаза синего цвета? И по размеру совпадают с человеческим.

– Не-е-ет, – удивленно протянула санитарная женщина. Милиционер украдкой глянул на себя в боковое зеркало и повращал одним глазом.

– Теперь будете знать… Да что там глаз… Такого скупердяя как Виктор поискать надо: в прошлом году пятьсот гривен в пари выиграл. Вы не поверите: на спор высосал у покойника из носу все сопли. Мы одного старичка как раз на этом катафалке в морг доставляли. Так Виктор решил бабла подкосить на шару… Помнишь того мертвеца, Сигизмунда Сидоровича,… А?!…тебе говорю, жлоб нерадивый!

С этими словами я хорошенько шлепнул Витю по согнутой спине. Он в этот момент склонился над протоколом о загрязнении окружающей среды и шевелил губами, пытаясь осознать суть правонарушения. И тут, не знаю, возможно угорь от моего хлопка проснулся, а может Витя вспомнил вкус соплей Сигизмунда Сидоровича, но вдруг он неприлично икнул, выпучил влажные страусиные глаза и издал чавкающий звук. Затем из ноздрей подсобника брызнула коричневая слизь, а изо рта прямо на государственные бумаги выплеснулся скользкий угорь. Он был облеплен яблочно-морковной массой и красиво блестел. Свежевыблеванная рыба яростно извивалась и щелкала пастью. Изрыгнув угря, Витька бодро чихнул, вытер морду казенным полотенцем, достал из за уха пожеваную спичку и, вставив ее промеж зубов, произнес:

– Насчет Сигизмунда Сидоровича ты гонишь, шеф. Я тогда не пятьсот, а тыщщу гривен срубил… Нинка еще босоножки купила и мне спортивный…

Но об удачном приобретении босоножек ни прыщавый милиционер, ни тетя-врач не узнали. Мент с искаженным лицом выскочил из экологической будки, пал на сухую траву и, порвав китель, возвел глаза к небу. Трясущимися губами он что то бормотал в небеса, а его молодой коллега бежал к нам, расстегивая кобуру:

– Что, Коля, где?!? Кого гасить, Коляны-ы-ы-ыч??!

Тетка на каблуках в этот момент окончательно проявила свою лживую сущность и, вместо того, чтобы охранять окружающую среду, принялась злобно бить невинного угря картонной папкой. Волосяная башня на голове у нее увеличилась вдвое и некрасиво растрепалась. При этом эпидемическая врачиха визжала так, что в шкафчике треснуло несколько химических колб и боковое стекло в лабораторной машине. Я был удовлетворен.

– Ладно, Вы тут природу охраняйте, мадам, – сказал я, беря за плечо Витьку, – а мы, пожалуй, поедем. Впрочем, у меня в машине еще два таких хунвейбина сидят, могу позвать их сюда, протокол подписать. Как свидетелей. Тоже посконные христиане.

– И чего?, – Глеб Егорыч так заслушался, что даже забыл палец из стакана вынуть, – куда угря то дели?

– Да забрали мы его, Егорыч, от этих бездушных тварей и обратно в чистое озеро отпустили. Заслужил свободу угорь… А приборчик этот крендебобельный, что газы в машинах меряет, Витька все же спионерил, – я подозвал тощего маклера, -ну ты наливай , дружок, не стесняйся. Розовый траминер тащи.

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21205210644

Запасной вариант

Мое терпение лопнуло и я выгнал Витьку с работы. Пнул его под зад, как шелудивого пса. Ладно, я мог еще стерпеть его послеобеденный сон, порчу дорогих инструментов и регулярное просверливание проводов в стенах, но когда он проиграл в домино мои "дайвинги" с фосфорным циферблатом, то я взорвался. Сначала в резкой форме я сказал Виктору, что он "уникальный олигофрен, паталогический маньяк, скот и, вообще, результат неудачного опыта по скрещению ишака и ленивца". Затем в этой же последовательности записал ему все вышесказанное красивым почерком в трудовую книжку.

– Катись на биржу труда!, -крикнул я ему вслед, потирая то место на руке, где раньше был мой "Таг Хауер". Блин, лучше б я сам батарейки заменил…, -Я тебе такую характеристику накатаю, осел, что тебя ни один идиот на работу не примет! Скотина.

Витька осознавал свою вину, возражать не смел и, сняв со стены свой календарик с поросенком, грустно побрел домой. На пороге офиса он еще что то буркнул про "тиранию", "запасной вариант" и "крепкую память".

"Я тебе дам тиранию, – злился я набирая в интернете объявление о поиске профессионального плиточника. – У меня тоже память крепкая… До сих пор помню перламутровый блеск

циферблата и фосфорные стрелки". Плиточник мне нужен был по той причине, что Йончи, мой основной игрок на плиткорезе, резко сдриснул на заработки в Прагу и теперь я не мог закончить в срок серьезный интерьер.

Витька времени не терял: выпил пива на районе, прошвырнулся по игровым залам, посмотрел по телику армреслинг и лег спать. С утра пораньше Витя, как честный гражданин, отправился в городской Центр Занятости. Пожилая блондинка в окошке с надписью "диспетчер" поставила его на учет и выдала маленький талончик на обязательное посещение семинара. Семинар назывался "Треннинг самопрезентации". И, так как неявка на семинар приравнивалась к измене Родине и лишала претендента на пособие по безработице, то на следующее утро ровно в восемь сорок Витька уже стоял под дверями конференцзала.

Семинар проводил молодой подвижный человек с выпученными глазами и, судя по его глубокому знанию проблемы, сам недавно был безработным. Юный лектор энергично вещал:

– Что такое самопрезентация, дорогие мои безработные? Это искусство представить себя собеседнику. И это совсем непростое искусство. Оно требует наработки техники. А техника визуального контакта зиждется на трех китах: Язык. Жесты. Интонация…

Витька жадно хватал слова и что то писал в блокнот. Сидевшая слева женщина в волосатой кофте ковырялась шариковой ручкой в зубах. Мужчина справа спал с открытыми глазами.

– Сегодня я открою Вам несколько безотказных приемов воздействия на собеседника, – продолжал возбуженный лектор,- Сразу запоминайте имя собеседника. Ничто так не ласкает слух человека, как его собственное имя. Несите изюминку. Не бойтесь жестикулировать. Включайте мимику. Улыбайтесь. Улыбка вселяет веру. Вся информация, которую Вы выдаете, должна исходить из Вашего личного опыта. Не усложняйте обсуждаемую проблему…

Витя увлеченно записывал. Женщина сломала в зубе ручку, а у мужчины со стеклянными глазами изо рта потекла струйка слюны.

– И главное, -подчеркивал оратор,- Самое главное! Используйте "правило английского старшины". Оно таково: огласи собеседнику тему, затем скажи ему это еще раз и потом повтори ему то, о чем ты только что рассказал с тем, чтобы еще раз вернуть его к оглашенной теме.

В этом месте Витька слегка забуксовал, потер ухо, но продолжал старательно писать. Женщина встала, мужчина всхрапнул. Семинар был окончен. Выдали бланки для резюме.

Прийдя домой Витя положил перед собой чистый бланк и взялся за написание резюме. Спустя два часа на кухонном столе находилось шесть пустых бутылок из под пива и гениальный документ. Он гласил:

Рыбалко Виктор Филиппович. 2,72. ул. Росвиговская. г. Мукачево. 89600. тел. моб. 067-6232190. Дата рождения: 16 марта 1980 года. гражданство – украинец. семейное положение – устойчивое. сын – Петя. Опыт работы: ритуальные услуги, свадьбы, похороны, поминки, укрепление могильных плит, подготовка клеящих растворов. Образование: Аграрный техникум N3. Машинист-тракторист. Знание языков: украинский, русский – легко. Остальные со словарем. Навыки пользования компьютером: "Windows" – новичок, "World Of WarCraft"'- орк девяностого уровня, "Need For Speed" – все трассы пройдены. Хобби: ирландский самогон, крепкий сон, утреннее самосозерцание. Дополнительная информация: права водителя всех видов транспорта, Деловые черты: честный, любознательный, ласковый и чуткий. Рекомендации: не рекомендую. Важная информация: любимая песня – "Белые Розы" Юры Шатунова.

На следующий день Витя получил талон на собеседование и сразу направился в городской ЗАГС: там освободилась вакансия водителя свадебного фаэтона. По дороге Витя внимательно перелистал семинарские записки и в кабинет директора, а вернее директриссы, вошел весь исполненный харизмы. На руку Витя одел тонкую резинку от консервации и, по совету лектора, щелкал ею себя по руке, дабы погасить чрезмерное волнение. Когда он явился на пороге, Розалия Карловна, а так именовали владелицу ЗАГСа, слегка приоткрыла малиновый рот, ее синие брови медленно поползли вверх, а тонкая сигаретка безвольно повисла на нижней губе. На свеженарисованном лице женщины отразилась маска недоумения. Виктор предстал в полный рост, сияя сердечной улыбкой и нежно взирая директриссе прямо в глаза. Коричневый с люриксом галстук "Мечта комбайнера"

идеально гармонировал с желтыми зубами и значок "ГТО", привинченный к рубашке, ясно давал понять, что претендент не хил здоровьем. Пластырь на щеке (Витя неудачно побрился) был той самой изюминкой, о которой вещал оратор, а край желтой в горошек рубахи, торчащий из расстегнутой ширинки штанов подтверждал твердость и несокрушимость намерений соискателя работы.

– Добрый день, Карлитта Розальевна! – голосом диктора первого канала произнес Виктор, – Ритуальные услуги – это мой выбор и Ваша судьба. Ничто так не сближает людей как несчастье, будь то похороны или, не дай бог, свадьба, а я в этом разбираюсь. Уж Вы мне поверьте. Люди женятся, рождаются и помирают, а мы, работники ритуальных услуг, нужны всегда – это неоспоримый факт. А работники с богатым опытом, интеллигентным лицом и печальной судьбой, – Витька щелкнул себя по руке резинкой, – просто неоценимы в наше тяжелое время. Да, нелегко хоронить людей, сограждан и коллег. А сочетать браком еще тяжелее. Однако все мы смертны, рождаемы и сочетаемы… И исходя из вышесказанного…, – Витя вдруг коварно применил "правило английского старшины", – я тот кто Вам нужен: женю тихо, похороню незаметно, роды приму недорого и бесплатно засуну назад. А так как известно, молчание – знак согласия, тот позвольте, Каролина Романовна, оставить свои координаты на этом нетленном листке бумаги. Лобзаю руки и трепетно жду звонка, мадам.

С этими словами Виктор положил на стол перед директриссой резюме с фотографией и визитку, нарисованную вчера чернильной ручкой. На фотографии Витя был изображен в полный рост на фоне зеленого озера с шашлыками в правой руке и флаконом темной жидкости в левой. Эффект красных глаз он пытался вчера убрать на компьютере, поэтому вместо зрачков остались только белки. На снимке будущий сотрудник ЗАГСа был одет только в носки… Витя коротко поклонился и вышел на улицу. Розалия Карловна легонько кашлянула, как бы возвращяя себя назад, в действительный мир и тоненькая коричневая сигаретка упала с губы в кофейную чашку…

Я тем временем тоже не терял времени: вскоре нашел по сети опытного плиточника, непьющего, некурящего и, как он писал, живущего одной работой. На три часа у нас была назначена встреча и я сидел в кабинете, положив ноги на стол. Под ногами были чертежи интерьера, рядом стоял горячий кофе, а в руке я

держал остро заточеный карандаш. Всегда точу карандаши ножом, не люблю точилок… На настенных часах бало уже три ноль семь. Трудолюбивый работник опаздывал. Я заерзал в кресле и принялся нервно грызть карандаш.

Вдруг дверь медленно отворилась и предо мной предстал Витя:

– Не пью. Не курю. Морально устойчив.- сказал он,пощелкивая резинкой по руке, – живу одной работой. Любимая песня – "Белые Розы" Юры Шатунова…

В одной руке он держал резюме, а в другой мой "Таг Хауер" с завинчивающейся головкой и фосфорным циферблатом. "Запасной вариант",- подумал я и острозаточенный карандаш выпал изо рта в чашку с горячим кофе. Рядом лягла витькина трудовая книжка.

***фрагмент
Yodli.

© Copyright: Валдис Йодли, 2012
Свидетельство о публикации №21204041586